

АЛЕКСЕЙ ЯТИН

БОЛДИНСКОЕ
МЕЖСЕЗОНЬЕ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПАНОПТИКУМ МОЛОДЫХ
ХАРАКТЕРОВ

Москва
Академия российской литературы
«Новые Витражи»
2020

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)

УДК 882

Я 96

Алексей Яшин. Болдинское межсезонье: Паноптикум молодых характеров: Новеллино (десятая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— Москва: РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2020.— 341 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-6045069-7-4

Как и предыдущие книги нашего условного цикла «рассказов Николая Андреяновича» — «Задушевные беседы об умозамещении» (М., 2017), «Женщина в человекине» (М., 2018), «Житие наше оцифрованное» (М., 2019),— настоящая суть микроскоп, нацеленный (это слова Льва Толстого) на художественное отображение деяний Великого глобализатора, родного брата Великого инквизитора Ф. М. Достоевского, в одночасье, то есть в считанные десятилетия, превратившего оптимистичное человечество в унылый человекин — термин А. А. Зиновьева, используя методы умозамещения и цифрофрении — а это уже наш вклад в великий и могучий... В длящейся от неандертальцев и кроманьонцев генеалогической цепи движения разумной жизни каждое последующее поколение слегка ерепенится и по молодости бунтует по части взглядов и обычаев своих отцов и дедов, но, подросши, успокаивается, продолжая это движение в преемственности неразрывной цепи. Но — свершилось предсказанное Шекспиром: порвалась цепь времен в эпоху глобализации. Так задумано, запрограммировано в механизме биоэволюции. И сыновья уже никогда не станут копиями отцов, тем более дедов и иных пращуров. Но напрасно те с сожалением смотрят на нынешних детей-внуков, ведь им-то живется-можется вовсе без натуги! Просто они уже другие, активно расчеловечивающиеся. Поэтому и старшим поколениям нечая слезы лить, а поинтересоваться нелишне: чем и как живут современные «молодые характеры». Что мы и делаем в настоящей книжке.— Остались ведь еще люди читающие... Повторы в новеллах — это для их раздельной журнальной публикации.

*Иллюстрация на обложке: Межсезонье в Ясной Поляне.
Реконструкция купальни на пруду (любительское фото).*

Политипажные иллюстрации в тексте из староизданных книг конца XIX — начала XX вв. Подписи к ним А. А. Яшина.

© Яшин Алексей Афанасьевич, текст, подписи к иллюстрациям, макет книги и ее художественного оформления, 2020

БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ

Предисловие

Все полагают, что на Руси жизнь скучна своим однообразием, и ездят отсюда за границу развлекаться (здесь и далее выд. Н. С. Лесковым.—Авт.), тогда как я утверждаю... что жизнь нигде так не преизобилует самыми внезапнейшими разнообразиями, как в России. По крайней мере я уезжаю отсюда за границу именно для успокоения от калейдоскопической пестроты русской жизни.

Н. С. Лесков «Смех и горе»

◆ Сразу оговоримся, что не столько хрестоматийная «болдинская осень» в холерном карантине гения русской поэзии подсказала нам в затворничестве самоизоляции известной пандемии название этих новелл — пусть кто как хочет их именует: очерки, рассказы и пр., — но недалекое соседство с моим домом улицы, названной в честь героя Великой Отечественной войны генерала Болдина. То есть наш небольшой квартал, домов в десять, пятиэтажек, по направлению юг-север располагается между главным проспектом Тулы имени величайшего практика создания социализма Владимира Ильича Ленина и улицей Фридриха Энгельса, основоположника диалектического материализма (Маркс «отвечал» за политэкономию). Торцами прямоугольник квартала с одной стороны упирается в сквер с памятником Льву Толстому (ск. Буякин, арх. Колчин, 1973), с другой — в некотором отдалении охватывается улицей Болдина.

А межсезонье — вместо пушкинской осени? Это

по причине отсутствия в этом году зимы как таковой. Только дважды наблюдался легкий морозец, державшийся по полтора-два дня. Словом, с осени по весну, включая и их по преимуществу, многомесчное межсезонье, на которое, чтоб до кучи! и зловорущая эпидемия наложилась. Даже людям верующим, воцерковленным негде и свечку за избавление от напастей поставить: в домах давно образа из обихода вышли, а храмы на карантине...

Насчет беззимного межсезонья, впрочем, нечего валить на глобальное потепление. Вот и президент Трамп в него не верит, может и правильно мыслит, даром что из немцев происходит,— это где родина «сумрачного германского гения». Почему-то все высоколобые, явно с подачи СМИ (средства массовой информации), забыли о простой вещи: вековой ритмике качания холод-тепло. Вот и во времена Пушкина схожее с нашим наблюдали: «Зимы ждала, ждала природа...». А когда с карантина снимут музеи, сходите в Третьякову или в Эрмитаж (по месту жительства), торопливые же пусть по «инту» наберут по поисковику «старые голландцы», на полотнах которых узреют ребятишек, катающихся на коньках по льду замерзших — ныне теплых — голландских водоемов и играющих в хоккей (какая там Канада родина хоккея...). А все потому, что самое ближнее к нам по времени малое оледенение случилось всего-то в XII—XIV веках! Сейчас вот потепление, а впереди очередной малый ледниковый период. Не утверждаем, но возможно, что «глобальное потепление» есть такая же коммерческая шутка, как разрушение озонового слоя атмосферы испарениями хладоагента фреона из холодильников (?!). Как только на рынке этих приборов восторжествовали транснациональные компании с иным способом тепловыведения, так в один миг и прекратились «песни народностей» про озоновый слой... Понятно, что с

глобальным потеплением гешефты и «панамы» намного серьезнее, глобальнее, потому и название такое.

И вовсе грандиозна ситуация с нынешней пандемией. Но здесь и слово-то молвить, забредя в самую безлюдную пустыню, опасливо, не то что в обиход пускать через интернет, тем паче оттиснув литерами на бумаге... даже в одном экземпляре. С экрана телевизора с утра до вечера ролик крутят: суровый мужик в черном монашеском одеянии и с деревянной киянкой-молотком в руке пугает добрый народ на нижегородско-американском наречии. Дескать, по фейсу вас за фейки, то есть распространение недостоверностей про эпидемию, штрафы килограммовые. Все по закону, который по доброй исстари русской традиции, «что дышло...». Поэтому промолчим до дозволения.

Ну да ладно, а то вовсе перейдем в тот треп, что ближе к вечеру по всем программам телевидения по два-три часа без перерыва на перекур ведут осанистые мужики, причем бабьими визгливыми голосами, слитными, без пауз, словами и по пять-шесть человек одновременно, как на одесском базаре в разгар торгового дня... А нут-ка разъясним читателю: чего это расписался в свободнодосуговое болдинское межсезонье?

Конечно, справный сельский мужик в стародавние времена, когда в каждом губернском городе еще не стоял наспех возведенный из гофрированных оцинкованных железных листов заводик по отверточной сборке японских, китайских, европейских и американских лаковых пластмассовых легковых авто, поездив в обочинный день вволю на своей труженице лошадке, по прибытии в родную избу не торопился тотчас ставить ее в стойло к овсу и сену, а с полчаса неторопко выгуливал своего гнедого или каракового по двору. Чтобы конь успокоился, отпотел, забыл на время от рыси, галопа, иноходи. А детишки малые,

что на пороге избы столпились, подмечают не подетски наблюдательными глазами: ходит на недоузке отцом их Савраска по кругу и никак не может отойти от рабочего бега... Так и сочинитель, попав в безвыходный из дома карантин, все не в силах тотчас облениться, посutoчно успокоиться на уютном диванчике с книжкой в руках, при включенном для фона телевизоре (а в холодильнике початая бутылочка «со слезой»!). Все неймется ему. Зажмурил глаза — и видится на домашнем рабочем столе целиковая десь еще не исписанной бумаги с водяными знаками писчебумажной фабрики купца 1-й гильдии Мартемьянова с сыновьями. И в легкомысленной хрустальной вазочке торчком пук свежеочищенных гусиных перьев. А в сложном письменном приборе с дарственной серебряной табличкой, преподнесенном друзьями-литераторами к тезоименитной годовщине, стынут без дела отличные железисто-галлусовые чернила немецкого химического завода *Wolfgang Keiserstuhl*.

Так и мы, ничтоже сумняшеся. Вроде как к лету все дела переделаны по части рукописания: завершил очередной том многокнижной научной монографии; уже в первые две недели карантина и в романе новом, как французы говорят, *point sur les «i»*. Опять же первый номер этого года литературного журнала, что редактирую, вышел, а за следующий по графику только через месяц следует браться. Отчего бы, потрудившись усердно и с перевыполнением годового плана, и не прилечь на оттоманку с томом Достоевского, Лескова, Тургенева, которых вроде бы и назусть память держит, но наслаждение от очередного перечитывания столь велико, что даже рюмка-другая грузинского коньяка «Грэми» десятилетней выдержанки в сравнение не засчитается... Словом, не хочет извозчиций трудяга Савраска идти в стойло к овсу и сену, а все меряет да меряет кругами истоптанный свой двор. Кем родился, тем и пригодился, перефра-

зирая известную пословицу — от географического акцента, так сказать, к профессиональному.

Итак, апологизировали свое писчебумажное усердие в болдинское межсезонье — очередной сюрприз глобализации, в отличие от сомнительного рукотворного глобального потепления — с явно созданным в лабораториях избирательным на старшие поколения вирусом и наблюдаемым повсеместно губительным его действием. Ох, забыл про *фейки*...

Второй вопрос для самого пишущего: какова же форма-жанр и тема такого, «от нечего делать», рукописания? И на него, особенно не растекаясь по древу, сообразим ответ.

«Ты до дна маслян, только тобой подавившись», — русский фольклорный семантический аналог известного утверждения, почему-то приписываемого остряку Бернарду Шоу в его отзыве на философию Гегеля. О том, что всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд. А наш любимый сочинитель Николай Семенович Лесков в произведении, из которого извлечен эпиграф к настоящему предисловию, в отношении к литературе таковую маслянистость или совершенство именует «абсолютной честностью». И мы таковым эвфемизмом будем пользоваться, уже и не закавычивая этих слов. То есть разберемся в единстве: лесковская абсолютная честность, жанр литературного сочинения и тематика оного. Причем не в логической, не в философской, не в семантической трактовке, что скучно, просто отвратно для читателя беллетристики, ведем речь, а, что называется, от опыта. А если автор ссылается на личный опыт, то это еще более усугубляет внимание и приязнь (гипотетического) читателя. Речь, понятно дело, идет о современном массовом — ха-ха-ха! где он, наш родненький, в наше-то оцифрованное и умозамещенное (термины наши) время? — читателе, попривыкшем, вернее напрочь переученном телевиди-

ком, интересоваться не каким-либо творчеством, а грязненьким бельишком его создателя. Отсюда и интерес к личному. Что ж, эффективно бороться с врагом его же оружием, поэтому массовый нездоровый интерес к личному используем в своих «корыстных» целях.

Регулярно публикуясь в десятке-другом литературных журналов, российских и белорусских, в последнее время заметил с огорчением, что почти все мои предложения вежливо или молчаливо, мягко говоря, не встречают интереса. Обычное возражение — большой объем. Грешен, воспитанный на Лескове и Достоевском, тяготею к объемлющей пространности в своих рассказах (о крупном жанре и речь не идет в современной литературной журналистике). С другой стороны, даже не все так называемые новые журналы, то есть начавшие издаваться сразу по окончанию «лихих девяностых», когда было «не до тебя, Федя, не до тебя», стремятся отдавать предпочтение «стенгазетному формату» — пока мы последнее слово используем в традиционной русской этимологии, от «формы», в данном случае объем в стандартных машинописных листах. Стенгазетный — значит объемом в страницах по числу пальцев на одной, максимум на двух руках. То есть редакция такого журнала преследует две большие цели: всем сестрам по серьгам, а если журнал с платными публикациями, то и сборы с авторов на печатание тиража вроде как не обременительны для них.

Это все понятно; вообще говоря, издающие сейчас литературные журналы коллективы суть герои наших нелегких будней победившего класса-гегемона, истинные подвижники, великая честь и хвала им, счастливым творчеством организующим, но в миру бедным аки мыши церковные — монахам в этом миру ради поддержания остатков бывшей великой русской литературы. Советской тож.

Но вот здесь и закрадывается сомнение (не путать с самомнением!): а только ли ради одаривания лите́стер серьгами журналы не печатают даже хорошо им знаемого, дружественного автора, формат сочинений которого несколько превышает стенгазетный? Может все дело в абсолютной честности этого автора, который в своих плодах литературных упражнений старается, конечно, в силу отпущенности ему кем надо способностей, отобразить всю глубинность — до «дна масляного» — сегодняшней жизни, провалившейся в бездонную и страшную яму глобалистской бездуховности, она же расчеловечивание, умозамещение и цифрофрения? А таковая глубинность отображения есть сущность традиционного русского критического реализма в литературе. Или нового такого же реализма, извиняемся за нескромность, манифест которого был опубликован нами в нескольких литературных изданиях. Но востребована ли она сейчас, эта-то глубинность, точнее, устремленность к ней?

Вот в чем вопрос и ответ. И никуда от него не денешься в человеческой психологии. Любому же человеку и по обыденной жизни присущ в той или иной мере «страусов комплекс», а когда эта жизнь проваливается в указанную выше яму, то... и взятки гладки с несчастливца. А для отказов таким «глубинным искателям» и пришел в нынешний журнальный обиход паскудненький американизм *формат*, он же *неформат*, созвучный на 100 % с названным выше традиционным словом, но понятийно расшифровываемый как «подходит / не подходит нашему журналу <имярек> по причинам идеологическим, широко и конкретно понимаемым, и... будьте столь любезны, милостивый государь <имярек>, в дальнейшем не ставить нас в неудобное положение. Остаемся и пр.».

Поскольку же в эпоху глобализма классовость

общества, опять же глобального, человейника по А. А. Зиновьеву, отсутствует, то и идеологии в доселе принятом смысле нет. А в определении американализма *формат* под идеологией завуалировано подразумевается именно «страусов комплекс». Круг замкнулся, как в физиологии «порочный круг патогенеза» — биологи и медики поймут, равно как и любой всесторонне образованный человек — прерогатива не столь уж отдаленного прошлого. Увы и безвозвратно.

Полагаем, хотя и кратко, но доступно объяснили триединство абсолютной честности, тематики и жанра — последнее в части «стенгазетного формата», из какового (триединства) как-то надо выпытываться, ибо сейчас не время «писать в стол», публиковаться где-то надо. Хотя и «свой» литературный журнал, что называется, под рукой, но крепко в память запали слова советского классика Бориса Михайловича Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника», в семинаре которого я состоял в бытность учебы в Литинституте. Седовласый ветеран советской литературы с огромным жизненным (штурмовал рейхstag капитаном-артиллеристом) и творческим опытом, организатор литературного процесса ненавязчиво говорил, что если кому-то из нас, его питомцев, доведется возглавлять журнал, то особо не обременяйте его нетленные страницы своими сочинениями...

Итак, ниже представлены столь уважаемые редакциями короткие по *формату* (привычное слово) «вещицы», что можно публиковать выборочно, соотнося их тематику с принятым в журнале *форматом* (американизм). Все же не удержимся в заключении «идеологического предисловия» (как в советских изданиях книг), процитировать Н. С. Лескова из упомянутого выше очерка: «*Поэт того же мнения, что правда не годится, и даже разъяснил мне, почему*

правды в литературе говорить не следует; это будто бы потому, что «правда есть меч обоюдоострый» и ею подчас может пользоваться и правительство; честность, говорит, можно признавать только одну «абсолютную», которую может иметь и вор и фальшивый монетчик».

Опять же ниже встретимся с любимыми нашими героями, персонажами десятка ранее изданных романов, тружениками Тулуповского госуниверситета доцентом Николаем Андреяновичем и профессором Игорем Васильевичем Скородумовым. Поехали! (Сегодня двенадцатое апреля на численнике).^{*} Вообще-то ниже речь пойдет о нынешних молодых людях Федерации Российской...

* Еще одна *nota bene*: почему-то в литературном круге, прежде всего читательском, сложилось устойчивое убеждение, что всё выходящее из-под нашего пера суть сугубая сатира, которой сейчас не место, интереса для читателей не представляет. В точку попали! У нас и намека на сатиру нет, это просто неприкрытое ничем отображение нашей реальности, а она такова (см. эпиграф), что самое серьезное описание ее и кажется сатирой...— Прим. авт.

Бредут две пешки по *Руси*, но в душе себя представляя если не ферзями, то уж слонами на-верняка. Потому, подгулявши, и двигаются вдоль улицы зигзагами. И так при всех режимах. Дело даже не в сорокаградусной утеше, а в той восхи-
тильной черте народного характера, которую мы сами именуем пофигизмом, а западники — за-
гадочной русской душой. Но главное — мы крепко помним присказку: пьяный проспится, а дурак — никогда. Главное, чтобы количество дураков не превысило число просто пьяных. В противном случае и до либерализма можно додуматься!

17D-ВОДКА ОЦИФРОВАННАЯ БЕЗАЛКОГОЛЬНАЯ

◆ Вовка Шевляков после окончания университета по специальности культурологии, в которую его впихнула мать, школьная учительница музыки — по своей приязни к гуманитарности и полному отсутствию у чада способностей к чему-либо, по давним, позднесоветским знакомствам все той же хлопотуньи матери пристроился в областную администрацию. Поскольку материн протежист имел не слишком выдающийся статский чин, то Вовку определили в захудалый бабский департамент, каковые уже несколько лет как переинчили в «министерства», а именно по стезе наробраза, на начальную мелкую должность, неопределенно именовавшуюся «специалист». «Министром можешь ты не быть, спецом диплом тебя обяжет», — тяжеловесно скаламбурил отец, после развода оборонного завода, где начальствовал сборочным цехом, умудрившийся заиметь крохотную автошколу.

Если в духе времени административного восторга областные департаменты переименовали в министерства, то и по нисходящей сделали передвижку к более громким наименованиям: бывшие отделы сейчас назывались департаментами. Вовка попал в таковой, что уже не умещался в огромном здании администрации, бывшего обкома и исполкома, в центре города, а занимал отдельный двухэтажный дом в южной части города, впритык к студгородку родного Вовке университета. Когда-то, а конце сороковых годов, на самой южной окраине города построили завод технической резины, а вдоль длинной улицы, упирающейся в заводской забор, соорудили уйму двухэтажных бараков для рабсили из окрестных деревень и выходящей из тюрем местной шпаны. В девяностые «лихие» и в начале нулевых все эти бараки, исключая самый непригодный, отанный местной писательской организации,

расселенные в «золотые» семидесятые советские годы, прибрали к ловким рукам и переделали в этакие фальшивые теремки с надстроенными парижскими мансардами. Дом с Вовкиным департаментом, миновав ловкие руки, оказался в муниципальной собственности.

Вовка не то что бездельником и полным дураком к своим двадцати трем годам подошел, просто бог не дал ему с рождения этих самых конкретных способностей, а из умений, учитывая маловоспитательные годы его созревания, приобрел только самые расхожие в школьной и студенческой среде. Здесь особо и говорить нечего.

Ничтожный чин Вовки в бабском департаменте с основным достоинством — мадам провинциальная министерша и весь кагал средне-высшего начальства далеко, через полгорода, вовсе не удручал его: неясно-оптимистическое отрочество как-то само собой, явно с оглядкой на наступившую окрест суконно-цинковую жизнь, перешло в замедленно-сонную юность и далее раннюю молодость. Здесь он тоже ничем не выделялся из среды сверстников. И девица у него необременительная, как у всех — с местом для уединенного общения; *комп* и *смарт* с *интом* скрашивают домашние вечера...

На службе время шло неторопко, но и необременительно. Вовка просто «выключал» свою голову в будние дни с девяти ноль-ноль до восемнадцати с теми же двумя нулями. Директорша уединенного департамента Евгения Яковлевна, дама отчаянной молочно-восковой спелости, пользовавшаяся вниманием солидных мужчин города, редко наблюдалась во вверенном ей присутственном месте, обретаясь преимущественно в свите министерши. Поговаривали департаментские, что «Евгеша» готовит себе место в администрации позначительнее. Словом, если она и помнила о своем подчиненном Вовке Шевлякове, то скорее всего по редкостному в ее бабьем царстве мужскому полу.

Но вот непосредственная столоначальница, то есть завотделом, Вовки Елена Викторовна, являлась классической наобразовской руководительницей среднего звена, поскольку вышла из советских гороновских работников. Опять же ее предпенсионный возраст заставлял, с одной стороны, вести себя настороженно ко всем и вся, а с другой — не допускать ни малейшей оплошности в работе подотчетного ей отдела. Огромный жизненный и руководящий по мелочам опыт Елены Викторовны говорил, что где тонко, там и рвется. То есть наибольшее вероятие огрехов приходится на молодых сотрудников, тем более молодых мужиков в бабской среде. Именно поэтому с самого явления Вовки Шевлякова в отдельской продолговатой комнате со стеклянной отгородкой кабинетика начальницы, с восемью сотрудниками в возрасте от тридцати до пятидесяти лет и одним мужиком лет сорока пяти — пятидесяти с несколько мутноватой биографией, но взятым в отдел за умеренное знание компьютерных заморочек, в чем бабье не разбиралось... так вот, с появлением Вовки Елена Викторовна взялась за его приучку к работе и департаментскому политесу.

«Держись, Вован,— доверительно по мужскому компатриотству сразу предупредил новобранца компьютерщик Серега, как он рекомендовал себя называть,— Викторовна есть продукт совка в его худшем бабьем, гороновском качестве. Это по работе, хотя по жизни-то добрая, внучатая». Серега имел инязовское педагогическое образование и хорошую память; несмотря на помятость лица по понедельникам, иногда щеголял латинизмами, дескать, «*suntta jus suntta injuria*»,— успокаивал он Вовку после легкой вздрючки от начальницы,— то есть высочайшее право есть высочайшее бесправие; это по-русски означает, что я — начальник, ты — дурак. «Плюнь! Заглянем-ка лучше после звонка в хорошо тебе знакомую

по учебе в университете «Наливайку», а?». Заглядывали и не раз. Обычно по числу воспитательных вздрючек.

При всем своем наплевательском безучастии к служебным делам, Вовка морщился, вспоминая первый язвительный выговор начальницы.

— Ну-у, Владимир,— на втором месяце его службы сказала Елена Викторовна, позвав его в свой стеклянный закуток,— полагаю, вошел уже в общий курс, то есть направленность работы нашего отдела, да? Потому первое тебе самостоятельное задание: сейчас по разным отделам готовят доклад для Евгении Яковлевны на педагогической конференции нашего федерального округа, читай — почти всей страны. От нас затребована развернутая справка по современному состоянию цифровых технологий в школьном образовании. Конкретику по нашему региону тебе наши сотрудницы соберут — у них вся статистика по школам ведется. Ты же все свяжешь воедино, ну и теории общей, как в докладах такого уровня принято, где надо подбросишь. Почему тебе поручаю? — Наша девушки,— здесь начальница неопределенно подняла на секунду брови,— уже давненько по времени свои университеты пооканчивали; ты же прямо со студенческой скамьи — тебе и карты в руки, в курсе новейших веяний в цифровом образовании, а оно сейчас семимильными шагами, год-два и отстал от новаций. И красной нитью в этом документе современный девиз: от слова к цифре! Все понятно?

Вовке опять примирилось, что при словах девиза у пенсионной Викторовны по-старушечки совсем, хотя и в бодрой форме себя держала для своих лет, вроде как смигнулся правый глаз (очки она не носила).

— Понял, Елена Викторовна.

— И хорошо. Верю я уже объяснила. К концу дня она тебе на компьютер статистику и данные нужные перебросит. Сроки торопят, три дня тебе. Затем я просмотрю, если будут замечания — исправишь.

Вот методичка министерская, в смысле российского минобра, оттуда вводную, структуру и стиль изложения возьмешь. Иди, трудись.

Проходя от «стекляшки» начальницы по пенальной комнате отдела к своему столу, последнему в ряду перед входной дверью, он застопорился на миг у стола Веры, незамужней, тридцатипятилетней, поэтому отчаянно молодящейся, которую от скуки офисной жизни явно потянуло на молодняк при появлении в отделе Вовки, молча вопросительно кивнул ей подбородком, еще пока робко зараставшим уже третий год модной кадыкастой бородкой «под игиловца». Также по моде он и прическу содержал с выстриженными висками и заушинами — опять же под хохлацкий оселедец.

— Во-о-вик,— с игривой растяжкой откликнулась она слегка густоватым от курения контральто,— задание получено, после обеда скачаю тебе. Яволь, мой капитен! — Шаловница, как и Серега некогда учившаяся на инязе местного педа в части невостребованного сейчас немецкого языка, шутливо козырнула.

Вовка отсалютовал в ответ и двинулся на свое место пребывания, почему-то думая не о мудреном задании, а о наращенных ногтях Веры и еще двух сослуживиц чуть помоложе: «И как они умудряются столь бойко тарабанить по клавишам с такими когтями?».

Поскольку его герла Нонка еще вчера позвонила, что родняки на выходные, с вечера пятницы по раннее понедельничное утро, уезжают на дачу для сентябрьского сбора чего-выросло, то, в предвкушении двух дней и трех ночей в постели, на удивление самому себе, неприязненная было поначалу скучотичная работа как-то пошла. Не всяко лыко в строку, но компиляция данной Викторовной методички и статтабличек от Веры все же укладывалось во что-то связное. Заглядывая в принесенный из дома университетский учебник информатики, даже с объявив-

шимся вдохновением, так что пальцы скакали воробушками по клавиатуре, сочинил и потребную отсебяту, связывая фразы учебника, минобразовской методички и данные Вериных таблиц.

Чувствуя себя молодцом, по-гусарски подвигаясь поочередно плечами — только ментика на правом не хватало! — прошел пенал комнаты, предупредительно кашлянув, вошел в стеклянную загородку начальницы, молча положил на угол ее стола победительную папочку с листами распечатки.

— Угу, в срок,— безразлично одобрила Елена Викторовна, не поднимая головы, углубленная в явно спешные бумаги,— иди, в выходные просмотрю, домой возьму. Будут замечания, так до понедельника.

— Вот и чиновником, брателло, становишься, мелкая радость от ненужной работенки воспылала,— незлобиво и необидно заметил Серега, выходя вместе с Вовкой из департамента после отбойного звонка,— а что? может в «Наливайку» ностальгическую в честь окончания труднедели?

— С удовольствием бы, но...— с некоторой потерей бдительности, к которой все наущал его отец, Вовка вкратце рассказал о выходных днях с кем надо, которые начинаются с раннего пятничного вечера.

Серега пожелал успехов в серьезном, не канцелярской чуши, мужском деле и, отсалютовав, уверенно двинулся в сторону недалекой «Наливайки». «*Jeden das Seine*»,— упомянул он, тоже, как и Вера, выпускник по непопулярному ныне немецкому отделению (английский неосновной) иняза,— каждому свое, как фрицы по Геббельсу на воротах концлагерей вывешивали. Да-а, кому с девчонкой двое суток развлекаться, а мне домой тащиться. Хоть в «Наливайке» вэбодрюсь!

Вовка же, плексигласово глухо позвякивая в наплечной сумке взятыми с утра из дома дисками оцифрованных порнофильмов, заскочил в ближайший

по ходу «спар», закупил требуемое для вдохновения и едова, раздосадовано отогнал мыслишку о собственной машине, до которой еще два-три года мечтать, дождался нужный номер автолайна и покатил к Нонке. Матери еще вчерашним вечером сказал о приятельских выходных. Та с серьезным воспитательным видом восприняла явный секрет Полишинеля, неопределенно помечтав о внуках.

Явно огорчив мать в ее мечтаниях о внуках преимущественным безопасным прононсом в их с Нонкой программе на выходные дни, в понедельник Вовка тем же обратным маршрутом автолайна еще за четверть часа прибыл в департамент вальяжно-усталым и с полностью чистой от служебных мыслей головой. Пенальная комната отдела понедельнично, то есть без обычных казенных шуток (Серега с традиционно помятым, но до синевы, по-офицерски, как он говорил, выбритым лицом), наполнялась до штатной численности: в сентябре охотников до отпусков не наблюдалось.

Лаврового венца от Викторовны Вовка не ожидал, но на служебную сухую благодарность где-то в глубине души рассчитывал. И даже вдохновенность от двух суток с добавком постельных утех не помогла ему стойко выдержать, не зациклиться на выговоре начальницы, которая, не вызывая в свой кабинетик, нарочито сама вышла в люди, подошла к Вовке и с обидной аккуратностью положила на его стол давешнюю папочку:

— Владимир Олегович! Просьба к окончанию рабочего дня перевести эту... это на русский язык. Замечания в тексте,— не повышая выдержанно голоса, но всем слышно — у женщин ушки топориком! — впервые официально называв молодого подчиненного по имени-отчеству, произнесла Елена Викторовна и направилась к выходу из отдельской комнаты.

— Я на пятиминутку к Евгении Яковлевне,— и

вышла, аккуратно, без стука, затворив за собою дверь.

Вовка, как бы ища поддержки, обвел сидящих впереди него женщин и Серегу. Только последний полуобернулся и хмуро подмигнул, мол, держись, казак, атаманом станешь. Бабы же, заучено уловив интонацию начальницы, никак не отреагировали. Даже неопытный еще в тонкостях канцелярского климата Вовка ощутимо почувствовал вокруг себя вакумную прослойку, отделившую его персону от коллектива. Посидев полуостолбенело с пяток минут, вынул из папки свои листы. В глазах зияило: почти все слова, отдельные предложения и даже целые фразы разноцветно выделены корректировочными маркерами разных цветов. На экономной четвертушке блокнотной бумаги каллиграфическим почерком Елены Викторовны язвительно написано: «*Ув. В.О.! Убедит. просьба к окончанию сегод. раб. дня перевести на нормативный русский язык Вашу справку. Красным отмечены американизмы, желтым — примитивизмы, жаргонизмы, варваризмы и несурзные неологизмы, а зеленым — предложения и абзацы с явной функциональной неграмотностью*».

Без подписи, только сегодняшняя, значит напоминающая о сроке исправления дата. Вот тебе и французская любовь с американо-нижегородским акцентом! И как же он забыл инструкцию Сереги, когда проставлялся перед ним после первой зарплаты в «Наливайке». Дескать, Викторовна-то наша из учительш русского языка и литературы советского воспитания-образования!

За своим столом с десяток минут Вовка, утупясь, смотрел на разложенные в ряд листы своего творчества, не хуже художника абстракционистской ориентации расцвеченные маркерами начальницы. Никакие соображения в голову не лезли. Шедшая на выход с бумагами в другой отдел Вера, опасливо оглянувшись на стеклянную дверь в дальнем конце комнаты,

остановилась, опытным взглядом мигом схватила суть записи Елены Викторовны, шепнула Вовке:

— На компе по поисковику в словаре новых слов и выражений смотри.— И, как будто на несколько секунд остановилась половчее устроить на суховатой груди, прижав ладонью левой руки, кипу бумаг, проплывала к двери.

Вовка вышел из ступора, начал, все более увлекаясь, как в старинной компьютерной игре с покемонами, стучать по клавишам. К малому десятиминутному перерыву в одиннадцать он уже распечатал лист с переводом на русский отмеченных Викторовной слов. На другом листе вывел определение: что такое примитивизм, жаргонизм, варваризм, неологизм и таинственная функциональная неграмотность.

К сожалению, всезнающий интернет не осилил перевод аббревиатуры *3D* и термина *дорожная карта*. Выбегавшего ровно в одиннадцать инязовца Серегу остерегся останавливать: по понедельникам он в малый перерыв мчался спринтерски в недалекую «Наливайку», по советской традиции открывающуюся в этот ностальгический час, остограммиться. Но поскорому возвращению, подобревший и слегка порозовевший, он сам остановился у Вовкиного стола, дескать, чем молодому дружбану помочь? Вовка указал на аббревиатуру и словосочетание.

— Как два пальца об асфальт; *3D* — это американское от *three dimensional*, то есть по-русски трехмерный, пространственный, а хочешь — объемный. Последнее, когда о жидких телах речь идет... та же водяра. А *дорожная карта* — это последовательность исполнения, перечисление и прочее. На Западе тупари обитают, обычную автомобильную карту не соображают понять, поэтому у них и заведены эрзац-карты: ищешь страницу с дорогой, по которой едешь, а там в порядке перечисления названия всех городов, деревушек и автозаправочных станций, что по пути следования. Насколько помнится, эта

калька с американского у нас и во все языки вошла лет десять тому назад после очередной заварушки израильско-палестинской. И очередное перемирие они назвали «дорожной картой постепенного согласования», или что-то в этом роде. Дерзай, юноша!

Начал на компе кардинально править свое изделие, увлекся, даже на обеденный перерыв не отвлекаясь, удивлялся про себя: ведь и по-русски можно о чем угодно написать, да как гладко-то все читается! Разобрался кое-как и с функциональной неграмотностью. Под финиш все загнал в программу орфографии и пунктуации, а за четверть часа до отбойного звонка, изобразив на лице мудрую усталость, отнес начальнице распечатку. Елена Викторовна при нем, задержавшись на десяток минут после шести, внимательно прочитала, после чего снисходительно-воспитательно посмотрела на подопечного:

— Ведь можешь же! Я здесь тебе еще пяток слов исправила, три лишние запятые убрала, а четыре нужных поставила. Сейчас внеси все это в окончательный текст и отправь по электронке референту Евгении Яковлевны.

...К полудню следующего дня к Елене Викторовне зашла референта — кобылистая, с очаровательной косинкой глаз, под стать своей директорше «кровь с коньяком». О чем-то они недолго поговорили за стеклянной дверью. Референта ожившей скульптурой Венеры Милосской проследовала через комнату, а Елена Викторовна, приоткрыв дверь, позвала Вовку.

— Смотри, медаль за усердие дадут, — добродушно пульнул ему вслед Серега, уже побывавший в «Наливайке».

Начальница, вроде как даже с оттенком смущения в глазах, не усаживая подчиненного, коротко сказала:

— Э-а, Владимир, отправь на адрес референта первоначальный вариант *твоей* справки.

— А в чем дело, Елена Викторовна? Я же все ваши замечания учел... сами одобрили...

— Не знаю как тебе объяснить. Говорят, тяжеловесно получилось, без современной, привычной сейчас лексики... Впрочем, не задумывайся, иди работай. Без нас разберутся.

♦ К следующей осени молодцевато заматеревший, привыкший не задавать лишних вопросов, сбивший — по попечительному совету Елены Викторовны — дурацкую игиловскую бороденку, а на голове вместо оселедца приличная короткая стрижка, Вовка женился, даже не по залету! на Нонке: родители вскладчину купили девушку в приличном районе, хотя и в совковом еще доме. Недалеко от его департамента. И департаментские привыкли к Вовке. Сама директорша начала узнавать молодого подчиненного, у которого при встрече в коридорах с роскошной дамой непроизвольно начиналось определенное шевеление в организме. Это тебе не Нонка, еще не успевшая после замужества отойти от ненавистной ей самой фитнес-фигурности! Но — легка беда начало...

Ближе к ноябрю в стране началась холерически раздуваемая СМИ кампания по раздельному сбору мусора. По нисходящей вертикали соответствующее отношение в форме рекомендательного — «изыскать инициативные предложения и по возможности включиться...» — приказа добралось и до образовательного департамента. На очередной понедельничной пятиминутке Евгения Яковлевна озвучила и предложила обдумать и выступить с инициативой. При этих словах, мучимая мыслью на кого бы эту несуразицу скинуть, она волооко — не хуже своей референтши — посмотрела со значением на несчастную Елену Викторовну: мол, оправдывай свой преденсионный возраст, тогда, быть может, и после новомодного удлинения такового еще поработаешь. Благо твой отдел идет не по разряду госслужащих, для которых этот возраст строгий предел, но из технических.

Много чего читалось в коротком, секундном волооком взгляде директорши. Елена Викторовна со-

гласно кивнула головой с тщательно закрашиваемыми сединками.

Свято памятуя, что даже техническим чиновникам думать вредно, прибыв в отдел, проходя по ряду столов, она кивнула Вовке. Тот поспешил за начальницей в остекленный отсек. Усадила его для обстоятельности разговора на гостевой стул. Сразу быка за рога ухватила:

— Про новации... в смысле про нововведения со сбором бытовых отходов слышал?

— Конечно. Новости по ящи... по телевизору иногда смотрю.

— И как представляешь в части раздельного сбора и вывоза?

— А чего представлять-то, Елена Викторовна...

— Ну-ну?

— Я вот вчера вечером выношу ведро на свою помойку, а наш гастарбайтеровский дворник узбек Кизим около стоит, предупреждает: «Ты, хозяин, сегодня сбоку вываливай из ведра, а то на низкой стороне краска еще не высохла. Сам попачкаешься, а хуже — надпись грязью заляпаешь». Помотал я в непонятке головой, а Кизим на надпись показывает. Красным по зеленому свежеоттиснутая по трафарету надпись: «Раздельный сбор мусора — гражданская культура!» Спрашиваю: «Кто написал?» — «А трое приходили: один толстый с папкой под мышкой, женщина очень строгая и рисовальщик: бумагу приложил, из баллончика краской пшик-пшик. И ушли к другой помойке». — «Что-нибудь сказали тебе?» — «Нет, только велели подежурить пока просохнет». — «А как раздельно в эту общую помойку собирать и вывозить не объяснили?» — «Нет, хозяин. Народ как выбрасывал из ведра или в пакетах, так и бросают». Опростал я ведро, чуть отошел — машина мусорная подъезжает, опрокинула в себя помойку и уехала. А на бортах с двух сторон тоже надписи про раздельный сбор. К чему это все, Елена Викторовна?

Начальница кратко рассказала про инициативу и поручение директорши. Отвела глаза в сторону, помолчала и дала совершенно серьезному Вовке задание: продумать, учесть опыт и дать конкретное предложение. Что Вовка и исполнил, уже не обращаясь за советами к Сереге и вообще к кому-либо. Заматерел.

◆ Декабрьским днем, пополудни, ближе к ранней в это время темноте, два старинных, еще по ракетно-пушечному Конструкторскому бюро, тогда еще возглавляемому знаменитым в оружейном мире академиком Гусаковым, приятеля, ныне трудящиеся в Тулуповском госуниверситете, профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент Николай Андреянович, шли со службы в общую сторону своих домов по боковой — по отношению к студгородку — улице с трамвайным путем посередине. Шли по правой стороне, где еще лет тридцать назад тянулись серо-зеленые двухэтажные дома, ранее бараки пятидесятых годов, ныне перестроенные в кукольные домики различных магазинной и учреждений.

Улица эта и вместе и порознь выбиралась ими по причине относительного малолюдства. Идти по параллельному проспекту — шумно от нескончаемого потока машин, посередине — через студгородок — зимой студиозусы, играясь по юному избытку энергии и ловкости, тротуары раскатывают да гладкого льда. Нет уж, лучше по боковой. Проходя мимо пряничного дома с надстроенной мансардой, в котором после обновления прежнего баракного здания разместился один из департаментов новомодного областного министерства образования, Николай Андреянович указал на появившиеся три бака в рад, с крышками, размерами поменьше обычной железной бочки, установленные на общем железном же основании, свежевыкрашенные в веселый светло-синий цвет, с различными трафаретными надписями красным: «Бумага», «Стекло», «Пластик». Но поставлены несколько странно, слева парадного, под мрамор

и с дорическими небольшими колоннами, входа, впритык к стене за игривой декоративной изгородкой, ограждающей метровой ширины палисадник, летом с аккуратно подстриженной травкой.

Игорь Васильевич даже обрадовался: только что докурил последнюю сигарету и не знал как избавиться от пустой пачки: интеллигентская совесть не позволяла бросить на тротуар, а все мусорные урны еще несколько лет назад на городских улицах, в скверах и парках полностью исчезли — явно в целях борьбы с курением в начавшейся серезной кампании. Он, сминая в ладони пачку, уже аккуратно переставил правую ногу через игривую изгородку в направлении бачка «Бумага», но был остановлен окриком черномундирного охранника, что вышел покурить из парадного входа:

— Нельзя, гражданин! Не нарушайте.

— Как нельзя,— передернул плечами профессор Скородумов,— это же специально для сбора мусора...

— Это не ваше дело, гражданин, для чего специально. Видите, потому и за изгородь поставлено, чтобы ничего в них не бросали.

— Для благоустройства значит? — вспомнил Гоголя сразу повеселевший Игорь Васильевич.

— Вот-вот, понимаете значит. Позавчера установили, а вчера комиссия из администрации, говорят — не моя смена была,— прибывала, с кинохроникой. А завхоз велела сегодня за изгородь поставить. Пусть стоит, хлеба ведь не просит!

На обочину дороги из потока машин вырулила и притормозила черная машина солидной марки. Охранник мигом смял дымящийся окурок в ладони и исчез в парадной двери. Профессор с доцентом рассмеялись и продолжили путь.

Страшный сон приснился директору департамента культуры областной администрации Амалфееву Венедикту Фемистокловичу, бывшему доценту античной истории и мифологии местного пединститута. Видно, перекусал он деликатесов на банкете по случаю открытия досугового центра на Старопавшинской (бывш. Новоиндустриальной) — нового очага культуры местного торгового олигарха Жоржа Кидалова. А снилось ему, что усиление вертикали власти добралось-таки до его департамента. С утра вошла в уютный их особняк пятиметрового роста Афродита и непререкаемо велела содрать всю позолоту со стен, побелить потолки, а восемьдесят процентовувольняемых за ненадобность чиновников от культуры собрать в корзины и подносить к окну, куда она самолично их опорожняла. Под конец подозвала бледного, с дрожащими коленками Венедикта Фемистокловича:

— Зачем позоришь свою фамилию? Ведь ее родоначальница, олимпийская коза Амалфея подарила человечеству рог изобилия, а ты же из этого рога наплодил толпы никчемных, бездельных людышек! В наказание тебе лишаю должности, права на повышенную пенсию госслужащего

и отправляю обратно доцентом в пединститут.

Проснулся от таких страшных снов Амалфеев с сердцебиением и в холодном поту. Потом до утра не мог заснуть, пугая добрую свою супругу и милых детушек, бездельников-переростков. А на утро предпринял контрмеры: явился к вице-губернатору с опережающим проектом сократить аппарат департамента на 0,35 %. Хмуро посмотрел тот на Амалфеева; он тоже вчера был на презентации у Жоржа Кидалова.

«ПАТОКА С ИМБИРЕМ, НИЧЕГО НЕ РАЗБЕРЕМ!»

Так вот-с,— заговорил, выпрямляясь во весь рост генерал,— вот вам в наш век кто на всех угодит, кто всем тон задаст и кто прочнее всех на земле водворится: это — безнадурный дурак! (выд. Н. С. Лесковым.— Авт.).

Н. С. Лесков «Смех и горе»

♦ Еще в студенческую, впрочем, совсем недавнюю, бытность, учась на кафедре журналистики, кавковые в конце девяностых — начале нулевых годов, по принципу тусовки (у Васьки есть, значит и у меня должно быть...), были спешно организованы по стране во всех новопереименованных университетах, бывших политехах, педах и пр., Денис Коротин задоря придумал себе «для печати» творческий псевдоним: Дэн Кóрвин. С ударением на первом слоге. Он полагал, что зашибись импортно, по-европейски слоган звучит. Самая очкастая и умная на курсе Светка Тринберг, правда, засомневалась в правильности ударения, объяснив, что это имя венгерского короля Матиуша Корvína, на втором слоге, значит, акцентация, создавшего самую великую библиотеку эпохи Возрождения. И эта библиотека, и главное венгерское современное издательство, и многое чего в культурных объектах Европы носят фамилию достопамятного короля. Сам основатель и заведующий кафедрой «акул пера», как ее шутейно звали в университете, он же главный редактор еще с давних советских времен бывшей комсомольской, а с «лихих девяностых» либеральной областной газеты, которого уже пятьдесят лет иначе как Мишай Веселовым не называли за глаза (впрочем, достойно уважитель-

но), прочитав в издаваемом кафедрой учебно-студенческом журнальчике «Обретающие слово» материал с подписанным псевдонимом, при случайной встрече с подопечным как-то задумчиво порассуждал: «Псевдоним есть дело серьезное, безошибочное. А у тебя вот с ударением (значит, Светка уже донесла) путаница. Ты уж, полупочтенный, разберись, а то по пословице получается: «Патока с имбирем, ничего не разберем!». Шутливо отсалютовав, вечно моложавый Миша Веселов, в неизменных джинсах, в которых даже на ректорские совещания ходил (впрочем, крепко с ректором дружбанил), пошел по коридору, насвистывая песенку своей далекой советской молодости: «Все пластинки группы «Квин» обменял на героин...».

Уважая свой выбор ударения, ученость Светки, у которой всегда списывал тесты на зачетах, и авторитет завкафедрой, Дэн принял Соломоново решение: а плевать на все эти ударения с Останкинкой... нет, лучше с Эйфелевой, башни, а еще лучше с американского небоскреба! Псевдоним-то для печати, где ударения не ставятся, как в учебниках русского языка для иностранцев, а в устной речи, особенно в официальном представительстве, да, разумеется, в гонорарных ведомостях, что предстоит ему в недалеком будущем, называется и указывается фамилия отца доставшаяся.

Опять же Светка в конце третьего курса заменила очки на контактные линзы и оказалась вполне привлекательной девицей. Поимел Дэн устойчивое желание к окончанию универа подкатиться к ней с предложением чего следует, как в старорежимных романах и фильмах, учитывая солидное положение ее папаши в местном адвокатском круге, но... человек полагает, а кому надо располагает. Словом, в конце лета, перед четвертым курсом родняки услали Светку в Лондон — получать престижный английский

диплом. Обломилось! А может и к лучшему все? Опять же, кто полагает, а иной располагает.

...Свой «деревянный» диплом бывшего, сугубо оборонного, политеха, над каковыми потешаются в редакциях газет, журналов и телестудий столиц и «университетских центров», Дэн получил без особого прилежания и затруднения. Тему дипломной работы, доставшейся ему — что-то архаичное, по русской журналистике последней трети позапрошлого века,— он не стал, как иные дурачки, вытаскивать и компилировать из инта, чтобы иметь удовольствие попасться на программе антиплагиата. Умные люди из отцовских друзей с бизнесом, близким к масс-медиа, научили. То есть отыскал по инту названия нескольких старых, прошлого века — советских, книг по литературоведению, близких к его теме, но, в силу их архаичности и невостребованности, не удостоенных чести оцифрования. Далее впервые в жизни сходил в областную библиотеку, нашел в каталоге эти пыльные книги; записавшись читателем, взял их на дом.

Далее дело техники, с которой Дэн (не лузер ведь, не чайник!) обращаться умел. Выискал нужные параграфы и главы, сосканировал, перевел в цифру, состыковал между собой, в муках творчества сочинил предисловие и выводы, по инту же составил приличную библиографию. Руководителем у него был относительно молодой препод, то есть уже из поколения пепси, также по компу учившийся, о тонкостях исторического литературоведения в части журналистики и не помышлявший. Прогонка по антиплагиату дала почти стопроцентную новизну и оригинальность дипломной работы Дэна. А Миша Веселов, по должности завкафедрой наскоро, «по диагонали» просмотривавший работы подзащитных, будучи в хорошем расположении духа, почти что восхитился цитатой в дипломе Дэна, а именно в главе, посвященной литературной публицистике писателей с антинигили-

стическим направлением: «*Егда люди потрапеziют и, помолясь уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят*». * «Ух и черти! — засмеялся он, обращаясь к находившимся в тот момент в преподавательской нескольким подчиненным,— где же они умудряются списывать такие цветистые дипломные сочинения, что никакой антиплагиат не берет? Да-а, товарищи преподы, как нас эти ловкачи именуют, хорошая смена прежним акулам пера подрастает! Уже и не акулы, от которых ловкий пловец может отбиться, но настоящие нильские крокодилы! Перекусят пополам, не моргнув честнейшими глазами, и — к кассе! В смысле на свою карточку, мол, позолоти ручку, родная редакция»...

◆ По окончании университета Дэн попал в положение, сходное с фольклорным: пили, ели, веселились, посчитали — прослезились. С «деревянным» дипломом бывшего политеха, не совсем казистой внешностью, невысокой солидностью — не в тех капиталах состоят! — отцовских друзей... опять же полом не длинноногая девица, чтобы в какие-нито представительские побегушки при властях или знатных бизнесментерах пристроиться, наконец, при отсутствии диджеевской развязности языка — не то что в столицу, в местные, областную и городскую, администрации, но и на губернское телевидение он не мог претендовать. Тож и радио. Официальное вовсе заглохло, там и пары пенсионеров советских времен с избытком хватает, а частные, пресловутые эфэм-радиостанции дублируют центральные московские, добавляя только местную рекламу — то и другое единственный штатный оператор с инта получает. Газеты? — В обоих официозах, областном и городском, короткие, «стенгазетные» развлекательки тоже с инта, а все основное место — телепрограммы, казенные объявления о тор-

* Из повести Н. С. Лескова «Грабеж».— Прим. авт.

гах, частная реклама. И пристроиться сложно без рекомендаций. В газете Миши Веселова? — но он же весь выпуск туда не возьмет?

Есть еще кабельное телевидение, но в памяти засело годичной давности летнее, в городском сквере, знакомство с его молодым коллективом. Рядом магазинчик «Красное и белое», легкая прохлада ввечеру июльского дня, народ, не теряя бдительности насчет «красных шапок», то есть сейчас всемирных картизов с утиными козырьками, попивает пивко. Телевизионщики опосля трудового дня. Охотно приняли Дэна в свою компанию, похлопывали по плечу, дескать, наш брат-журналюга! По кругу трубочку с травкой пустили, говорят, привыкли — не злоупотребляем, но для тонуса, а без него на современном телевидении нельзя: все в ритмике, в движении, в калейдоскопе кадров. Почище чем у клубных и концертных диджеев... Но, однако, провинция, спонсоров нет, реклама хилая, так что особо бабки в руках не шелестят.

Пока же Дэн раздумывал, по инту шарил, с бывшими однокашниками общался, лето прошло. Осень случилась большая выборная, так что подработал в разных агитгазетках, по листовочной части — названия партий и фамилий «кандидатов в слуги» не запоминал, ибо старшие всегда давали исходняк. «Думать вредно, ибо нашего брата, акулу пера, короят ноги, нюх и слух; даже глазам, которые есть часть мозга, надо с осторожностью доверять!» — запомнил Дэн слова почти маститого московского обозревателя крупной газеты, приглашенного как-то Мишой Веселовым на показательный мастер-класс. По всему видно было, что перед семинаром они с завкафедрой по провинциальной расслабленности уговарили бутылочку коньяка...

В выборную ту осень Дэн кой-какие деньжонки заработал, но к концу года родители начали наме-

кать о серьезном жизнеустройстве. И сами они, то есть отец, были из мелких «среднеклассцов», «мелкобуржуазной биомассы», как в глаза, впрочем без озлобления, философски, называл их семидесятипятилетний дед Егор Пантелейевич, потомственный коммунист, но в последние годы разошедшийся во взглядах с партией Геннадия Андреевича: перестал читать столичную и губернскую «правды», а принял на первоисточники, с карандашом изучал тома Сталина, покупаемые на свои пенсионные в букинистическом магазине, и других классиков марксизма, что подбирал у квартальной помойки, куда их выносили из окрестных домов внуки-правнуки, задававшие своим квартирам евроремонты.

Дэну, все же удержавшему в своем воспитании долю сыновней почтительности, и самому не совсем удобно сидеть на шее родителей, а главное — хватит алтушками в карманах позякивать сиротски. Пора к делу! Выручил, как ни странно — счастье, как и беда, всегда с неожиданной стороны приходят — матери коммуниста Егор Пантелейевич. Раз он вернулся с прогулки по свежевыпавшему предновогоднему снежку редкостно веселый, разделся-разобулся в прихожей и явился семейству с двумя предметами: потертой книгой в сером переплете и четвертинкой неподдельного грузинского коньяка «Старый Кахети». Объяснился: на камне у помойки, куда все окрестные евроремонтники, все же стыдясь бросать в общую мусорницу, кладут книги, обнаружил раритет высочайшего класса — труд Лаврентия Павловича Берии о развитии революционных организаций в Закавказье. От такой неслыханной удачи зашел в «Красное и белое», что в торце их дома, и взял малый бутылек. Как же с чувством не обмыть такую находку.

За ужином разлил себе, сыну и внуку. Выпили, закусили. Здесь Егор Пантелейевич, подмигнув Де-

нису, и главную новость рассказал: в магазинчике этом привлекательном встретил давнишнего своего приятеля, едва ли не с институтских времен, вместе на заводе машиностроительном трудились, оба в своих цехах партбюро возглавляли. Поговорили по выходу на улице с полчасика — за четверть века не виделись, оба с началом «бардака» уволились с остановленного «врагами народа» бывшего гиганта оборонопрома с тремя орденами на знамени. Егор Пантелеевич и о внуке слово ввернул, а Сергей Максимович и заметил, что-де племянница его Верка в газете «Толока» кем-то вроде заместительницы у хозяев трудится. Дед еще раз подмигнул Дэну: «Обещал Максимыч с ней о тебе поговорить ... да не сомневайся, не забудет — коммунист он подлинный, как и я, в девяностые годы партбилеты не рвали прилюдно!»

Вот это уже удача так удача! Хотя и говорят, что радоваться заранее все одно что дитя крестить неродившееся (это не он, а дед иногда говорит так), но Дэн в полном предвкушении грядущей удачи мигом смотался в свою комнатку и принес на две трети еще заполненную пузатенькую бутылку настоящего шотландского «Club '99» — с раздачи в выборном штабе. Дед не очень-то привечал антипатриотические напитки, но уважение внука одобрил, выкушал с сотрапезниками и виски.

Чтобы не сглазить, в последующие дни Дэн ни по телефону, ни по инту знакомым и приятелям ни словом не обмолвился. Зато вычислил по сайту «Толоки» эту самую племянницу Верку: да, действительно, в замах состоит, по фото — лет сорока, сорока пяти. «Толока»... самая популярная в городе и области частная газета в тридцать две страницы, а в спецвыпусках и вовсе в шестьдесят четыре. «Городская сплетница», как ее порой называют старорежимные интеллигенты, а значит ее читают, в отличие

от официозов, даже от газеты Миши Веселова, все: торговки, домохозяйки, порой и их мужики, пенсионеры, даже ничего не читающие студенты. Демонстративно кривя губы, дома, втайне от коллег, взахлеб читает вся так называемая интеллигенция. Все чиновники — чтобы быть в курсе дел и событий в управляемых ими области, городах и районах. *Все читают!* — Как в советское время все читали две единственных в области газеты: орган обкома партии и орган комсомола, возглавляемый молодым еще Мишней Веселовым. А на старших курсах в дружеских посиделках однокашников, обсуждая грядущее «я б в газетчики пошел, пусть меня научат», где девки, особенно из фитнесных и длинноногих, грезили местами пресс-атташе при различных администрациях и «связистками с общественностью» в крупных компаниях, серьезные же ребята на равных ставили телевидение и популярнейшую «Толоку».

...Видимо материальная газетчица Вера Антоновна, хотя и в ранней юности, но заставшая семейное советское воспитание, проявила уважение к родному дядьке Сергею Максимовичу, тем более что неожиданно образовалась вакансия (предшественница Дэна нашла себе место содержанки московского папика — так злословили в редакции незамужние бабенки) корреспондентского характера, но Дэн попал в «Толоку». И редакция в соседнем квартале — сплошные приятности. Сбылась мечта идиота...

♦ Политех не политех, но все же чему-то Дэн научился, потому скоро приоровился к газетной работе. Дольше всего на новом месте длится первый год. Вот и пошли месяц за месяцем, приходила сноровка. «Толока», как газета облегченного содержания для всех, не пропускала и официальных профессиональных дат, повторяемых из года в год. Поэтому Дэн нимало не удивился, когда Вера Антоновна, его благодетельница, потому на этих правах и при-

учавшая подопечного к мудреным заданиям, дала ему поручение: в связи с близким Днем науки (при этом тот несколько изумился: какая-такая наука?) отправляйся-ка завтра с утра на биологический факультет твоего родного университета. Профессорствует там очень занимательный, широко известный в узких научных кругах, причем не только в России, Игорь Васильевич Скородумов.

— Я уже созвонилась с ним, получила, впрочем, несколько неохотное — ты это себе в голове отметь, согласие на интервью. Вот его телефон. С проходной корпуса позвонишь ему, а он на вахту, чтобы тебя пропустили, сообщит. Не забудь свое удостоверение и паспорт на всякий случай — у них там, как Игорь Васильевич, то ли всерьез, а может и с юмором сказал, месячник бдительности. Человек он серьезный, известный, поэтому сегодня отвлекись от всякой текучки и по интернету, по поисковику на его фамилию, ознакомься: о чем он пишет в своих трудах, что о нем думают.. Ну-у тебя уже учить не надо, либо уже поздно. Материал — в срок! Обычного для «дней» объема. Тема в ходе интервью обозначится.

Совершенно правильно прореагировав на «учить уже поздно», что всего лишь намекало на протежирование, а значит на взаимную ответственность, Дэн, непроизвольно (с девицей своей поругался, холостяковал) смазав слаборазборчивым в такой ситуации глазом еще интересную, тугогрудую фигуру начальницы, отправился в свою комнату, общую с добродушной половиной редакции. Забрав свою репортерскую сумку с казенными фотоаппаратом и диктофоном — в газете халтура с мобил и смартов не допускалась, — сказав завтodelьше «сегодня и завтра до обеда на задании от Веры Антоновны», вышел из редакции. До вечера проболтался: пробовал по телефону помириться с Кариной, даже самонадеянно взял курс на ее дом, но получил отлуп. Встретив на

проспекте школьного еще знакомца, зашел с ним в спортбар: по пивку и бокс с чернокожими финалистами посмотреть. Все же с пользой окончание дня провел: заскочил к свободному сегодня знакомцу, подвизавшемуся в торговле подержанными машинами, кой-что интересное узнал... а то скоро уже в редакции пальцами на него станут указывать, мол, дураку — писаная торба, а нормальному газетчику и вовсе неприлично на трамваях с пенсионными старухами трястись!

Поужинав с домашними, чем приятно удивил мать, что-де Дениска сегодня не шляется до полуночи и не у девки какой заночевал, даже одобрав снисходительно очередную помоечную находку деда, коммунистического коллекционера — укладистый томик «Утопии» Томаса Мора издательства «*Academia*» тридцатых годов, ушел в свою комнатку, раскрыл студенческой еще бытности ноутбук (все деньги на подержанную машину копятся, приличный планшет все отодвигается!) и занялся профессором Скородумовым. К своему удивлению ни в каких соцсетях поисковик его ФИО не выдавал. И сайта своего у Игоря Васильевича не имелось. «Как у той пенсионной старухи в трамвае», — досадливо вспомнились остроты редакционных коллег. Совсем же непостижимо — у странного профессора не значилось своего адреса электронной почты! «Без мыла, значит, мылится», — ухмыльнулся Дэн. Правда, поисковик выдавал без конца названия многочисленных книг Скородумова, размещенных на научных сайтах, публикаций в журналах, наконец, оказывается профессор не так прост — уже два десятка лет является главным редактором журнала «*Феномены разума: XXI век*». Но все это не то, не журналистский формат, как в их профессии говорят.

...Дэн как-то краем уха, на последнем курсе универа, слышал от молодой, язвительной на слово,

преподши их факультета, но другой кафедры и специальности, что их университет в такой яме, даже никого из профессоров не обозначено в *Википедии*. На удачу зайдя в нее, Дэн обнаружил неправоту болтливой преподши: один-то из их универа в этой энциклопедии имелся и именно Скородумов. Аж на десятке страниц! Из этой персоналии Дэн много чего почерпнул для завтрашнего интервью с «увещанным» многими, преимущественно двойными учеными степенями и званиями, отечественными и иностранными «заслуженными» и «почетными», научными орденами, медалями и знаками. И припомнил, увидев фото профессора в Википедии, что таковое имеется на стене второго, «административного» этажа главного корпуса — напротив кабинета ректора, в почетном ряду этих самых «заслуженных» сотрудников университета. Но вот что никак не укладывалось в голове Дэна после прочтения статьи, так это крайне сомнительная должность Скородумова, что-то вроде научного консультанта, даже не штатного профессора — это при его-то двух ученых званиях по этой части!

Еще час-полтора посмотрев относящееся к Игорю Васильевичу, даже попробовав прочитать несколько аннотаций к его книгам с мудреными, иногда и вовсе с ироническим подтекстом, названиями, разыскав несколько отзывов на эти труды, Дэн внезапно почувствовал то озарение, молнию сакральной мысли, что приходит человеку в итоге каких-либо умственных рассуждений в час перехода позднего вечера в близость курантного боя на Спасской башне Кремля. В своем часовом поясе, конечно. А именно клюнуло в голову: завтрашний интервьюируемый откровенно фигурально плюет, причем со смаком, на официально декларируемую «науку», а сам создает свои теории, исключительно пользуясь здравым смыслом. Конечно, Дэн далек был от такой терми-

нологии, он на своем журналистском волапюке мыслил, но пришел-таки к правильному выводу. А с ним, с выводом-то, яснее ясного понял и Веру Антоновну, именно шутника Скородумова выбравшую среди нескольких сотен городских профессоров, в основном «выделки» девяностых годов, когда приобрести докторскую степень было легче, чем открыть лавочку-сникерсную. Причем бесплатно. Ибо то было время непуганых идиотов на фоне всепоглощающего первоначального накопления. Вера же Антоновна четко проводила, даже в отношении официальных «дней», редакционную политику, в числе прочего создавшую сверхпопулярность «Толоки» в городе и области, а именно: нескрываемая «желтизна» газеты, что и привлекает читателей от рыночной торговли до депутатского корпуса, требует не официоза, но игривости с изюминкой... как, в историческом примере, публично расстегнутая ширинка бывшего премьера (или что-то в этом роде? — Дэн не запоминал прошедшее) Касьянова, что напрочь погубила его политкарьеру. Или достославный прокурор в банде с девицами. Сейчас, конечно, времена иные, административно подтянутые, суконно-цинковые. И хозяева «Толоки» соответственно новым веяниям перестроились... перезагрузились, как модно в политическом истеблишменте нулевых годов было принято говорить.

Чего-чего, но качество смекалки у молодящейся Веры Антоновны вполне гармонично ее тугим грудям, даже при наличии дочери-старшеклассницы и регулярной (с мужем!) половой жизни. Уже при беседе с профессором Скородумовым Дэн убедился в чутье начальницы: лучшей кандидатуры на интервью к Дню науки и с учетом игривости с изюминкой «Толоки», нежели Игорь Васильевич Скородумов, и представить было невозможно! Великое дело дедуктивная, то есть аналоговая женская логика...

♦ — А-а, милости просим! Входите, молодой человек империи российской,— приветствовал в своем кабинете Дэна профессор Скородумов. Садись... или присаживайся, не знаю, как на нынешней фене говорят, вот на этот стул. Ничего если на «ты»? Как студента, а ты ведь недавно из этого сословия вышел в люди? Я сразу для ясности: глупость все это — всякие интервью о науке для ширпотреба. Давно уже никакой науки нет. А согласился для вашей газеты по двум причинам. Не главная — догадываюсь кто меня рекомендовал: прежняя хозяйка «Толоки», в компанействе конечно, что сейчас на покое рантьершей в свое удовольствие живет. Я с ней в молодости хорошо был знаком, в одном отделе инженерами трудились в Конструкторском бюро знаменитого академика Гусакова. Нахлынули воспоминания о славных временах, опять же — припомнила. Главная же причина, что вспомнил историю с моим другом Николаем Андреяновичем, доцентом на кафедре ракетостроения — это в «пентагоне», знаешь, первый корпус, военно-технический факультет... институт по-нынешнему... Слушай, Денис, может выпить хочешь? У меня сейчас очень рукастый аспирант с еще более замечательным дедом: такую самогоновку сотворяет, фильтрует до бриллиантовой прозрачности и на клюкве настаивает. А?

Дэн с таких быстрых оборотов непривычно для себя смешался и отказался, что-то несуразное прогромотав.

— Ну и зря. Так вот, история с доцентом-ракетчиком; с ним мы тоже вместе в заведении Гусакова работали. У Николая Андреяновича супруга учительница, но очень увлекается декоративными цветами. Вот и разбила «плантацию» в палисаднике около своего подъезда на радость жильцам дома и прохожим гражданам. Хороший цветник получился! — Мы как с Николаем Андреяновичем летом на

его балконе балуемся водовкой или коньячком, если неподдельный случится, то я всенепременно комплимент его супруге сооружу. Но — к сути дела. Раз наш ракетный доцент, пославши жену на Южный рынок насчет его любимой трещочки — тот из мурманского Заполярья родом, трескоед! — лежит себе на диванчике, освежает в памяти «Мертвые души» — как раз скандал в областном департаменте здравоохранения случился с приписками-недописками в статистике смертности, всех разогнали, словом, на злобу дня, похочатывает. Вдруг — звонок, открывает дверь, а там молодые парень с девицей. Те сразу, мол, замечательный цветник! соседи к вам направили, супруга ваша его содержит. Нам бы с ней побеседовать, мы из «Толоки», мимо проходили — восхитились. Отвечает Николай Андреянович, что дома ее нет сейчас. А девица: «Сожалеем, нет времени подождать. Но вы, разумеется, ей помогаете за цветами ухаживать?» Не успел наш доцент сообразиться, парень его щелк фотиком — и след их прости. Потом он рассмеялся и из головы выкинул, только рассказав пришедшей домой супруге. Дело в июне было, сессия в разгаре, легкая суeta, по разным корпусам приходится ходить. И где бы не появлялся Андреяныч, все, даже отдаленно знаемые, доценты, профессора, деканы первыми руку жмут, мол, видели ваше фото в «Толоке», где про домашний цветник расписано! В главный корпус зашел ведомости экзаменационные в учебный отдел занести, так все административное бабье, что четыре этажа из пяти плотно забили, на него в коридорах пляются, изустно или кивками здороваются. Два там же встреченных проректора, вряд ли раньше простого доцента и в лицо знавшие, с легкой улыбкой снисходительного одобрения поручкались и про фото в «Толоке» упомянули... Рассказал мне это Николай Андреянович, посмеялись под пару стопок «клюквенной» от аспи-

рантского деда и пришли к фундаментальному, как пышно говорит на советах университета проректор по науке, открытию: из всего обилия мировой литературы, включая научную, выработанной человечеством, начиная с древнеегипетских «Книги Мертвых» и «Повести Петеисе III» и до XXI века все нынешние доценты, профессора и руководящие кадры вузов города читают только бульварную, извини, мой юный друг, «Толоку»... а в других городах и всях есть свои «толоки». Вот и на себе решил повторить эксперимент с вашей славной газетой — а то, ввиду моей глухой известности, как что-то навроде этого некий классик сказал, соскучился я по известности в родном университете! Ха-ха-ха! Можешь это в шутку или всерьез понимать. Но — это для разминки.

Слушая разговорившегося после стопки клюквенной профессора, Дэн с некоторым изумлением осматривал кабинет хозяина, ибо уже попривык за время работы в «Толоке» к принятому стандарту таковых — административных, всяких служебных, заводских и в обилии всевозможных частных заведений, торгово-посреднических в основном. Кабинет же Скородумова, начиная с перечислявшей его основные степени и звания таблички на внешней стороне двери, дополненной чуть меньшей по размеру с текстом

ПРОСЬБА
АМЕРИКАНИЗМ
«ПРОБЛЕМА»
НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ!
(КАК И ДРУГИЕ)

чем-то напомнил Дэну мельком виденную, скорее всего в инте, средневековую гравюру, изображающую ученого (не монаха, но трезвого) в его *обсервации* — почему-то это слово, совершенно ему неясное. Пришло в голову: книги на полках, книги в

шкафах, на столе... вообще везде на горизонтальных, исключая пол и потолок, поверхностях. Небольшой холодильник на подставке — из него профессор доставал бутерброд, закусывая стопку «клюквенной».

На столе перед креслицем с профессором листы рукописей. Но все в «келье» в образцовом, военно-морском, как бы одобрил его (не аспирантов) дед, служивший некогда срочную на «Балтфлоте». На единственно свободной половине стены несколько дипломов в рамочках, а также портреты Ленина, Сталина, Шопенгауэра, аятоллы Хомейни и репродукции с трех картин, которые, заметив взгляд журналиста, охотно пояснил Игорь Васильевич:

— Это Репина, где на кремлевской площади Александр Третий после коронации разговаривает с депутатией сельских старост. Обрати внимание: православные без шапок, а татары с башкирцами в оных на головах. Теперь сюда: две картины одного и того же, известного придворного, так сказать, живописца — временные вариации на тему «Ленин у прямого провода». На первой, времен Генералиссимуса, Ленин со Сталиным у телеграфного аппарата, причем Stalin ленту читает и что-то назидательно говорит Ильичу. На второй, послесталинской, уже Ленин у аппарата, руки в брюки, поучает почтительно слушающего управделами правительства Бонч-Бруевича. Только телеграфист на обеих сценах один и тот же — все же против правды истории художник не попер! Рекомендую, как символ современной... да и любой иной прессы, повесить у себя в редакции, взяв из интернета.

При упоминании об интернете Дэн сообразил, что его напрягает: в кабинете не наблюдалось ни компа, ни планшета. Только рядом с городским телефоном китайского ширпотреба на столе лежал дешевейший старинчатый *Samsung* той же фабрикации. Дэн поморщился, вспомнив детскую обиду: точно

такой же гэджик экономная мать купила ему в начале первого класса учебы. Все одноклассники и ребята во дворе смеялись над ним: более дешевой и дрянной мобилы они не видели!

◆ Игорь Васильевич, как опытный педагог, хотя — по его словам — давно оставивший «глупую возню со студиозусами новейшей генерации», что сначала растроит слушателей парой анекдотов, а затем перейдет к делу, и здесь посеръезнел, в словах, но не в душе, деловито обратился к Дэну:

— Сделаем так, мой юный друг. Я человек не разговорный, а сугубо думающий и мысли записывающий. Поэтому отвечать на вопросы тотчас не умею, а эти самые вопросы лучше мне сформулировать, как человеку «в теме», говоря на братковской фене. Согласен? Так вот, когда мне вчера ваша Верочка, отчества она по-нынешнему американизму не назвала, позвонила, то кстати образовались полтора часа слабозанятого времени. Вот я и написал наше с тобой интервью: твои краткие, в цель бьющие вопросы, а на них мои обстоятельные ответы. С существенной поправкой на широкий ареал читателей «Толоки». С полным к ним уважением. И к обоюдному, полагаю, нашему с тобой удовольствию. Если по объему не войдет в отведенную тебе полосу... или как это у вас называется? — сокращай, понятно, со мною не согласовывая: я сейчас новую монографию начал, отвлекаться не люблю.

Дэна слегка качнуло при этих словах чудаковатого профессора, но доводов возразить как-то в голове не собралось. С другой стороны, халава и есть халава, а профессор лапшу по бумаге не станет размазывать. Вон сколько томиц сочинил — Дэн посмотрел на три полки полутораметровой длины, установленной книгами с фамилией Скородумова на корешках. И родители в детстве учили доверять приличным людям...

Игорь Васильевич протянул пластиковую папочку

с несколькими листами, убористо исписанными, извинился:

— У меня классовая ненависть ко всяkim этим «механизмам», пишу только от руки любимым паркером, что лет пятнадцать назад подарил после своей защиты самый умный мой аспирант. Ничего, разберешь — я в начальной школе еще чистописание застал. Перепечатаешь, не сочи за труд. Мне вот лаборантка грамотная за отдельную умеренную плату набирает, а ты уж сам за свой гонорар потрудись. Давай все же за взаимную экономию времени на интервью хлопнем по стопке клюквенной — оценишь, намного приятнее всех тех висок, что в ваших компашках, как догадываюсь, с гордостью, какой полны штаны, пьют. А я напоследок в немногих словах, чтоб ты суть схватил, правя текст под ваши требования, сформулирую.

Дэн почти на автомате, еще не отошедши от стремительности подмены интервью уже готовым текстом, что впервые в его недолгой пока газетной практике случилось (гм-м, что-то впереди еще ждет?), смиренно принял стопку из рук приятно улыбающегося профессора. А тот чокнулся с ним своей, произнеся «как в моей инженерной молодости говорили — по полпромиле^{*}!» — и указал на тарелку с бутербродами на столе. Дэну еще не доводилось пробовать самогон, судил о нем абстрактно, по совковым киношкам о Махно: мутный и вонючий. Но в стопке, в слегка волнившейся руке — от неожиданности ситуации, переливалась во внешнем свете коричневатая, от того не менее прозрачная до донца... Дэн зажмурился и махнул в один глоток. Пока во

* Сейчас, с подачи гаишников, слово «промилле» и грудному младенцу знакомо. А ранее его знали только инженеры и бухгалтеры. Промилле — десятая часть процента; соответственно полпромиле — 0,05 % как-то ассоциировалось с 50 граммами водки... — Прим. авт.

рту гуляло приятно-терпкое послевкусие, а от горта-ни до желудка катилось нечто округлое и теплое, в эти две-три секунды он осознал правоту Скородумо-ва: все эти «джонни уокеры» и «белые лошади» есть прокисший сливовый компот, а аспирантов дед — доморощенный мичуринец и тимирязевец в одном 0,5-флаконе!

— Ну что, юноша взалкающий познания быстро-преходящего и вечного,— бархатисто рокотал еще более взбодрившийся профессор,— давай по отвальней, чтобы посуда без употребления не куксилась, и я тебе на дорожку все же прорезюмирую. За нашу славную, но, увы, бывшую науку. Прозит!

♦ Выйдя из корпуса биофака, Дэн позвонил Вере Антоновне, сказав, что интервью, ввиду сложности и несомненной актуальности темы, затягивается, в редакцию заходить не с руки, а дома он все обработает и завтра утром принесет все в готовности. Придя домой еще до полудни, Дэн, отмахнувшись от расспросов матери и деда, прошел к себе. Едва коснувшись дивана, упал в глубокий неурочный сон. Проснувшись к ужину со свежайшей, ясной головой, с аппетитом поел, кратко обмоловившись, адресуясь к деду (отец запаздывал), о сегодняшнем занимательном знакомце, а затем почти до отбойных курантов набирал и правил интервью, которое наутро в распечатке и с переброской на флешку вручил начальнице. К тексту прилагалось фото вольнолюбивого профессора и общий — из угла по диагонали — антураж оригинального кабинета. Вера Антоновна, хмурая с утра, рассеянно кивнула. Дэн вернулся к себе, рассеянно просмотрел свою почту: на экране ничего занимательного не высвечивалось. Мимо ушей его пролетала обычная утренняя же пикировка Ленки с Владимиром, сдружение которых никак не переступало затянувшуюся вялую фазу: «Владик, скачай для меня...» — Не дожидаясь окончания дежурного заиг-

рывания напоказ, тот буркнул: «Не водокачка я!». Шла обычная разминка редакции.

Через пару часов Дэна позвала Вера Антоновна, огоревши вопросом:

— Ты ведь, Денис, в пятиэтажке, с колонкой на кухне, живешь?

— Да... с колонкой. Квартиру еще дед получал. А что?

— Я вот тоже... с колонкой. Отцу, покойному сейчас, на заводе дали. А колонка у вас с основания дома? Или меняли?

— Да дед все ворчит: зачем, мол, старую убрали, теперь каждые пять лет приходится менять. А у вас как? — включился в разговор Дэн.

— А у нас в квартире газ. Дому шестьдесят лет минуло, столько же и колонке. Иногда, правда, по естественной старости слегка подтекает, фитиль обгорает и другие неприятности — ведь женский, до недавних времен, запенсионный возраст! Но вызовем из горгаза слесаря, он менее чем за полчаса все и исправит.— И как новая следующие два-три, а то и побольше, года газует. Я как-то по молодости, как и ты корреспондентом начинала, брала интервью у начальника горгаза, так он мне и разъяснил: почему старые колонки могут и до столетия дотянуть, а новые считай «одноразовые», Оказывается, когда сразу после войны по reparации из советской зоны оккупации Германии подчистую вывозили целые заводы, не только военные, то рачительно прихватили и предприятие концерна Мессершмидта по производству газового оборудования, в том числе и бытовых колонок. И до конца семидесятых годов точь-в-точь по немецкой технологии их и делали. То есть мессершмидтовские колонки, как те же советские телевизоры шестидесятых-семидесятых годов, едва не на сто лет службы получились!

— Но-о, а я-то...

— А ты-то, Денис Батькович, при том, что нравился вот на такого же «мессершмидтовского» профессора: раз его построили, а заменять не надо... в отличие от носителей этого звания современной выделки. Я, Денис, на дуру вроде как не тяну, понимаю, что и вопросы к «своему интервью» и ответы — все без твоего участия Скородумов сформулировал. Нет в них обычной газетной развязности и откровенной благоглупости. На-ко зачитай, зачитай концовку!

Дэн взял последний лист распечатки и, недоумевая, прочитал вслух обведенную Верой Антоновной красным фломастером заключительную фразу:

— «Период глобализации, как начало овеществленного перехода биосфера Земли в предугаданное еще академиком Вернадским новое ее качество — ноосферу, имеет целью в плане социальном полное расчеловечивание, то есть человек биологический выполнил свою эволюционную миссию. Честь ему и хвала уходящему. Очень скоро все мы перейдем в сугубо технический мир телекоммуникационных сетей, для обслуживания которых, после ликвидации в той или иной форме большей части населения планеты, будет оставлено...»

Здесь Вера Антоновна перебила:

— Достаточно, давай последние четыре строки.

— «...Уже нынешний человек в возрасте где-то до тридцати лет по своему образу мышления и жизненному поведению может быть квалифицирован, впрочем, безо всякой обиды для него, как *безнатурный дурак*. Это не мои слова, но одного писателя девятнадцатого века».

— Согласен с профессором?

— Дураку легче живется,— уклонился Дэн от прямого ответа,— потом с него и спросу нет.

— И я согласна... как и все, но говорить это в открытую неполиткорректно. Давай поступим так.

Беседу профессора с самим собой повесим на нашем сайте, убрав последние четыре строки, а в газету на День науки что-нибудь дежурное из интернета возьми. С учетом местной персоналии. Не забудь с сайта администрации области что-то добавить. До вечера вполне успеешь.

...Через год Дэн встретил на улице Светку Тринберг. Как и все еврейки, она в считанную пару лет быстро переоформилась из розовощекой девушки в уверенную молодую женщину. Пожаловалась: лондонский диплом получила, но на заграничное и московское житье денег нет — у отца смиерились адвокатские доходы: клиенты из знатных воров и прочих «честных предпринимателей» перевелись, ведь не девяностые! а чиновников за взятки смысла нет за одни задатки защищать — если их «за клин» и берут, то уже с гарантией на образцово-показательную отсидку.

Светка и раньше нравилась ему со своим своеобразием, а теперь и социального неравенства у них нет. Через полгода расписались и уехали на ПМЖ в Израиль, где у Светланы Ефимовны издавна уже обосновалась обширная родня. Она за полгода начатками иврита овладела, а Дэн на дую спик инглиш приналег.

Опытный журналист наставляет стажера: «Ну, что ты, мой милый, написал: «Вчерашний Первомай в областном центре собрал не более двух тысяч митингующих, преимущественно пожилого возраста. В целом, все прошло спокойно за исключением небольшого инцидента: учащийся техникума бросил в сторону губернатора надорванный пакет с кефиром. Хулиган был задержан». Надо усилить акценты, примерно вот так: «Традиционный праздник весны и труда граждане города провели на своих виллах и дачах. Несколько сотен страдающих амнезией беспомощных стариков случайно зашли на площадь и остановились, заинтересовавшись появлением губернатора, известного прокоммунистическими взглядами, со свитой. Молодой демократ, студент колледжа Борис К., выразил возмущение политикой губернатора по задержке реформ и метким броском надорванного пакета с йогуртом «Эрмигут» сбил с него спесь. Милиция зверски скрутила руки молодого борца, отличника учебы и именного стипендиата фонда Гусиновича и бросила его в «черный воронок». Народ на площади роптал и возмущался» (это из 90-х гг.).

«БОГ ПРИСТАНЕТ И ПАСТЫРЯ ПРИСТАВИТ»

Машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности.

Н. С. Лесков «Левша»

◆ Одиннадцатиклассник Димон Третьюхин провел весенние каникулы в Москве в семье дяди, материна брата Константина Ильича. Семьи их еще не раздружились, как то бывает обычно между родственниками, живущими в столице и хотя в ближней, но в провинции. Особенно в нынешнее, разъединительное для людей время. Дело в том, что всего полтора года, как Константин Ильич, коренной тулуповец, служивший в областном следственном комитете, получил полковничью папаху и был переведен в Москву. Как он сам под хмельком за праздничным столом говорил, ничтоже сумняшеся — «в порядке передислокации кадров, чтобы не прикармливались особо на кумовских местах».

А с двоюродным брательником Сашком, ныне первокурсником юридического факультета первостатейного столичного вуза, они в Тулуповске и вовсе в одной школе учились с разницей в один класс, крепко дружили и друг о друге за глаза и в глаза говорили: «Он мне двоюродный, но лучше чем родной». Уже освоившись с московской житухой, Сашок весь уходящий учебный год, последний для Димона, зазывал брата на все каникулы «приобщиться к цивилизации». И Константин Ильич, когда служба позволяла успеть к домашнему ужину и пересечься в племянником, если того Сашок не увлекал в тот день до начала ночи на тусовку, воспитательно намекал Димону, что-де «у меня растут года», будущую кор-

мовую профессию на финише школьных лет и вовсе пора в определенность переводить. «Бог пристанет и пастыря приставит», — обращался он к племяннику с деревенской мудростью, ибо он, как и мать Димона, в первом поколении являлись городскими жителями, помнили еще сельскую образность мышления под разговор... и добрую стопку, разумеется.

— Я к тому, Дима, речь склоняю, что и твои мать с отцом не против, а я и вовсе... вот и Сашок поддержит — бери курс на юстицию. В наше славное время, будь не к ночи оно помянуто, по-евангельски не наживешь палат каменных трудом праведным. Нет, конечно, против морали, особенно сейчас, когда гайки по всей «вертикали» накрепко закручены и даже насечкой застопорены, идти не следует. Но быть юристом, лучше адвокатом, депутатом каким-никаким все же надежнее, чем в сомнительное по определению в нашей стране предпринимательство встраиваться. А другие рода занятий? — Наука... сомневаюсь, что таковая серьезная осталась. Учитесь в школе или в университетах, инженерство — все, все как-то смято и унижено в социальном плане. Так что, дорогой мой, вот бог к тебе всех твоих родственников в пастыри приставил! И все к одному склоняются: давай и в твоей родственной ветви продолжим нашу юридическую династию! Да-вай-ка по пятнадцать капель, братья.

Закусив — и в этом не совсем еще отошел от родной деревни — соленым огурчиком домашнего приготовления, пару трехлитровых банок которых мать всегда навязывала ворчащему Димону при поездке в Москву, Константин Ильич окончательно входил в роль богоданного пастыря — уже с четким, юрист ведь! расписанием по графам и разрядам:

— Опять же и ни на грамм хлопот с учебой, две остановки троллейбуса от дома до корпуса *нашего* политеха тулуповского, в котором юридическое отде-

ление располагается... — с наблюдательностью матерого следователя подметив, как братья переглянулись, оговорился, — нет, нет, не думай даже, что отлуп тебе даю от Москвы! По моей должности мне пятихатка полагается. Вот еще годок «испытательного срока» и переедем — приезжай и живи не хочу! Просто, специфика *нашего* образования такова, в отличие, например, от физико-математического, медицинского и прочего, где важна традиция и преподавательские кадры, что римское право, лежащее в основе русской, потом советской, а ныне российской законности, создано латинянами абсолютно логично, просто и на все последующие века и тысячелетия. Ни убрать, ни прибавить. Другое дело — наша русская специфика практики, это где законы что дышло... Ну-у, это в образовательный курс не входит. Так что, если желание учиться имеется, память — а она у тебя недурственная! наличествует, левое полушарие головы, где логика сидит, соображает, то неважно где юриспруденцию постигать: в Москве, в Тулуповске, в Лондоне, куда мои высокопоставленные подследственные своих балбесов посылают. Хоть в Замухрайске на базе бывшего педучилища, ныне университета. Владимир Ильич Ленин и вовсе самолично, будучи изгнанным из Казанского же, но настоящего, не замухрайского! университета, все науки юридические изучил и экстерном сдал экзамены на присяжного поверенного, адвоката по-нынешнему. А практику осваивал в подполье и революциях.

Димон не мог не согласиться с юридически четкими, но и доходчивыми доводами полковника юстиции. И Сашок согласно кивнул головой.

— Вот я и говорю, ребята, не в обиду вам, да и мне самому будь сказано, что юриспруденция на базе римского права есть не творчество и не научно-прикладная отрасль. Это необходимый объем твердых, логически оформленных знаний, а потом работа,

работа... работа до седьмого пота. Зато полная определенность в жизни. И здесь не имеет никакого смысла искать вуз попрестижней. Опять же — латинян древних в сочиненном ими праве не переплюнешь! А вопросов-сложностей с поступлением в Тулуповске у тебя никаких. Учишься ты хорошо, эту самую *еге* — обить-твою-жесть без труда осилишь. Да и фамилию мою назовешь, помнят меня в городе черти, откозыряют тебе на факультете.

Разохотившись — день пятничный, уикэндовый, — полковник опрокинул еще стопку, закусил сестринским, с дачи, огурчиком, продолжил пастырство:

— И не вбивай в голову, племяш, что-де юридичество наше есть не творчество, не наука, не полезные ремесла всякие, а сугубая практика исполнения закона. Да, мы не поем по праздникам «не кочегары мы, не плотники», хотя подхалимы всякие из артистов десятого ноября на День милиции, то бишь сейчас полиции — скажи я это слово в деревенском детстве в одобрительном смысле, так дед Егор меня бы арапником через спину протянул; меняются на глазах временные ориентиры! — много всяких похвальных песенок споют... даже с пританцовкой и коленцами с выходом. Практика и есть практика, повторюсь. Потому и имен громких в нашей среде почти не имеется. Из позапрошлого века только адвокаты Кони и Плевако разве? Да обер-прокурор синода Победоносцев, но это больше по духовной части. Из советского времени Дзержинский с Менжинским, наркомы от Ягоды до Лаврентия Павловича — но сейчас все они в ничтожество сведены; тот же Вышинский, что на Нюрнбергском процессе от СССР председательствовал. Вот и все: если слава, то глухая и порой сомнительная. И срам девяностых годов. Мы по определению есть трудовые винтики механизма закона. А таковая машина неумолимо сравнивает всех ее тружеников. Получается, что

нет разницы между этими людьми, талант здесь излишен! Даже число звезд на погонах есть не признак неравенства, но токмо отметка практических заслуг. Исполнительный, аккуратный в поведении и ведении дел сотрудник быстрее и «звездится». Самое же существенное, что и во всей современной жизни, а чем дальше, тем все быстрее и явственнее, все меньше места остается талантам, дарованиям всяkim — творческим художественным и научным. И что это значит? — А то, что наша юристика уже не белая ворона на фоне остальных жизненных занятий и устремлений, но все и вся семимильными шагами в период глобализации, дурацкий термин! вливаются в рамки жесткой «машинной» логики. Как придуманное древними римскими правом.

◆ Димон всю эту неделю московского пребывания, слушая здравые рассуждения Константина Ильича и оптимистические планы Сашка, чувствовал себя в положении того киногероя из случайно просмотренного по телевизору древнего совкового фильма, что кричал с обидой: «Чего это вы, товарищ парторг, меня за советскую власть агитируете!» Он и сам уже с прошлого года, имея пример успешной карьеры дядьки, а потом поступления Сашка на юрфак, все более склонялся последовать примеру их обоих. А с кого еще этот самый пример брать? Отец, правда, конструктор, недавно стал начальников отдела на одном из немногих сохранившихся в городе военных научно-исследовательских предприятий, а теперь, когда, по его слова, «в стране поняли, что зад надо чем-то прикрывать», заметно ожившем. Но всю жизнь, да еще с накануне чемпионата по футболу повышенным пенсионным возрастом, монотонно, с утра до вечера за забором с вахтерами на проходной ломать голову — по отцу же и знал — над формой зацепа пружины автоматической пушки? Опять же при его довольно холодных отношениях с точными науками,

да еще шесть лет, вместо обычных пяти, учиться на военно-техническом факультете их универа? — Изабавьте. Тоскливо при соблазнах, правда, почти недоступных, нынешней образцово-показной жизни. И уж не хлопотуния мать пример, что при совке на счетах и арифмометре «железный Феликс» начинала свою заводскую жизнь в финансово-бухгалтерской служба, а сейчас на компе те же самые сальдо-бульдо считает в почти что скобяной мастерской, оставшейся от приватизированного завода, распроданного новыми хозяевами на металлолом китайцам.

Бизнес? — Нет этой традиции в их родстве. Здесь хотя бы отца завбазой овощной или продавщицу мать надо иметь. В школах на уроках биологии пожилая, очень умная по части генов учительница все на месте в его голове расставила. А против биологии не попрешь. Да и опоздал он с годом своего появления на свет — другое бы дело «лихие девяностые», там пан или пропал. Сейчас же время совершенно иное, устаканенное, «олигархическое с толерантным лицемерием», — как говорит Петька Подшибякин, одноклассник и функционер городской комсомольской организации. Ему-то, Димону, глубоко плевать с телевизионной вышки, что на южной окраине города, но все эти олигархизмы, капитализмы и пройденные, как классы школы, социализмы. Против лома нет приема, говорит отец, когда мать побабски малоразумно вздыхает по советской старине: пенсия в пятьдесят пять лет, колбаса и пельмени из мяса, молоко от коров, а не с китайского завода пищевой химии, бесплатное лечение и образование... А у Димона в классе, исключая Петьку Подшибякина и еще двух ребят с родительскими магазинами, все такие же поплевисты — поплевывают с телебашен. Впрочем, каждый со своей, индивидуальной. Время такое обособленное, все против всех, а каждый только за себя.

...Впрочем, с начала одиннадцатого класса все эти рассуждения приобрели для Димона этакую абстрактную второстепенность: с некоторым запозданием, явно по наследству от деревенских предков, что крепки задним умом, доставшимся, все потеснила влюбленность. Но и здесь все как-то ни шатко, ни валко шло. В первой четверти, по волнующей золотой осени с ее вечерними дымками и острыми запахами увядающей листвы в парке вроде бы сдружился с Златой из параллельного класса, но все и ограничилось этими прогулками по парку и парой посиделок в недорогом кафе. Все ему казалось, что она вроде присматривается к нему. Видать, не приглянулся: без объяснений, легко, как сигарету выкурить, перешла Злата к другому, мажору в своем классе. Петька Подшибякин разъяснил ему с комсомольских, классовых позиций: «У Златки, Димон, папаша, на паях правда, двумя автозаправками владеет. Так сказать, купец третьей гильдии. А у тебя папамама кто? Вот и подели и умножь в своей голове. Сейчас, в эпоху торжества мелкобуржуазного частнособственничества, даже на нижних его ступенях деток своих, особенно девиц, сызмальства приучают избегать мезальянса. Как это ни смешно, но олигархерам и мелочные торгаши подражают! Осталось только таким как Злата с началом полового созревания постоянно носить с собой как его... слово такое полуматерное есть: хештег или херштег с надписью: «Знакомлюсь и совокупляюсь с серьезными намерениями только с успешными парнями с доходом не менее 10000 USD в месяц». Ха-ха-ха, Димон, не бери в голову! Найдешь себе пару по размеру...».

Вот после новогодних каникул потянуло его к Ксюше, однокласснице, но только в прошлом году в конце десятого класса перешедшей к ним из другой школы и вообще из другого, районного города — родители переехали в областной центр. Здесь бы и

Петъка Подшибякин не отыскал «классового неравенства». Она не отказывалась встречаться наедине — у семейства Димона имелась пустующая однокомнатная квартира — чье-то родственное наследство его матери. В наем ее не сдавали, дескать, всех денег не заработкаешь, а хлопот со сдачей в наше воровское время не оберешься, рассуждали мать с отцом, налетишь и вовсе лишишься! Знал Димон, что квартира эта (имелась еще сестра-восьмиклассница) предназначается ему при женитьбе. Вот и с Ксюшей там уединялся. Но и у той свои повадки, явно от «уездного воспитания» материю, учительницей, да еще словесницы. На романах дочь взросла.

И винца с ним выпить «для расслабления» не отказывалась, очень танцевать под лирическую музыку любила, а на диване, раскрасневшись, умеренно возбуждалась, даже постанывала в объятиях расходящегося Димона, но... объятиями, поцелуями, частичным раздеванием диванные дела и ограничивались. Даже усмехалась: «Димочка, не торопись, ведь не на поезд опаздываешь!» Димон умеренно раздражался. Тем более, в десятом классе после опять же новогодней вечеринки уже имел одноразовую постельную связышку с почти незнакомой девицей не из их школы. После случайно встречаясь на улице, спокойно оба говорили «привет»! и не останавливались.

«Что за динама? — размышлял он после очередного «уик-энда» на своей квартире, — чего она тянет? Боится что ли? Или мама со своей русской словесностью в районном городке так настропалила?» И он близок был к догадке. Перед самой поездкой на весенние каникулы к московским родичам, как-то бездумно валяясь на диванчике в своей комнате — а дома никого не случилось, тишина, — услышал он через тонкую, не капитальную стенку из соседней квартиры литературную запись рассказа Бунина «Натали». Он знал, что дед, патриарх со-

седского семейства, отставной профессор педуниверситета, хворал глазами, поэтому составил себе фонотеку записей русской классики. К тому же, будучи и глуховатым, включал на полную громкость в своей, смежной с димоновской, комнате. Так что тому даже и прислушиваться было не надо.

...И вот, слушая рассказ Бунина о любовных похождениях студента, в летние каникулы навещавшего родственное поместье семейство с дочерью, только что окончившей гимназию, то есть двадцатилетней, уже «похожей на молодую, только что вышедшую замуж женщину», Димон уже с конкретным интересом слушал сценыочных свиданий в отведенной студенту комнате, где «она уже позволяла всю себя целовать, но только целовать». Наконец она все же сказала: «Возьми меня, всю возьми!» ...К сожалению для них здесь им помешали.

«Так значит это все же обычная женская манера — подинамить вволю, а затем сблизиться,— усмехнулся Димон,— значит, подыграем и своего дождемся! Даже пикантно, что Ксюша не стандартная «трахалка», а с правильным воспитанием».

...Словом, роман с Ксюшей развивался по законам русской литературной классики, суля не мимолетное, но осмыщенное, все более и более развивающееся чувственное удовольствие, возможно, перерастающее в искреннюю любовь? А любовь, как известно, все житейские перипетии, включая насущный выбор будущей профессии, отодвигает на неясное будущее.

◆ Проводили уезжающего Димона по-московски. То есть супруга семейства чмокнула племянника и вручила — алаверды за соленые огурцы прошлогоднего урожая и пару литровых банок домашнего же варенья — пакет с московскими сувенирами. Обнялся с Сашком, извинившимся: срочно нужно, хотя и близко к вечеру, в универ, все же староста группы.

А Константин Ильич на служебной машине с водителем довез его до Курского вокзала, дружески распрощался, вежливо выйдя из авто: «Ну-у, племяш, вижу ты уже морально готов к юридической карьере. Сложности — мало ли что? возникнут с поступлением — сразу звони. Урегулируем тотчас».

Прогуливаясь по перрону в ожидании вечернего экспресса — следующей до Тулуповска безостановочной электрички, — Димон увидел знакомую фигуру: этого красавца лет тридцати с небольшим, с мягким, доверительным взглядом карих глаз, с д'артаньяновской (так решилось; вроде как д'Артаньян безбородый?) аккуратной бородкой и усами, достаточно щегольски одетого, хорошо сложенного для своего среднего роста, он не более как пару месяцев назад видел на факультете с юридической специальностью — в воскресенье ходил туда на день открытых дверей. Представляя собравшимся в большой аудитории школьникам, среди прочих преподавателей, заведующий кафедрой, обращаясь к «нашим будущим коллегам», рекомендовал д'артаньяновца: «...А вот наш доцент, кандидат юридических наук Юрий Николаевич, является собой замечательный пример плодотворного сочетания вузовской науки и практической адвокатской работы. Прошу любить и жаловать, когда мы с вами, вне всякого сомнения, встретимся в начале сентября месяца этого года!»

...Причем красиватый Юрий Николаевич не в одиночестве, как Димон, ожидал покойного в малом комфорте и скорого в движении экспресса: он беседовал с молоденькой, студенческого вида девушкой, не то что яркой красавицей, но с теми своеобразными фигуранткой, лицом и прической, что девушки моделируют на себе в период начала первой молодости, примеряясь к искусству обольщения с маской почти что невинных представлений о жизни вообще. Что-что, но уже имея какой-то опыт с Яной и Ксюшей,

Димон, хотя бы и не в такой словесной интерпретации, грубо~~в~~о проще, уже разбирался во внешнем виде девиц. Студенток тем паче.

По всей видимости, д'артаньяновец Юрий Николаевич, как человек компанейский, тем более препод и адвокат, любящий покрасоваться в среде молоденьких студенток, только что и завел на двухчасовую дорогу благодарную, пикантную по юной свежести слушательницу и спутницу. Здесь подали состав. Димон и отмеченная им парочка вошли в напротив их остановившийся вагон. Не имея никакой цели, Димон, поскольку входил за ними, и сел в кресло, из числа стоявших попарно, с удобными высокими спинками, так что не видно ни впереди, ни позади сидящих, за сдружижающейся парочкой. Состав тихо тронулся. Кресло рядом с Димоном осталось незанятым, поэтому он совершенно по-домашнему, не торопясь, выпил банку пива, пару которых всунул в материну сумку «с сувенирами» Сашок, мол, чтобы в дороге не скучал. От пивка, тем более под уходящий в темнеющий вечер заоконный вид, хорошо нагретого вагона, не более чем наполовину занятого пассажирами без гомона и шумных разговоров, Димона не то что в сон потянуло, но в приятнейшую дремоту завершающего свое путешествие странника. Спинки кресел полностью закрывали впереди сидящих, но в тишине вагона их разговор, по преимуществу рассказы Юрия Николаевича, отчетливо втекали в Димоновы уши.

— ...Вы, наверное, Юрий Николаевич, очень заняты в университете? Сложно ведь совмещать с работой адвоката, да?

— Да нет, Юлечка, я в университете больше для души, что называется, для разнообразия, наконец, для своего рода отдыха — ведь знаете? Лучший отдых — перемена рода занятия — от адвокатской работы. Поэтому от стандартных дисциплин сразу

отказался, а веду семинары, порой лекции читаю по специальным отраслям юриспруденции, в чем штатные преподаватели особо не сильны. Мой, так сказать, конек — история и практика смертной казни...

— Уй, что-то страшное, Юрий Николаевич, вы избрали,— подластилась к визави Юля.

— Да нет,— рисуясь бархатным, совсем чуточку, нарочито утомленным баритоном, успокоил Юрий Николаевич,— это специфика нашей профессии, когда следует постоянно отвлекаться от чувственной, эмоциональной стороны. Закон жесток, но это закон. По латыни *dura lex, sout lex*. А кроме смертной казни еще с удовольствием веду семинары по основаниям римского права. Здесь тоже штатные доценты и даже те два процессора, что у нас на кафедре, не совсем верно студентов научают. От торопливости и ежегодного повторения одного и того же, скорее всего...

— Это по истории юстиции?

— Нет, Юлечка, здесь речь об основных, базовых логических формулах, что положены в основу римского права. Ну-у, это всем известное: закон не имеет обратной силы, состязательность процесса в триединстве судьи, обвинения и защиты, презумпция невиновности и некоторые их конкретизации. А я студентам своим в лоб прямо-таки почему-то забытое базовое логическое правило: во время совершения преступления закон не действует! Они в ответ — нам этого никто не говорил. А я им — пошевелите нестандартно своими мозгами: ведь весь процессуальный кодекс на этой формуле основан! От права на самозащиту и действий сотрудников органов при задержании и так далее, в моральном плане — ведение войн даже! Как все это совместить с законом, понимаемым абсолютно?

— Ой, как интересно, Юрий Николаевич! И у нас на менеджменте, хотя бы неявно, тоже похоже.

Как сейчас принято говорить: ничего лишнего, только бизнес! А расскажите что-нибудь из своей адвокатской практики. Вот где интересно, да?

— Извольте, дорогая моя. Недавно защищал одного своего клиента, прямо скажу не без успеха (Димон, не видя лица рассказчика, но по интонации зрительно представил изображение притворной скромности — слегка уткнулся д'артаньянской бородкой в воротничок рубашки, стянутой галстуком), а дело, доложу тебе, Юлечка, вообще еще не имело председента, по крайней мере, у нас в России.

♦ Слушая занимательный рассказ Юрия Николаевича, где увлекательная тема приятно оттенялась хорошо поставленным бархатным баритоном, в сухом тепле нарочито неярко освещенного вагона и все на контрасте со все уверенно наступающей темнотой за окном, от которой ощутимо представлялась морозящая к ночи позднемартовская погода и окрестные мчащемуся поезду невеселые окрестности с почерневшим, сгорающим днем, все более просаживающимся снегом и голыми ветвями сиротливого леса... словом, слегка прикрыв веки глаз, Димон совсем заутился: словно смотришь спокойный фильм советской поры — о Шерлоке Холмсе или о Штирлице...

А щегольский адвокат не преминул для начала повествования все же дохвалить себя:

— Вот вы, дражайшая моя, от московской подруги домой возвращаешься, а я как раз одним днем ездил в столичную адвокатскую контору, где заинтересовались моей защитой. Она и здесь нашумела!

— Так вас, Юрий Николаевич, могут и в Москву позвать работать? Как здорово!

(Уже кое-чем умудренный в свои неполных восемнадцать лет, Димон желчно усмехнулся: бабы, наверное, еще в утробе матери предельно практически мыслят...)

— Ну-у, там посмотрим. Так вот, начало этому громкому процессу случилось по прошёлшей осени. Обратились ко мне общие со мной и одним известным в городе, слегка скандальным, но не по характеру, а по выбранному им *modus operandi* — это по юридической латыни значит образ действия, журналистом. С журналигой этим я и сам пару раз в компаниях встречался, вообще много слышал — так он есть сочетание прирожденного правдолюбца и деятельного в своей профессии. Гримучая смесь! Потому неоднократно имел стычки с губернской властью имущими. Так и прошлой осенью стычка у него вышла с замом главы области. Сейчас уже оба бывшие, слышали, конечно, об уходе губернатора «по собственному желанию», а за ним и всей его команды. Статья-то предельно двусмысленная. Словом, тиснул наш журналист громобойную статейку в областной оппозиционной газетке, а вице-губернатор на него в суд за оскорбление личности и ложные обвинения, по-нашему диффамацию.

От тепла и ровно льющегося бархатного голоса Димон едва не задремал, но, вспомнив о второй банке пива, вынул ее из сумки, сделал пару хороших глотков, приободрился для дальнейшего слушания.

— ...Надо сказать, Юлечка, юриспруденция сугубо логическая вещь, все по букве закона, особенно если дело движется к обвинительному вердикту. Вот говорят в прессе, по телевидению во всех жанрах — от кинокомедий до бесед прикормившихся там «выдающихся политологов», — что-де в эпоху сталинизма, в особенно часто поминаемом тридцать седьмом году, просто так, ни за что, хватали ни в чем не повинных людей на улицах, вытаскивали из квартир «дома на набережной», сажали в «воронки», далее в застенки и приговор тройки: к стенке или на «десять лет без права переписки». ...С хрущевских времен, хотя мы с вами их не застали, и по сей день и далее

вперед на все «светлое будущее» это день ото дня талдычат. Утюг включишь — вроде как и он о жертвах сталинизма зловеще шипит.

— А-а, разве все не так?

— Понимаешь, Юлечка, я не с политической, так сказать, а с сугубо юридической позиции рассуждаю. Надо государству — закон по всей жестокости действует, как и было в эти самые «сталинские годы», а понадобится, что и было в «золотые» советские шестидесятие-восьмидесятие, то закон и в более мягкой своей ипостаси карает. Словом, «исправленному верить», взятие на поруки, общественные суды. Это наши родители и дедушки-бабушки все хорошо помнят и забыть не могут. Но — в любой своей форме, предельно жестокой и смягченной, никто никого бессудно к стенке не ставит или на поруки товарищам не выдает: все должно по форме закона! А все это к тому, извиняюсь за юридический ликбез, что сейчас законы сформулированы, так сказать, расширительно. Их можно применять и со строгостью, и с послаблением. По всей видимости, когда их в девяностые годы писали, то много взяли с американцев. У них так принято исторически. Но, в то же время, большое внимание уделяется четкости формальных определений. Опять как у тех же американцев.

(Димон, особенно после пива, почувствовал некоторое уважение к юридической грамотности Юрия Николаевича).

— ...Это необходимое пояснение к делу журналиста, которого общие наши с ним друзья попросили меня защищать в суде. Я не отказался, альтруистически, понятно, откуда у оппозиционного журналиста деньги, да и процесс, учитывая вице-губернаторскую власть, заведомо проигрышный. Но — взялся подружески и максимум возможного на суде сделал: штрафы сейчас за диффамацию свирепые, в сотнях тысяч, а мне удалось на нижнюю планку свести, что

несколько взводрило моего подзащитного и неприятно действовало на представителя истца; понятно дело, в области вице-губернатор есть персона малоприкасаемая и в суд за себя подчиненного чиновника посыпает. Как у Салтыкова-Щедрина. Попиваем мы с журналистом коньячок вечером дня процесса, тот благодарит меня, но профессиональная злость в нем так и пышет: «Слушай, Николаич,— мы ровесники,— а нельзя ли так апелляцию поискуснее, ты ведь у нас в области адвокатский профи высокого класса! чтобы этого «вицика» и вовсе с носом оставить?» Попробую, отвечаю, у меня и у самого спортивный интерес проявился. Наутро, все другие дела отложив, даже по телефону семинар в университете отменил, обдумывать апелляцию начал, ищу в судебном деле журналиста нашего закавыки и — о, удача! эврика настоящая! У нас по традиции сейчас судьи в основном из бывших судебных секретарей производятся. То есть и судья, и ее секретарь, особенно последняя, еще не в почтенном возрасте, то есть уши их попривыкли к современной речи, особенно в телевизорах, где с каждым днем все больше американизмов. Не утомил я вас скучной юридической?

— Нет, что вы, Юрий Николаевич, так интересно-о!

♦ — Вот, по всей видимости, помощница, то есть секретарь судьи, наслушавшись новомодного словечка *фейк*, которым щеголяют не то что телевикторы, но и люди высокого чиновного ранга, и, ничтоже сумнящиеся, дважды употребила его в материалах дела, не в тексте приговора, конечно, там бы судья вряд ли пропустила, но все же в *официальном документе!* И такую я, с позволения сказать, апелляющу сотворил! — Гоголь и все тот же Салтыков-Щедрин одобрили бы. Опять же, Юлечка, ведь ты в курсе, что сейчас власть официально объявила русский язык достоянием народа и государства? И этот

довод в апелляции таким железобетонным оказался, что суд высшей инстанции без возражений отменил приговор, хотя бы по формальным признакам, возвратив все на круги своя, то есть на доследование. Правильно в народе говорят «пока суд да дело», словом, власть в области поменялась, а вице-губернатору стало не до копеечного иска к журналисту; ему впору от взяточной уголовки отмазываться... Извини, Юлечка, за жаргонизм — с кем порой общаешься, от того и набираешься.

Димон даже хихикнул от удовольствия: допитого пивка и ловкости адвоката. Вот и конец пути, состав вкатил на пристаниционные пути Тулуповска и мягко затормозил у перрона. Как и входили в Москве в вагон — Димон за парой, таки вышли — сначала они, он за ними. Тем же строем шли к троллейбусной остановке. Димон отметил про себя: если сдружатся, то ненадолго, мимолетно, ибо как ни искусно Юля, а скорее всего любящая и заботливая ее мать, подбирали ей наряды, но все же в изящных с виду ее ножках, если приглядеться, присутствовал изъян не для женского гурмана: некоторая, хотя бы и на сантиметр-другой, непропорциональность длин бедер и голеней.

...На зимние каникулы следующего учебного года Димон приехал к московским родичам первокурснику Тулуповского университета по юридической специальности. Спасибо правильным пастырям!

Всем известно ленинское определение русского интеллигента, хотя, между нами, девочками, говоря, и сам Владимир Ильич начинал трудовую жизнь малоудачным либералом-адвокатом. Впрочем, скоро опомнился. В наше же волчье время интеллигент и вовсе гнойный нарост на умирающем теле национальной культуры и науки. Понятно, если он не другого пошиба, демократического... Самое существенное, что никакое время, никакие катаклизмы жизни народа и государства не изменили душевые и умственные устремления пресловутого *i n t e l l e g e n c e*: вкусно покушать три раза в день и с полдником, следовать линии партии (коммунистической, либеральной, монархической... — какая шишку во власти держит), немного диссидентствовать, с девками молодыми шалить. А что касается нравственного выбора, то его всегда выручает гадание на пальцах или на кофейной гуще.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Заматерелость в преданиях, и никакой идеи.

В. О. Ключевский
«Боярская дума древней Руси»

Нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона.

Н. А. Некрасов

Читатель вправе назидательно заметить нам: что это вы, любезнейший, взявшись сочинять о молодой поросли народа российского, все пишите^{*} или об окончивших «свои университеты», а то и о собирающихся в оные поступать. А где же самые студенты — многочисленнейшая группа, то есть миллионная масса современной молодежи! Как говорится, была бы честь предложена. Вот вам и о студенте, одной из фигур вселенского *gaudeamus igitur*.

♦ Игорь Редькин, нимало не обижавшийся на свою сельскохозяйственную фамилию, завершил четвертый курс без усилий и напрягов, но и равнодушно не стремясь к высшим баллам — никакого смысла в этом не видел. И матери^й доцентище Николай Андреянович, читавший им в весеннем семестре аэродинамику крылатых ракет, что относилась по программе к спецкурсам, в отличие от общей аэродинамики летательных аппаратов, выслушав на экзамене очень даже здравые рассуждения Игоря о флаттере, то есть резонансном дрожании специфических крыльев этих ракет, спросил его: «Может тебе сто баллов поставить, как сейчас по-американски принято, а по-советски — пятерку?»

* Данное предупреждение для той категории читателей, которые читают не этот, отдельно взятый рассказ, но весь цикл таковых в последовательности их размещения.— Прим авт.

— А зачем, Николай Андреевич? На пятерку господь бог все знает. И вы, как практик ракетостроения, не один десяток лет проработавший в военном конструкторском бюро, приближаетесь к такой оценке. А мне и четверки, по американо-нижегородски восьмидесяти баллов, достаточно...

Пораженный логически выстроенной иерархией знаний, тот все же поставил умному и здраво мыслящему студенту в зачетку и ведомость девяносто баллов. Примерно так же Игорь сдавал и остальные зачеты и экзамены за четвертый курс. К обоюдному удовольствию его и преподов.

Студенческое прозвище *Редька* к нему еще с первого курса не приклеилось, поскольку на вопросы однокашников, нагловатых бывших старшеклассников, он отвечал серьезно, что его дед, Трофим Епифанович, доживший до миллениума и даже до начала «мирового кризиса империализма две тысячи восьмого года», из тех солдат первого послевоенного призыва, что был отправлен в обезлюделвшую Курскую область солдатом-землепашцем одного из военных совхозов, в части организации которых Иосиф Виссарионович использовал опыт Аракчеевых военных поселений в бедных людьми северных губерниях Российской империи. А в Курской и в соседних Орловской, Белгородской и ряде других областей села совсем опустели: слишком долго там немцы хозяйничали, а потом мудрый Вождь принял стратегически верное решение: заселить исконно русским народом, тем более оставшимся на погорелом месте, очищенный от татар Крым, а от пруссаков — Калининградскую область. В военкоматах по всей стране тогда комиссарами находились боевые офицеры, спящие еще в войну по ранениям и инвалидностям, то есть люди многоопытные в жизненных познаниях. Поэтому заполняя разнарядки призывников по роду войск, они мудро отбирали ребят с исконно кресть-

янскими фамилиями по спискам в военные совхозы Средней России: пахать землю и убирать урожай в гимнастерках и галифе... пока не обрастет людьми убитая в войну земля от оставшегося местного крестьянского населения. «Вот и мой дед, Трофим Епифанович Редькин, призванный с Вологодчины, пролужил положенное трактористом, женился на местной курской, там и остался. А уже отец, потом выписав деда с бабкой, был переведен в Тулуповск по своей работе — хотя и не номенклатурной особо, но специалисты тогда приказу подчинялись». После такого пространного объяснения все замолкали и прозвище овощное напрочь забывали. Не приклеилось.

Отец, успешно начавший в самые молодые годы, после окончания института, работу (слово *карьера* он и посейчас полагал паскудным) в части геодезии и картографии, и сейчас успешно продолжал ее в Тулуповске по государственному ведомству в полном расцвете сил, заматеревши, воспитав трех детей, Игорь младший — последыш, как любовно называл его дед Трофим Епифанович. Мать успела в последний год «ухватить» пенсию еще по советским меркам, сейчас вела домашнее хозяйство в собственном доме на ближней окраине города. Не вынося много квартирных муравейников, в самом конце восьмидесятых глава семьи, Василий Трофимович, с еще бодрым Трофимом Епифановичем соорудили для семьи поместительный дом. Благо в Тулуповске с его двумя металлургическими заводами стройматериалы для добротных и теплых зимой, прохладных летом литых шлакоблоковых зданий имелось предостаточно — плаата только за вывозящие с отвалов шлак самосвалы.

В девяностые и нулевые годы разгула мелочного частнособственничества — подготовки субординированного олигархата — в «пентагон», по принятому во всем городе наименованию корпуса, в котором базировались военно-технические специальности, шел,

причем без всякого, даже символического конкурса, самый захудалый, троечный абитуриент с совершенно безлошадными родичами. А после окончания через пень-колоду обучения все эти безлошадные тройбанисты шли в магазинные приказчики и офисные креветки. В «пентагоне» обучение бесплатное...

Когда же в начале второй половины две тысячи десятых годов на специальность ракетостроения поступал Игорь, то ситуация в «пентагоне» заметно изменилась. В стране, где почти четверть века целенаправленно — с подачи кого надо через агентов влияния — разрушался и добивался бывший мощнейший в мире военно-промышленный потенциал, вдруг вспомнили слова Александра Третьего про единственных союзников России: ее армию и флот. Ну-у, флот дело долгое и очень дорогое, а вот в части сухопутной армии, авиации и ракетных войск можно было и спохватиться не на пустом еще месте. Во-первых, героическими усилиями виднейших генеральных конструкторов удалось спасти значительную часть крупнейших оборонных исследовательских и серийных промышленных предприятий. Во-вторых и в главных, в архивах этих предприятий сохранилась — с запасом опережения натовцев до двадцатых-тридцатых годов — техническая документация, а в испытательных цехах опытные образцы потенциальных новейших разработок.

Поскольку же за минувшую четверть века разрухи прежние, материе оружейные кадры исследователей и разработчиков поизносились, на пенсию с отвращением ушли, а в основном не пожелали оцифровываться, переходить от карандашей и кульманов с ватманскими листами к компьютерным «автокадам», «маткадам» и прочему, то в значительном числе потребовались и новые, не с кондака подготовленные кадры.

...И в Тулуповске усилиями неимоверными, благо

характеры сформировались в прямой временной связи со сталинскими установками, академиком Гусаковым сохранилось в рабочем состоянии одно из первейших в стране ракетно-пушечное исследовательско-конструкторское объединение, а другим всесоюзно, потом всероссийски известным начальником и главным конструктором — того же ранга предприятие по более специализированному типу оружия. Для пополнения их инженерными кадрами скоренько подтянули «пентагон»: вместо тройбанистов с офисно-торговым прицелом начали привлекать — гарантированным трудоустройством на серьезных предприятиях с вполне реальной оплатой — более серьезных ребят. И родители абитуриентов вспомнили те, не столь уж далече времена, когда весь Тулуповск трудился на оборону, да и сами они, в практическом плане ныне рано взрослеющие, соображали: время мелких лавочек и офисов «купи-продай» проходит стремительно — власти для своей поддержки они уже в массовости своей не потребны. Значит, есть смысл ориентироваться на восстанавливаемую военную промышленность, хотя бы в «пентагоне» учиться шесть лет, а базовые дисциплины там в основном физико-математические.

Отчасти и по таковым соображениям Игорь Редькин, учась в школе изрядно, как по-гимназическим говорили персонажи русских классических романов, поступил на «пентагоновскую» специальность; но он и самоличный, не зависящий от общественных веяний, пунктик имел: словно в генетическую компенсацию деду Трофиму Епифановичу, служившему солдатом-пахарем в курском военном совхозе, и отцу, вообще не служившему (кафедра военной геодезии и картографии не в счет) по причине учебы в институте, его с детских лет тянуло к оружию. Не в смысле стрелять-фехтовать, но изготавливать его. Рогатки, луки детства, а затем появившееся изобилие китайской игрушечной милитаризации — все это

занимало Игорька, затем Игореху по-дворовому, в части устройства и принципов работы.

Поэтому выбору факультета и специальности никто не удивился в доме — родители и брат-аспирант — и вне его, то есть замужняя сестра, самая старшая из детей Василия Трофимовича и ее супруг, жившие отдельно, и весь круг знакомых Игоря, включая школьных одноклассников.

◆ Память Игорь — потому в школе и в университете учился не напрягаясь, но хорошо — имел отменную с детско-отроческих годов. Поэтому, когда в узком пацановском кругу, еще не до конца отмененном компом, кто-то затевал бренчать на гитаре и подпевать из вечного дворового навроде «В кейптаунском порту, с пробоиной в борту, «Жаннета» поправляла такелаж», то Игорь, занятый чем-то совершенно иным, мимоходом поправлял: «С какао на борту». И никто не возражал. А если иной Фома неверующий просил разъяснить, тот охотно и рассудительно это делал: «Речь в песенке идет о судах явно торговых, поэтому с пробоиной не вяжется никак. А парусные суда имели сложное, даже капризное хозяйство, поэтому требовали поправки такелажа перед каждым длительным переходом — здесь же везти груз какао-бобов из Кейптауна в Европу в огиб всей Африки. Это не фунт изюма!»

Доцент Николай Андреевич, ставший с четвертого курса, с которого собственно и начинались его дисциплины у студентов-ракетчиков, особо примечать Игоря Редькина, как-то заметил ему: «Ты вот просто Игорь сейчас, а у меня имеется давний, еще со времен «Меткости», друг, тоже Игорь, но с обязательным отчеством Васильевич, ибо всевозможный заслуженный и почетный, обладатель неоднократных ученых степеней и званий. И память у него абсолютная, то есть он все помнит с пятилетнего возраста: слышанное, самим сказанное и увиденное. Даже осязательная и вкусовая память у него в абсо-

люте! Например, он помнит вкус советского производства пива, которое делали естественным брожением с циклом шестьдесят дней. А потому уже почти тридцать лет, с кончины нашей родной и так далее, не берет в рот ни единой капли того скороспелого, в шесть дней забурлыживающего, напитка, что именуют пивом. На самом деле — это недобродивший солод с добавлением химически произведенного спирта, всяких ароматизаторов и консервантов, а также зараженного — для пены — углекислого газа. ...Впрочем, по той же вкусовой памяти твой тезка по имени не употребляет вин. Все они порошковые, какие бы ценны и этикетки к бутылке не были приставлены. Это как в «Бесприданнице» Островского, что вашему поколению более известна как «Жестокий роман» михалковский: дескать, сударь, по восемьдесят копеек бутылки кругом, а наклейки какие пожелаете наклеим. Ну-у, это все к слову, к примеру, а у тебя, не берусь по твоей молодости судить о винно-пивной памяти, но в научном плане таковая отменна!»

Игорь, конечно, уловил в похвальном его памяти монологе, что случился в преподавательской, куда он, как староста группы с первого курса, за пятнадцать минут до начала занятия зашел за семинарскими методичками, причину своеобразной трактовки абсолютной памяти: от матерого ракетного доцента слегка попахивало. Да он и сам ненароком оговорился, что с утра заходил к профессору Скородумову поздравить того с лауреатством почти безднежной, но ценимой в широких научных кругах премии...

Другая, уже обоюдная, не монологичная, беседа интересующегося мыслями и нравами современного юношества доцента с запомнившимся ему неординарным мышлением студентом состоялась на предэкзаменационном зачете. По неписанным, еще с советских времен, правилам студенческой жизни староста группы завершал зачеты и экзамены. Здесь сочета-

лись и армейские традиции, созвучные с военной спецификой «пентагона» (по-чапаевски: в обороне командир с биноклем в тылу дивизии), и штатский либерализм: все равны, староста не выпячивается своими знаниями... равно и незнаниями. Худо-бедно, со скучными поощрениями Николая Андреяновича, чаще с необидными его смешками и словесными подковырками, группа «зачлась». Игорю он подмахнул роспись в зачетке после пары вопросов на смекалку.

— Смекалка, дорогой мой,— благодушествовал доцент, явно не торопящийся, в два часа пополудни заседание кафедры, домой на обед, хотя и рядом живет, особого смысла идти нет,— в нашем с тобой инженерном деле суть интуиция мышления, на которое накладывается вся громада приобретаемого годами и десятилетиями конструкторского опыта. Но вот с твоей точки зрения: осталось ли место этой смекалке-интуиции в современной инженерной практике?

— Можно говорить, Николай Андреянович, без казенных словосочетаний?

— Конечно, конечно. Я ведь не советский парторг и не нынешний чиновник на официальном приеме у губернатора. Опять же всем в «пентагоне» известно, что я не профессиональный, как говорится, преподаватель, а пришел, по словам классика «пора на пенсию, в сенат», из военной промышленности. Так сказать, от кульмана и испытательного стенда... еще от язвительных неудовольствий сурового, но справедливого академика Гусакова, в своем роде морального садиста, и отборной матерщины — в качестве обыденного разговорного языка — цеховых начальников и знающих себе цену работяг-уникумов...

— Я вас понял, Николай Андреянович. Вы имеете в виду стремительное оцифровывание всех инженерных работ и интернет?

— Во-во, Игорь Васильевич гордится изобретением нового слова *цифрофрения* — метко, по-наше-

му, по-оружейному! Так сказать, новая версия доб-
рого старого русского мата. Итак?

— За себя могу сказать: всячески сопротивля-
юсь возможной утрате интуиции. Не хочется стать
приложением к интернету, в смысле — брать уже
готовые решения, а еще проще говоря — совсем от-
казаться от использования своей памяти, как опера-
тивной, так и основной, подсознательной.

— Это сейчас в школьной биологии про виды
памяти так просвещают?

— Нет, там все на тестовую зубодолбечку пере-
веденено. Читаю много. И брат аспирант в педунивер-
ситете, диссертацию сочиняет по психолингвистике.
Вообще-то он сугубый современный практик. Сте-
пень нужна для карьеры чиновника. Он это вовсе не
скрывает. Но — далеко не дурак. Таковых у нас в
семействе не наблюдается.

— И как соотносятся эти два вида памяти — я-
то от Игоря Васильевича, это его конек, все знаю, в
интернетовском оцифровывании?

— Очень просто, Николай Андреянович, соот-
носится. Оперативная память замещается справками
из интернета, вплоть до мелочей: от правильного на-
писания слова до формулы квадрата суммы двух чи-
сел. То есть этот вид памяти в итоге суживается для
указания пальцам рук нужных клавиш клавиатуры.
Творческая же, подсознательная память и вовсе ухо-
дит в виртуальную реальность уже готовых комью-
терных программ.

— Ну-у, батенька, как вы радикально с живым-
то человеком разделяетесь! — восхитился Нико-
лай Андреянович, но в том же ключе еще минут
двадцать побеседовал с оригинально мыслящим сту-
дентом, посоветовав тому стать читателем журнала,
редактируемого профессором Скородумовым.

◆ Оба живших в семье брата Редькины, аспи-
рант и студент, понятно дело, работали. Аспиранту

по нынешним временам было бы дико на шее у родителей сидеть. Игорю же отец, как значимый в области специалист, преимущественно по кадастровой части, необижаемый по окладу и иным легальным источникам, неоднократно предлагал «не отвлекаться от учебы, что у нас на прокорм и даже определенные карманные не хватит?» но и сам понимал: времена совершенно отличные от его студенческих бытованияй. Если в его студенчестве подработка являлась «поддержанием штанов» и совестливостью направлять, будучи здоровенным лбом, родителей — то есть отягчающим, всего лишь сопутствующим основной учебе занятием, то на примере своих уже детей в годы их студенчества четко осознавал, что это уже поколенный образ жизни, когда *работа* заменила *труд*. Василий Трофимович в недурственной своей памяти (было в кого Игорю с его «абсолютом» пойти!) как-то не зафиксировал времени и ситуации, когда он, глядя на своих детей и молодых сотрудников по своей службе, пришел к открытию для себя разницы между трудом и работой. Толчком же послужила... рыбалка, основное и, пожалуй, единственное его увлечение-отдохновение. Благостное («ее же и монаси приемлют», в смысле вкушают рыбу вместо мяса) это занятие дарует человеку уйму времени для неторопких размышлений, в которых прошлое насливается на будущее, усредняясь в настоящем. Во время священного акта ужения плотвичек, что шли на баловство домовому коту, и задумался Василий Трофимович на тему сопоставления: почему в советское время слово *труд* заметно теснило вроде бы аналогичную по сути *работу*? Что и в официальных документах присутствует. Супруга его, как любая женщина, серьезно относящаяся к своему здоровью — дай, бог, и дальше вовсе не хлипкому! — тоже заметила, случайно заинтересовавшись: «А что это, Вась, раньше в больничных писали «Приступить к труду (с такого-то числа)», а сейчас ставят слово «к работе»?»

И на очередной субботней рыбалке сам-один, компаний здесь с обязательными «выпили-закусили», хотя бы в жизни стопку мимо рта не проносил, Василий Трофимович не терпел, его озарило, как открывателя-самоучку. Ведь работа — от слова *раб*, а труд есть осмысленное, в чем-то всегда творческое содержание жизни? — Получалось, что так оно и есть.

Игорь, став подрабатывать, как и все его сокурсники, с самого начала университетской жизни, вряд ли оттенил в памяти слова отца, в какой-то семейный праздник под тост сказанные. Именно — не оттенил, то есть не обратил нарочитого внимания. Да и не требовалась ему такая подсказка — осознание содержания вспомогательного к учебе занятия само собой и понималось именно как кем-то и чем-то незнаемым установленное, необходимое по определению «вычеркивание» из своей жизни стольких-то часов в день. А поскольку это привносило усталость, то, значит, такое же «вычеркивание» организменных сил. И далее он развивал мысль: удовольствие эта самая работа (в интернете, с компьютером — как у всех), какого-то удовлетворения не приносит; от денег, конечно, никто не отказывается, но особо они им и не востребованы. Деньги, как самоцель, под иной, нежели у него, да и всех его семейных, характер «деланы». Даже иной чем у Остапа Бендера — для сына турецкоподданного таковые тоже являлись не самоцелью, но всего лишь средством. И нынешняя реклама в телевидении клевещет на Остапа Ибрагимовича, заявляя в ролике, что-де Бендер являлся первым продюсером гениальных проектов, и в наши дни его имя возглавляло бы списки журнала «Форбс»... Нет, деньги для Игоря не самоцель, а по большому счету даже и не средство. Получается, что именно сейчас в самой полной мере сбывается библейское проклятие первочеловеку: работа (а не творческий труд!) есть немотивированное ярмо человеческое. Первые две книги Ветхого Завета он со вниманием прочел еще учась в девятом клас-

се — в доме имелась староизданная библия; как оттиснуто на титульном листе: «В русском переводе. 2-е Синодальное издание». Ее дед Трофим Епифанович, призванный и направленный в курский военный совхоз, обнаружил на чердаке пустого дома, в котором поначалу расквартировали его отделение...

До одиннадцатого класса Игорь пользовался интернетом и «гэджиками» — с язвительного языка Василия Трофимовича — как и все остальные, не задумываясь, не восторгаясь, но и не порицая все более и более новые разработки Силиконовой долины и их китайскую штамповку. Полагал: так надо, но кому надо? — не задумывался. Тот же поплевиэм. Но в выпускном классе, когда его невидимая глазу белая ворона, пролетая по своим орнитологическим делам, слегка задела крылом, и задумчивость пришла: конечно, научно-технический прогресс со времен средневековых мануфактур (а на втором курсе уже с наслаждением читал в первом томе «Капитала» любовное описание Марксом таковых) неотменим и до появления радио, телевидения, вычислительных машин вроде бы никаких возражений и сомнений не вызывал. Бабушка с антресолей с керосиновой лампой из сочинения одесских классиков не в счет.

Но ужасающее ускорение последних лет в оцифровывании человечества, причем глобального, вызвала в голове старшего школьника Игоря Редькина какой-то ступор, что продлился до второго университетского курса. Здесь на него напала — после окончательной размолвки со Светкой, первой юношеской любовью — читательская лихорадка по естественным наукам. Благо он напал в интернете на каталог московского научного издательства, что специализировалось в последние двадцать лет на издании книг западных, преимущественно английских и американских, современных или почти современных, светил этих наук. Самое главное, все эти нобелисты и близкие (по своей относительной молодости) к ним уч-

ные умели замечательно писать для широко образованного читателя ясным, но объективно научным языком. Наши высоколобые только начали осваивать такую манеру изложения. Часть таких книг он нашел в университетской библиотеке, иные, насколько позволяли «стукнешь по карману — не звенит», покупал через книгу-почтой. В Тулуповске все книжные магазины закрылись ввиду полной утраты спроса «на бумагу», а Москву с недавних пор стал полагать совсем другим государством, неуютным даже для дневного пребывания в «городе желтого дьявола».

Результатом такое целенаправленной читательской лихорадки и стало преодоление затянувшегося на годы ступора. Игорь пришел к точным по формулировкам выводам, сам-для-себя рекомендациям. А именно: традиционный человек обречен на перевоплощение в электронную, цифровую копию. А раз так, то в своей жизни, в которой с керосиновой лампой на антресолях не отсидаешься — Василий Трофимович из того времени, когда последние поколения студентов наизусть цитировали страницы книги об Остапе Бендере, изустно в хорошем настроении пересказывал ее своим детям, — то следует усилиями воли сохранять человеческое, творческое мышление, хотя бы оно и есть «архитектурное излишество» для современного бытия; «человек — это звучит гордо!» в то же время, хотя бы и с брезгливостью, по необходимости нести на себе оцифрованное бремя.

...Через благоволящего к нему Николая Андреевича Игорь был представлен своему тезке — по имени — профессору Скородумову и стал его молодым научным коллегой. А главное, на первом году инженерной работы встретил основную в своей жизни, уже непреходящую любовь. Сказке ли конец? — но для его возраста это стало ее началом.

Доцент философии Енукидзе не любил частной собственности. Чужой. Своей же не имел по причине низкой зарплаты и благодушной лени характера, хотя и был родом с предпримчивого Кавказа, точнее — Закавказья. Короче говоря, обрусл уже в третьем поколении, а истинный православный русский человек на эту самую собственность прибор положил... Нынешние идеологии объясняют такое странное свойство пресловутым, принудительным колLECTIVИзмом: замкнутые в глухих лесах роды племен вятичей и древлян, крестьянская община при крепостном праве и после него вплоть до Столыпиных реформ и революций; наконец, силой загнанные в колхозы-совхозы. Но зачем же сдвигать мотив на цель, как говорят философы,— ведь и в Европе была схожая история, но колLECTIVИзмом там не пахло и вовеки на запахнет. Все дело в православии, которое русские приняли, как дети, всей душой, а православное христианство напрочь отвергает частную собственность.

...Иногда снилось доценту Енукидзе, что он юн и с братишкой Гогой работают в сельской кузне: плавят, куют, вытачивают. Любо-дорого

посмотреть на них со стороны! И самим весело, хотя и жара банная от горнового пламени, от раскаленного инструмента и остывающих покровок.

Проснется доцент, потянеться в постели, заулыбается. И тут же заугрюмился: «Вот-вот, так эта зараза и затягивает. Хорошо детям играться в кузнецов. А подрастут, женятся, и бабы алчные стравят их с Гогой на почве дележка прибыли, топоры в руки возьмут. В итоге — один на вечный покой, другой — лес валить в Коми-республику...»

ГАРМОНИЯ НА РАЗНЫХ ОКТАВАХ

*...И тогда я сказала ему глазами чтобы он снова спросил да и тогда он спросил меня не хочу ли я да сказать да мой горный цветок и сначала я обвила его руками да и привлекла к себе так что он почувствовал мои груди их аромат да и сердце у него колотилось безумно и да я сказала да я хочу Да.**

Джеймс Джойс «Улисс». Часть III.
Эпизод 18 (последняя фраза романа)

...Опять же читатель, позволивший себе роскошь прочитать весь цикл настоящих рассказов о нынешней российской молоди, поверчит: да это не отдельные рассказы, а главы некоего повествования! Так и главный персонаж предыдущей новеллы переходит в нижеследующую. Не прав наш дорогой читатель — это просто пересечение литературных героев.

♦ Не беря во внимание кратких и калейдоскопических детских и юношеских, правильнее — девичьих, сновидений, настоящие сюжетные сны начали посещать Олю Ладкову сразу после окончания университета и начала ее трудовой жизни. Вот и в прошедшую ночь (потому ли что начало полнолуния?) ей привиделось сразу три сна без театральных антрактов, без школьных и университетских перемен. И каждый из сюжетов с задаваемой загадкой, дескать, сны даются тебе, Олечка, с утренним запоминанием, поэтому сама и разгадывай!

В первом, явно для зачина (ох, ну и коварно же полнолуние!), явилась ожившая тициановская карти-

* У Джойса в его романе своя, авторская, как сейчас принято говорить, грамматика, которую мы сохраняем в настоящем эпиграфе.— Прим. авт.

на «Динарий кесаря», не раз виденная ею в репродукциях художественных альбомов.* Вообще говоря, киношно-телевизионные и интернетовские фокусы с оживлением фигур на картинах и фотографиях учёные на то люди вполне оправданно относят к мощнейшим средствам разрушения психики. Это Оля прекрасно знала по своему образованию. Во сне она ежилась, чувствуя озноб и мурашки по коже, но в человеке дьяволом заложено и несколько паскудное любопытство, почти тяга к созерцанию всего аномального для него, в общем-то нормальной, психической установки. Вот и она со всеми своими озnobами и мурашками не могла оторваться от оживющей картины Тициана: рука иудейского провокатора от книжников и фарисеев все удлинялась и удлинялась, протягивая Христу монету динария: что, мол, новый вероучитель, загнал я тебя, в угол? — ни направо, ни налево от меня не отвертишься! Оля скорее угадывала, нежели видела, дрожь руки нетерпения провокатора: ну же, ну же, новый спаситель человечества!

А на лице ожившего на картине Христа она наблюдала плавную, хотя и очень скорую смену выражений состояний ума и души. Начальное спокойствие, но именно спокойствие ожидания каверзного вопроса — он же прекрасно знает пронырливость агентуры синедриона? — сменяется при виде руки с динарием на мудрость в глазах, но — опять же спокойную. Ибо Спасителю все ведомо в человеке земном — а он и сам есть земное воплощение Бога! — все прошлое, настоящее и будущее до его далекого еще второго пришествия, хотя бы и первое пока не завершилось. Увы, оно скоро и неминуемо.

Собравшийся вокруг центральных фигур — лишь

* Помнится, что «Динарий кесаря» до тридцатых годов был в экспозиции Эрмитажа, но затем как-то загадочно (госпродажа?) оказался в США. Может через Арманда Хаммера? — Прим. авт.

угадываемый зрителем — народ иудейский застыл в молчании ожидания ответа Христа. Удивительно для Оли: Спаситель и провокатор с динарием на картине ожили, а вот молчащая толпа слушателей осталась в полной статике, нарисованной Тицианом раз и навсегда — для музеев. И вот тихий ответ Христа: «Богу богоvo, а кесарю кесарево». И все. В Олином сне картина мигом обрела свою музейную неподвижность.

...И ушел образ Христа и другой — с дрожащей от нетерпения рукой с динарием, а во втором сюжете во вневременности сновидения четко, отчетливо в покадровой развертке прокрутился советского времени фильм «Курьер» — от сцены развода родителей в суде до финальной ночной дворовой танцплощадки с танцором брейка. Первая и короткая, даже не начавшаяся развиваться юношеская любовь. Первый блин комом, но от него потянутся, уже за кадрами с надписью «Конец фильма», заранее неугадываемые, сплошь из случайностей и совпадений линии любви как содержания жизни. Кальдеронова «Жизнь как сон» — пьеса, читаемая с мурашками опять же. На сцене Оле ее видеть и слышать не довелось. И все объединил мрачнейший из философов Сёрен Аби Кьеркегор, определивший жизнь как сон, а любовь — содержанием этого сна. Думай, Оля, думай, проснувшись, о смысле повторения во сне старинчатого фильма о начале любви — содержания (через сон) жизни.

Завершающий же эпизод сна настолько ее насмешил, что Оля и проснулась с хохотом, понятно, не голосовым, но внутренним. Снился сельский пейзаж: луговое взгорье, а на высокой его точке беленькая с голубенькими куполами с золотыми звездочками небольшая церковь. Но — церковь все же, не уменьшительная на языке церковка. Чуть сбоку ее поповка о двух домах, за которыми крутой спуск к местной речке с бобровой запрудой, а за церковью,

на недалеком от нее расстоянии раскинулось на равнине большое село. Пейзаж как пейзаж. И сама в детстве точно такой же видела, проводя ежегодно один из летних месяцев у деревенской своей бабуси. С дедусей и заматерелым холостяком, братом Олинной матери, со многой живностью на дворе. И сейчас она хоть на пару дней да съездит в это село; все живы, правда, не то чтобы здоровы: бабка, дед и заматерелый холостяк дядя.

Но во сне она поднималась по травянистому взгорью к церкви с бабусей именно девчонкой, начальной школьницей. Над взгорьем, раскидистым селом, окрестными полями и вплоть до дальнего отсюда соснового леса, обступившего гигантской подковой с трех сторон света эту местность, неся, словно не от церкви, но с бездонного синего неба, мерный колокольный звон. А шла Оленька с бабусей с противоположного их селу взгорья по той причине, что с утра ходили в совсем ближнюю, всего в двух километрах, деревеньку проведать захворавшую старшую сестру бабушки, значит, тоже Олину бабушку, только двоюродную. Слава богу и их сельскому фельдшеру, болящая перемоглась. «Еще денек-другой при избе побуду, чайком травяным попользуюсь, а там и огород забот требует», — говорила она на прощанье с сестрой и внучкой, сожалея, что слаба еще сегодня с ними пройтись до села, до церкви в такой-то праздник! А про храмовый праздник в селе еще загодя пожилые люди только и говорили. Бабуся объяснила Оле, что раз в год таковой в их селе и окрестных деревнях случается на день святого, коим поименована их церковь с синими куполами с рассыпанными по ним золотыми звездочками...

«Вот и к обедне поспели, — сказала бабушка на середине взгорья, — слышишь, звон колокольный пореже и погудистее пошел!» Вот и раскрытые празднично церковные врата, в которые входит народ, в

основном пожилые женщины в белых платочках. Некоторые и дедов своих или просто по пятому, по шестому десятку лет мужей с собой привели. Заметила Оля и нескольких девушек и молодых женщин, торопливо набрасывающих на головы платочки на самом входе, не совсем уверенно, видно со своими тайнами, входящих в храм. Обочь входной лестницы, но по разные ее стороны, стояли и нарочито плохо-вато одетые нищий и нищенка — но не из их села. Кто такие нищие, Оля знала еще по городу, но в последние год-два они как-то повывелись.

«Подойди, Олеинка, сначала к женшине убогонькой, подай ей денежку, а потом к дедусе насупротив, с инвалидной рукой подвязанной. Есть с собой монетки в карманчике или дать тебе?» — бабуся потянулась в свою хозяйственную сумку за кошельком. «Есть, бабушка, есть», — звонко ответила Оля и вприпрыжку подбежала к убогонькой нищенке. «Спаси тебя, господи, — напевно заговорила та, — подай сиротинушке на хлебец и молочко». Оля, как уже уверенная по городской жизни покупательница, опустила руку в кармашек своего платьца в веселенький горошек, не нашла там монеток, поэтому вынула карточку, на которую родители переводили деньги «на мороженое», протянула нищенке: «Снимите, бабушка, десять рублей». Убогонькая сиротинушка нагнулась, вынула из стоявшей на земле у ее ног kleenчатой сумки для сбора съестных подаяний, яблочек, булок — что подадут, приемный терминал с хвостиком вайфай-антенны, набрала цифру десять, для сверки показав экран Оле, затем приложила ее карточку, которую вернула подавшей милостыню со словами про спаси-тебя-господи. Перебежав дорожку перед лестницей в церковь, она так же, но уже сама, приложила карточку к загодя заготовленному инвалидным бродяжкой терминалу с набранной цифрой десять. «Спаси тебя, деточка, господи и пошли

тебе, когда подрастешь, хорошего жениха», — поклонился девочке нищий, упрыгивая терминал в свою сумку для подаяний. «Ишь, городские-то, — явно с поощрением промолвила входящая на церковную лестницу совсем высохшая старушка, — сызмальства приучены к цифровым технологиям!»

◆ Оля начала мысленно хохотать в последнюю секунду сна и еще с полминуты превозмогала желание расхохотаться голосом, проснувшись в самом веселом состоянии. Тем более — сегодня и завтра выходные. Не надо торопиться вылезать из-под одеяла, значит можно поразмышлять о сюжетных таких снах — пока не забылись. Что же связывает картину Тициана, старый советский фильм и вовсе перепутавшийся во временах храмовый праздник в дедушкином-бабушкином селе?

Проще понять причину отдельно для каждого сна. Здесь и рассуждать особо нечего. «Динарий кесаря» — на днях листала имевшийся дома — в числе еще нескольких других — альбом, впрочем, сборный, не одного Тициана; отсюда и «Динарий». Альбом же листала просто так, без определенной цели. «Позднее девичество, — тогда она усмехнулась, но справедливоости ради кокетливо уточнила, — вернее, переход от девичества к самой расцветущей молодости!»

Советский фильм — еще проще. Не то что в рассеянии вечером по программе «Культура» поглядела, но мать позвала, увидев титры начала: «Оля! Посмотри «Курьера», тебе понравится, в нем очень характерная изюминка, что сейчас вовсе разучились киношники делать, заложена». А после окончания фильма, что просмотрела вместе с дочерью, не отвлекаясь ни на какие домашние дела, добавила: «Когда он вышел в прокат, то несерьезно его восприняли, даже по части юмора многие отнесли. Что ж, и в более серьезном искусстве нередко будущую гениальность произведения не сразу осознавали.

Здесь классический пример «Шестая симфония» Чайковского. Даже друг Петра Ильича Римский-Корсаков что-то навроде «так, ничего себе» отзвался. А коль скоро после этой, последней симфонии Чайковского уже ничего сравнимого с ней в русской, да и вообще в мировой, музыке не появилось, тем более уже и не случится, то на сравнении «последняя гениальность» великого композитора стала ясна и необсуждаема. Так и вроде бы мимолетный «Курьер» на фоне современного примитивизма, точнее — идиотизма, «фильмотворчества» смотрится киноклассикой. Как и почти все советские фильмы — кроме «датских и иже с ними».

...Неудивительно, что фильм этот с пояснениями «самой умной из женщин», как совершенно искренне Оля называла мать, и вошел в сновидение прошедшей ночи.

И совсем просто с храмовым праздником, где дарующее сновидения подсознание так смело перепутало все времена: новый, «конфетно-букетный» еще, ее знакомый Игорь Редькин, первогодок-инженер из знаменитой в городе и далеко за его пределами «Меткости» имени академика Гусакова, как-то обмолвился, что-де скорее все настолько оцифруется, что и нищие на паперти будут милостыню брать с карточек на личные терминалы... А память для антуражка картины действия дополнительно к терминалам нищих пышно прибавила воспоминания детства с летними пребываниями в селе у дедушки с бабушкой.

Но все же как связать столь разнохарактерные эпизоды воедино? Ведь подсознание дает человеку сон в определенной логике построения — это она сама на экзамене примерно так отвечала. Другое дело, если сон прерывается, но она-то спала не шелохнувшись, приятно устав за суматошно выдавшийся день, ни на секунду не пробуждаясь! Даже обычно шумноватый летом их двор этой ночью был «при-

глушен» моросившим с небольшими перерывами дождиком. Вот-вот. И дождь в помощь: когда как не под капель за окном спится крепко, непросыпно! Значит, окончательно решила она, должна быть единственная логика во взаимосвязи всех трех эпизодов многоажанрового сна.

Суббота, в смысле первый выходной день, более всего замечательна своим утренним началом: никаких будильников и будящих — пока одна *еще* ночь проводишь — и забот, заставляющих по пробуждении тотчас покидать постель. И размышлять, как вот сейчас, к примеру, не торопясь, о такой ерунде — о сновидениях. Вот сама к себе привязалась-то? Дался тебе, Олечка, составной, как пазлы, сон! Все единую логику ищешь — не женское этот вовсе дело, ибо единое начало только в обычной, формальной логике присутствует, которая нашему полу не дана. И пусть мужики над этим не подхихикают свысока — зато именно и только женщинам дана аналоговая, дедуктивная логика, намного богаче в своих возможностях мужской формальнологической, туповатой прямолинейности! — Как замечательно это объяснил публичный философ Бокль, книжками которого зачитывались в начале прошлого века, в числе прочих, все курсистки и гимназистки старших классов.

А вот по дедуктивной-то логике и можно безо всякого «Полусонника» и гадательных книг, что кипами переиздавались в девяностые годы возвращения мистики и метафизики... а вообще-то для наживы первичного накопления капитала, разгадать трехчленность только что просмотренного ею, Олечкой себя очень любящей, сновидения. Итак, тициановскую часть следует понимать, как и сказал Христос, в самом широком толковании и дедуктивными выводами на содержание ее начальной молодой жизни, что опять же есть некий сон с главным содержанием — любовью. То и значит, что обыденной жизни, работе своей, семье, а потом и семье своей, отдавай обыч-

денное, а любви вечной и личной своей — любовное: дедукция от кесарева и богова. А года-то, пока еще малые для долгой жизни, но идут, потому надо себя и поторапливать... как в библии — она поправилась: библию-то она не осилила, но в каком-то романе русской классики ссылку на библейское вычитала и в голове отложила — что-то навроде: никакого плода вожделенного дольше лет его созревания не убережешь, а если усилием своим и убережешь, то и выкинешь в конце концов. Бабуся проще и яснее об этом говорит: главное, девонька моя, не перестоись, а то и сама себе не понадобишься.

Та-а-ак, спасибо сну и его всемирному толкователю Фрейду за актуальное напоминание! Вторая же часть с фильмом в таком ракурсе и вовсе орешек белке на зубок: щелк, ядрышко в пользу организма, а шелуха на землю. Юная трагическая пара в «Курьере» уже прямо, как учитель школьнику, напомнила: Оля! Начальное чувствование ты уже давно прошла в десятом классе и для надежности прорепетировала в студенческие годы. Ты — подготовлена для серьезного шага. Уже и мелкая романтика конфетно-букетных периодов без легкого смешка даже не вспоминается. «Пора, брат, пора»! И что там за морем или горами светлеет... или синеет?

А к чему же смешной эпизод, в котором детские ее годы в деревне с бабусей перемешались во времени с предметами гипертрофированной современности, ха-ха! нищие с личными терминалами платежей с карточки? Думала она, так ни разу с пробуждения и не подняв голову с подушки, думала... а ведь смеято мало в такой аллегории. Когда времена путаются, то это есть шекспировское «порвалась связь времен», а в едином месте детское счастье, церковь, любовь бабуси и мерзейшие гэджики современности — это символ грядущего, нет-нет, уже наступившего, обесчеловечивания жизни. И значит, что скоро пришедшая к ней любовь, нет, любовь, обеща-

ет сбываться как высшее проявление человеческого начала на фоне безликости бытия. Как же страшно? Как ужасно! Разве прежде такое случалось? Ведь это не обычные — или даже необычные! — трудности жизни, но существование, даже в самом высоком градусе любви, в полном разрыве связи с прошлым и в вечном, но обреченном страхе перед будущим. Но я же молода, молода, только от юности отошла, мне ли отчаиваться? Оля посмеялась над посетившим ее страхом перед близким и далеким будущим, сбросила с себя одеяло и стрекозой вскочила с постели. «Ай да Оля, ай да мамина дочь!»

◆ Явившееся ей во сне бабушкино-с-дедушкой село, по их рассказам еще невнимательно слушающей взрослые разговоры девочке Оле, в дореволюционные годы являлось торговым, с двумя ярмарками в году, а бабушкин дедушка имел мельницу на местной речке и арендовал ссыпные — под зерно урожаев — амбары, то есть по деревенским меркам полагался человеком вполне обеспеченным: не миллионщиком, разумеется, даже не тысячником, но — зажиточным. А совместный земельный надел, доставшийся им от отца, полученный при отмене крепостного права царем-освободителем Александром Николаевичем, бабушкин дедушка отдал после разорения общины Столыпиным своему брату. Тот сугубо крестьянствовал, а на праздники рождества, пасхи и царевы («три дня за царя и два за царицу», — как говорили тогда) иногда добро подначивал старшего брата: «Смотри, Матвей, земляной-то рубль тонок да долог, а торговый твой широк да короток!» Но революция их сравняла.

...Это все к тому вспоминала по утрам Оля, что в ее комнате стояло старинное трюмо, правда, всего лишь «под красное дерево», что некогда купил у мебельщика в соседнем уездном городе бабушкин дедушка. И уже Олины дедушка с бабушкой подарили семейную родовую память внучке в день ее шестна-

дцати летия. Олин отец привез трюмо домой, но перед тем, будучи в отпуске в селе, самолично подновил деревянное обрамление полутораметровой высоты зеркала: где подчистил, подкрасил, все полачил. Руки у него из нужного места растут.

Так и в это позднее, субботнее утро, после трехсерийного сна-притчи, Оля, стрекозой вскочив с постели и, разоблачившись от пижамы (тут же подумала: пора, Олечка, отказываться от девичьей этой ночной одежки — замужние в пижамах не спят... хотя бы первые десять лет...), нагишом встала перед трюмо. На утреннюю поверку, как она это называла — все же офицерская дочка! «Что ж я хороша! Жуть!», — сказала и засмеялась, припомнив внешне глуповатую, но, если вдуматься, оч-чень даже со смыслом фразу из телерекламы: «Я очень люблю искусство и говорить о том, что я люблю искусство, тоже очень люблю».

И уже не вслух, но мысленно прочитала свою «утреннюю молитву»: «Все во мне хорошо: мои двадцать два года и универ позади, головка очаровательна и далеко не пуста, а ножки? А вайтлс — хоть сейчас на подиум, притом не вобла сушеная, но ранняя приятная округлость во всем. А грудки-то «аэродром»-классика и за второй номер уже уверенно движутся — гм-м, умеренная ранняя, с семнадцати лет разве ранняя? интимная жизнь не то что не отягощает тело, но именно расцвечивает его! Это как легкая физкультура красит человека, а ранний спорт, он же профессиональный, уродует... Тренировка перед серьезной любовью — оно же замужество, к которому надо тщательно готовиться... не торопиться, но — постоянно в неглупой своей головке держать. Аминь!»

И после «молитвы» еще с десяток минут не то что вертелась, но замедленно вальсировала перед зеркалом, зная, уже с шестнадцатилетнего возраста даже мать не входит к ней, если дверь прикрыта.

Стучать, конечно, не стучат, но окликают, дескать, к завтраку! Отец всех воинской дисциплине и внутреннему распорядку обучил на раз-два... И не просто вальсировала, но прокручивала к голове тему последнего времени, условно обозначенную ею как «гармония на разных октавах». Имея за детскотроческими еще плечами начальную музыкальную школу, впрочем, незаконченную — надоело и все! — понимала, что такой шифр есть чушь, как говорится, совсем из разных опер, но — как обозначила, так и приняла.

Игорь и Ольга, да-а, киевские, они же варяжские, скандинавские имена. Очень даже в гармонии звучат, хотя бы и октавы у нее с новым, очень даже заинтересовавшим ее знакомцем, несколько различны. В душах ли[?] или в доминантах мышления[?] Но сродство или несродство душ выяснится только через некоторое время, даже подлиннее конфетнобукетного периода, даже после — господи! я еще умею розоветь, краснеть! — начального постельного знакомства. Здесь ни от нее, ни от него ничто и не зависит: все природа с ее лунными притяжениями сама решает — быть вместе или не быть. Но вот вроде бы различно мыслят[?] Да[?] Но ведь это все также чушь: с ее стороны — обычный женский молодой выпендреж, с его — еще пока отсутствие, по молодости, самодостаточности мышления, как их на лекциях по психологии просвещали в университете профессора Скородумова — и ей эта фамилия знакома,— с которым он вроде как сдружился на последних курсах учебы. Но ведь и она еще не обабилась, не остервозилась, потому и ей занимательны рассуждения умничающего Игоря. О сущности нынешнего строя, в котором причудливым, но вовсе не исключающим друг друга, образом тесно переплете-

ны советизм, феодализм, то есть церковь, и наибольшее по удельному весу западничество.

...И как в современном глобальном миропорядке мышление и знание уже стопроцентно заменено полностью обезличенной информацией. А мерзкий американский «креативность» как раз и есть суррогат прежнего творческого мышления. Совершенно искренне соглашалась она с новым своим (пока просто) другом, что сейчас в умах господствует гибридный иезуитизм современной роботизации и расчеловечивания: такой адепт с удовольствием — если что-то его заставит — прочтет и даже поймет «Идиота» Достоевского, может внешне вполне здраво судить о чем угодно, но он уже лишен способности творить! Словом, квалифицированный потребитель ранее или сейчас, но другими созданного. «Понимаешь, Оля (О-ля-ля! прогресс — с третьей встречи перешел-таки с Ольги на Олю!), современный человек эпохи глобализации и расчеловечивания даже и не подпадает под одну из противостоящих категорий: плох он или хорош. Просто для него уже не существует морального выбора между добром и злом, ибо таковые качества упразднены в расчеловеченном социуме...». И так дальше. Она же сдержалась в последний миг, чтобы бездумно, чисто по-женски очаровательно и беззлобно не съязвить, что-де для начинающего инженера-ракетчика очень ты, дорогой мой, умен и развит... во все стороны. И еще добавила про себя: «А вот, к сожалению, в мою сторону ты не так стремительно идешь. Хотя бы по характеру своему далеко не робок!»

◆ «А какая у меня восхитительная попка,— хихнула она мысленно,— профессионалки по части ниже пояса такие специально выращивают!». Оля мигом вспомнила картинки в журнальчикеекс-объявлений, что привозили универские ребята, ездившие по мелкой коммерции в столицу, где такие бесплатно раздают, прямо вбрасывая в открытые окна авто, за-

стревающих в бесконечной летней пробке на Варшавке, лихие ребятишки «от редакции» — гостям столицы. «Все ведь для него, будущего суженого-ряженого, сберегаю, чтобы хотя бы первые пять-десять лет на скороспелых профурсеток не скидывался. Мол, дома получше вас во всех отношениях ждет!» Я же тебя, мой грядущий суженый-ряженый, дома всегда встречу с неподдельной, неугасимой любовью и... нестареющим роскошным телом. Оля еще раз почувствовала теплоту зардевшихся щек, опять же вспомнив курсовую, что решила по второму году учебы не абы как скомпилировать из инта, но попробовала, к изумлению всех своих сокурсников, сочинить самостоятельно. Попытка удалась; правда, больше на такие подвиги она не отчаявалась. Зато много для себя полезного и нравоучительного почерпнула, особо отметив «бibleйский интим», а именно словосочетание «*отверзну ложесна*». Эти древнерусские слова куда как целомудреннее... нет, даже торжественно целомудреннее, звучат, нежели нынешний безликий американализм (это уже от недавнего по времени общения с Игорем терминология) «секс» и приблудленное «траханье». «*Отверзну для тебя, мой грядущий милый, свои ложесна страстно телесно и целомудренно душевно в одно и то же время — в тот же миг, в тот же час, а лучше во всю ночь!*» — пелось в ее сердце — откровенно. Откровенность, полагала она, совершенно иное, нежели бесстыдство. Хотя бы по натуре своей, по биологии женщина сама-одна и в своем женском кругу бесстыдна — с точки зрения мужчин, конечно, и еще формально понимаемой этики. Поэтому она как обычное, поведенческое воспринимает типично женские откровения своего круга общения.

Вот та же Танька, одногруппница, выскочившая замуж аж на первом курсе, а по окончанию учебы и не думающая идти работать, благо муженек коммерс средне-малой руки. С неделю назад случайно встретились, зашли поболтать в кафешку. Болтала-то

она всякую чертовщинку — бабенки молодые дуреют от сладострастного безделья. «...Знаешь, Олечка, с мужчинами с самого начала надо приучаться не особо их расслаблять. Наша главная ценность для них — что между ногами, поэтому даже в обыденной, супружеской жизни следует умело этим пользоваться. Вот своего Витальку воспитываю: когда начинает, ссылаясь на трудности в своем бизнесе, ограничивать меня в деньгах «на шпильки», так я ему встречное: хочешь поиметь меня в постели — будь добр пару тысчонок за одноразовое пользование! Ха-ха-ха, Олечка, женщина по натуре своей природной бесплатно на себе порезвиться мужику не даст, будь она профессиональной проституткой, сдержанкой или... законной женой, даже и любящей».

И тоже вроде как давняя, еще со школьной партии, подруга Яна Зиборская, дочь приличных, как сейчас говорят, родителей с доходами, тем не менее патологически жадная — не в смысле «все в дом тащить», но обязательно своего очередного ухажера как следует вытрясти. То есть жадность спортивного свойства скорее. Поэтому в череде своих «бывших» даже с уважением постоянно вспоминает незнакомого Ольгой Диму: «...Был у меня, Олечка, такой воспитанный друг, очень воспитанный и нежадный. Однажды исчез на целый месяц: не звонит сам, и на мои уклончиво как-то отвечает про форс-мажор и прочее. Но прошел этот странный месяц и — является Дима пред мои очи, в руках огромный букет роз и коробочка с французскими духами модной в том сезоне серии от Шанель. Все извиняется, про свой форс-мажор лепечет... и только через пару недель, в постели наутро признался, что на самом деле случилось, что на целый месяц оказался он совершенно без более-менее нормальных денег, «поэтому, Яночка, я бы не смог тебе покупать то, на что ты обратишь внимание». Представляешь каково, Олечка! Жаль, что ему дорогу в моей части перебежал

такой солидный мужик, что... впрочем, у меня с ним долго не продержалось. И после Димочки я уже заранее прощупываю своих новых, рассказывая как бы к случаю про «покупать то, на что я внимание обращаю...». Сразу жмоты и хаявщики на дармовщинку попользоваться в сторону отбегают!»

При этом рассказе Яны Ольге вспомнился фильм Кустурицы «Черная кошка, белый кот» — причем не столько по содержанию, сколько по названию. Хотя бы все эти, именуемые интеллектуальными, картины Феллини, Тарковского, того же Кустурицы, трепета в ней не возбуждали. «Натура моя не нервическая, но и не хладнокровная,— отвечала она на этот счет в «умных» беседах,— что значит, опять-таки, не серединка наполовинку, но характер мой не требует внешнего возбудителя: ни в сердце, ни в голове, ни в гипотетически предполагаемой душе». Умная же мать — и поддакивающий ей в тонких материалах отец — резюмировала просто: «Крестьянка ты, Олечка, по натуре, конкретная и реальная. И если таковое качество в семи поколениях сохраняется хотя бы в абрисе, то значит не совсем пропавший человек. Женщина — тем более».

...За завтраком она будничным — хотя на дворе суббота! — голосом сообщила, что на оба выходные дня уезжает за город, на дачу.

— Так и мы туда собираемся,— с мужской туповатостью вскинулся отец, которого тотчас дополнила умная мать:

— Мы-то на свою, а Ольга на чужую, да?

— Пока, мам, на чужую, а там видно будет.

Больше вопросов не задавали. Переодевшись у себя в дорожную одежду, взглянула на настенные часы: до половины десятого оставались считанные минуты. Присела и скоро дождалась звонка от Игоря, коротко ответила, что уже выходит из дома.

Принято считать, что феминизм и женская эмансипация возникли где-то в начале второй половины XIX века и преимущественно в вольнолюбивых Северо-Американских Соединенных Штатах — САСШ — тогдашнее их самоназвание. А в России первый пик (помните из классики стриженых барышень-курсисток?), наэлектризованный двумя романами — более известным «Накануне» и ныне подзабытым «Подводным камнем», пришелся на последнюю треть того же века; в начале же века двадцатого отечественная э м а н с и п э как-то просто и естественно переросла в обычную половую распущенность... Основные девизы эмансипации: «Нет больше завтра — все сегодня!», «Нет больше мужей!», «Да здравствует только один закон: закон моды!», «Половой акт — как выпить стакан воды!» (Коллонтай) и ряд сопутствующих, но не афишируемых, типа: «Земля — землевладельцам, фабрики — фабрикантам, моря — судовладельцам, но при условии, чтобы они были моими содержателями». Более всего эман-

сипантки не любят трудиться физически; об умственном труде скромно умолчим.

...Но на самом деле эмансипация, то есть бездумное своеволие женщин, берет начало в библейской поре и следует весь период цивилизации и культуры человечества. Самое существенное, что истоки эмансипэ предельно просты: невнимание мужчин к не очень красивым женщинам, к тому же неряхам, бездельницам — даже в постели.

ЛЕКЦИЯ О ПОСТФИЛЛОКСЕРЕ

Если бы Вольтер знал этого нашего земляка, то он должен был бы сознаться, что не ему одному казалось удобнее молиться после обеда, чем пред обедом, но наши натуральные философы, вероятно, никогда не получат известности, постоянно предвосхищаемой у них чужеземцами.

Н. С. Лесков «Захудалый род»

♦ — Здравствуйте, товарищи аспиранты! Мне предо...

— А если здесь господа присутствуют? — перебил профессора весельчак с самого дальнего и верхнего ряда лектория главного корпуса университета, где собрали под сотню аспирантов со всех факультетов, по-новомодному — институтов. Профессор, с наследственным стопроцентным зрением, тотчас узрел в весельчаке одного из троицы, с которой он столкнулся, зашедши по пути на лекцию в «Наливайку» остограммиться коньячком — для бойкости речи, ибо давно уже отошел от чтения лекций, что полагал тратой времени и вообще делом «училок» обоего пола. Тем более, что иконостас его степеней, званий и лауреатств позволял такое барство кабинетного пишущего и размышляющего сидельца.

— Гм-м, любезнейший мой, господ наши деды-прадеды в семнадцатом году преимущественно в деревянные бушлаты поодевали, как шутковали братишки балтийские, перепоясанные пулеметными лентами. Остальные же в Париж успели отбыть. Терешние же господа, что от братков лихих девяностых, ваучерных коллекционеров, продавцов родины на Запад в розницу и оптом, чиновных взяточников,

разного рода беспредельщиков в погонах и прочая, прочая,— нам вовсе не господа, а буржуазно-воровская биомасса, которая уже скоро сама себя сожрет: отслужили свою службу и — пора на покой. Слова же товарищ не рекомендую стесняться, его ничем не вытеснишь. Оно же официальное обращение во всех ведомствах, где народ в тех же погонах. Ну, это к слову и к реплике вашего веселого, явно после «Наливайки», коллеги. А сейчас к делу.

Название лекции вам известно из разосланного по кафедрам отделом аспирантуры распоряжения... или как это там называется? Я что-то не запоминаю канцелярской лексики. Но для начала я вам не анекдотец расскажу, как это делают профессиональные лекторы, но одну историческую справку. Вряд ли вы, исключая, может аспирантов, да и то девушек из отличниц предыдущей учебы в школе и потом в университете, сколь-либо знакомы с русской и, особенно, европейской классикой конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. А в романах тех лет не редкость встретить такие сценки. Сидят вечером у камина в замке Девоншира или Уэльса два джентльмена, беседуют о добротной политике кабинета министров ее величества королевы Виктории, а под неспешную беседу курят сигары и попивают, как то в родовых английских замках вечером у камина принято, коллекционный португальский портвейн. По-португальски название этого государства Оporto, отсюда и портвейн. Кстати и к слову. Вам вот средства, так сказать, массовой информации, а вообще-то дезинформации, забили головы ваши невинные — от истинного знания — дескать, только сейчас винные лавки, навроде монопольной «Красное и белое», забиты всевозможной европейской «киркой» — пей не хочу! — а в советское, мол, время только отечественной фабрикации продукт имелся. Во-первых, этот самый продукт имел высочайшее качество по доступным ценам; во-вторых, все нынешние якобы ев-

ропейские напитки суть подмосковная выделка из молдаванского винного порошка... как классик писал: «Сюда жемчуг привез индеец, поддельны вина европейец». А в-третьих, в шестидесятые-семидесятые годы бартером за нефть, вернее ее избыток, что на Запад гнали, порой страну нашу наводняли поставки самых диковинных, ранее в романах только читанных, подлинных европейских горячительных: то шотландское виски «Клуб'99», а однажды перед Новым годом захожу в свой овощной за картошкой, а там — ящики с французским розовым шампанским «Мадам Помпадур». На дипломной практике в Загорске, ныне Сергиевом Посаде, во всех продмагах объявился датский «Черри-керри» — вишневый ликер, который и в самой Европе-то редкость! Словом, была страна чудес, ребята.

...Однако опять отвлекся. Так вот, сидят джентльмены перед камином, сигарами дымят, портвешок гурмански прихлебывают. «А что, сэр Генри, недурственный ведь портвейн?» — «Да, лорд Уильям, давненько я такого портвейна не пивал. Хороший у вас винный погреб, однако». — «Сэр Генри! Так я специально камердинеру велел принести бутылочку из заветного ящика. Это же *прафиллоксер*!» — «Да-а? Я потрясен, лорд Уильям. То-то мои вкусовые рецепторы подсказывают: никак, достопочтенный хозяин замка велел подать *прафиллоксеру!* Польщен...».

И так далее эти джентльмены беседуют вперемежку о высокой политике кабинета министров ее величества королевы Британии и императрицы Индии Виктории и достоинствах портвешка категории *прафиллоксеры*. А что такое обозначается, этим термином, отдающим одновременно биологией и химией? С кафедры биологии есть желающие?

— Да-да,— зачастала отличница в очках,— приставку «пра» не знаю, а филлоксера — насекомое, разновидность тли.

— Спасибо, уважаемая. Добавлю, что эта тля

специализируется на листьях и корнях виноградных кустов. С античных времен в Европе — от Пиренеев до Крыма и Кавказа — холили и лелеяли виноградную лозу, в итоге выводя уникальные сорта, каждый из которых придавал выделываемому вину неповторимый вкус. Но, как говорится, все зло идет из Америки: сифилис, табак, марихуана, колорадский жук, атомная бомба, голливудские фильмы и так далее. Вот и тля эта в последней трети позапрошлого века оттуда же попала в Европу и за короткий срок начисто истребила все виноградники — от тех же Пиренеев до винной житницы империи Российской: Бессарабии, Крыма и Кавказа. Как ни боролись с ней, например, в России даже правительственные филлоксерные комитеты были созданы, толку не было: все виноградное сортовое изобилие, тысячелетиями создававшееся в Старом Свете, погибло. И только в начале тысяча девятисотых годов с трудом восстановили европейские лозы на подвоях лоз американских, которые, своя свою познаша, могут противостоять филлоксере.

Таким образом, появились сорта винограда, а значит и вина из него, уже генетически чуждые прежним сортам — и вин в том числе. Нечто иное. Мы с вами, коль скоро винных наследственных замковых подвалов не имеем, уже никогда не сможем ощутить своими рецепторами тот исчезнувший вкус и аромат исторического европейского винограда и вина из него. Увы, уже сто со многими годами впридачу лет европеец ест и пьет американизированный виноград и вино из него. И только те самые английские джентльмены, которые у камина и с сигарами, могли, да и то в начале — первой трети прошлого века, побаловать себя коллекционным портвешком, произведенным из дофиллоксерного европейского винограда. Отсюда и название таких редкостных вин — прафиллоксера, то есть выделанные до нашествия

американской тли на европейские виноградники. А к чему я такой странный экскурс в историю сделал — это чтобы понятнее стало содержание моей лекции. Итак.

♦ — Если прафиллоксера есть «до филлоксеры», то позволю себе ввести термин *постфиллоксера* — «после филлоксеры». Улавливаете кардинальное различие? — До и после, а между ними полный разрыв преемственности. Считается, что в человеческой, социумной эволюции такой радикальный разрыв преемственности есть нонсенс. Кстати говоря, поясню причину настоящей лекции и почему руководство университета через исполнителя — отдел аспирантуры сделало таковое предложение именно мне, как говорится, человеку со многими степенями и званиями в науке, но напрочь лишенному всяких, даже самых ничтожных должностей, что в нашу эпоху административного восторга соответствует этакой нуль-валентности. Аспиранты с кафедры химии это мигом себе представляют.

Как мне, не без основания на то, представляется, из минвуза, где чиновников немыслимо много, всем им надо каждодневно отчитываться за высокую стоячную зарплату, спущен по вертикали подчинения очередной — из бесчисленной череды — циркуляр об усилении работы с кузницей кадров высшей квалификации в части более осмысленной ориентации молодых ученых, то есть аспирантов и докторантов вузов, в генеральной проблематике современной науки... уф-ф, что-то в таком смысле, но явно более канцелярским диалектом русского языка. С примесью устоявшихся американлизмов. Ректор, понятно дело, человек архизанятый физическим, так сказать, выживанием университета, в бумагу эту не вчитывался, а прямо адресовал проректору на науке. Тот, как человек старого закала, прочитал, тут же эту белиберду напрочь забыл и переадресовал в отдел аспи-

рантуры. Там же коллектив женский, поэтому, не докапываясь до глубинной сути — многие знания приносят многие скорби! — сходу уловили сущность внешнюю: провести мероприятие и по всей восходящей вертикали отчитаться. А заведующей отделом, милейшей Галине Степановне, тотчас и кандидатура стрелочника определилась, то есть ваш покорный слуга, хорошо ей известный по моим многочисленным поколениям воспитанных аспирантов, ранее бывший председателем сразу двух диссертационных советов, главное — умеющий говорить по сути вопроса, а не научно-бюрократическими штампованными фразами ни о чем. Вот и вся предыстория нашей с вами, полупочтенные, сегодняшней встречи. С другой стороны, и мне, лекций не читающему, иногда полезно с молодыми людьми Федерации российской побеседовать, и вам положенный соответствующим распоряжением урок отбыть.

Собрали вас со всех кафедр; как говаривали царские гимназисты, от чистописания и закона божия до физики Краевича и бинома Ньютона, поэтому и буду говорить о пресловутой «осмысленной ориентации» в современной науке понятийно, стараясь избегать акцентации на конкретные научные отрасли, хотя... как говорил персонаж знаменитого фильма Данелии, наверняка вам знакомого, общество без цветовой дифференциации штанов не имеет будущего. Что-то в этом смысле, тем более говорить о чем-либо в общем, значит не оставлять особого следа в памяти. Но все же постарайтесь хоть суть уловить.

Еще один существенный момент: все мы с вами имеем глубочайшее несчастье присутствовать в исторической человеческой комедии на самой крутизне взлета процесса глобализации. Поэтому, рассуждая о чем угодно, в нашем случае о науке, употреблять слова и понятия навроде некоей национальной идеи, государственной исключительности, словом, делить

на «ваше» и «наше», по меньшей мере излишне. На то она и глобализация, чтобы любой процесс объективно исследовать применительно только ко всему земшару, говоря словами Маяковского, а не разделяя его на всякие европы и америки... тоже вроде он говорил. А всякие там противостояния, «наше дело правое, а ваше наоборот» и так далее, о чем круглосуточно актеры, изображающие «ведущих политологов», на телеэкранах беснуются, это всего лишь сложная, математически — и гениально! — рассчитанная кем надо, что обычно называют тайным мировым правительством, гибридная стратегия и тактика глобализации. Поверьте, это не в обиду никому не будь сказано. Поэтому выделять какую-такую национальную идею, все одно что у братанов-хохлов сейчас гипертрофированная самостийность и независимость. Они даже неизбежные американцы украинизируют: вместо *шоу* и *вау* нарочито выговаривают *шову* и *ував!* Еще у американцев имеется со временем декларации о независимости тринадцати штатов национальная идея, она же сейчас общечеловеческая ценность: доллар.

Ишь вы как, соколята, при заветном слове встрепенулись! Даже приморенные после своих подработочных трудодней и трудоночей за компом из полусна в явь перекинулись. Ладно, ладно, шуткую, за обиду не считите. Ибо раз глобализация есть всеми признанная реальность, то и ее условно-расчетная единица также таковой является. А если со временем на смену доллару что-то и придет, то явно не тугрик или тенге, но виртуальный битковен... или как там он правильно называется — это вы уж намного лучше меня ориентируетесь. Я ко всем таким компам-гэджикам ближе чем на полтора метра не подхожу, ибо с десяток лет тому назад создал биофизическую теорию об оглуплении человека пользованием этих штуковин. И снова возвращаемся к нашим *пра и пост*.

♦ — «Прервалась связь времен» — по Шекспиру. Удачнее не скажешь, поэтому кстати и некстати постоянно повторяют слова этого, одного из двух — второй Ньютон — британских гениев. Вот в литературе Россия дала миру равнозначного Шекспиру гения — Федора Михайловича Достоевского, в науке же, увы, «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» наше отечество не дало. Тем более не даст в «светлом» глобо-будущем. И не дало по той причине, по каковой же во всей истории науки наши умы всегда были предвосхищаемы европейской мыслью, что народ наш в той же истории всемирной слишком молод еще: не было у него европейской античности, в свою очередь вобравшей в себя предыдущие тысячелетия Египта, Иудеи, Финикии, Персии, быть может и не совсем мифологической Атлантиды. И Христову мораль, высшую в цивилизации, Запад на тысячу лет раньше нас воспринял. То есть, вовсе не школьная зубоговорка о трехсотлетнем татаро-монгольском иге, в котором, кстати говоря, Московско-Суздальско-Владимирская Русь являлась вполне автономным государством, есть причина нашей вторичности в отношении Европы, а только наша молодость! Вы же, здесь сидящие, не можете знать больше меня — я не об интернете и прочей цифрофрении говорю,— и при этом не ссылаетесь, например, на опеку родителей, даже не из татаро-монголов, а понимаете: молоды еще, но вот придет время и мы, дескать, вам, Игорь Васильевич, то бишь многостепенной и многозваный профессор Скородумов, еще покажем!

Увы, ребята, всей душой радовался бы за вас, но связь времен, в науке в том числе, уже разорвана, и «пост» уже иного сорта фрукт, нежели уходящее в небытие «пра». Как современная мадера массандровская — впрочем, в ее качестве я сомневаюсь — нечто совершенно иное по сравнению с прафиллоксерой

мадерой тех же крымских виноградников Воронцова. Тем более — с острова Мадейры. Что с корабликом на этикетке, прафиллоксеру которой Григорий Распутин распивал в последний день своей бурной жизни у князя Феликса Юсупова — прямого потомка брата пророка Магомета...

Законный вопрос: зачем социальной эволюции человечества, доселе десять тысяч лет протекавшей размежено, без разрыва «связи времен», именно сейчас, в наступившую эпоху глобализации, потребовалось свершить такой радикальный разрыв? Ответ без лицемерия, всякой там толерантности и политкорректности прост: индивидуальный человек выполнил свою задачу, создав технический информационный мир, которому его создатель в биологической форме *homo sapiens*, именно как мыслящая индивидность! уже без надобности. Главное, что этот самый хомо к сегодняшнему дню силой своего знания уже все открыл и обосновал в мире законов и объектов, их соединяющих процессов — все что ему, так сказать, доверено знать эволюцией. Да вы и сами это прекрасно видите: ненадобность в человеке, в массовости интеллектов, уже налицо. И телевещник о том же твердит, дескать, уже завтра все будут делать роботы... при этом лицемерно опуская естественный вопрос: а что же остается делать человеку? и нужен ли он вообще?

— А кто же будет этими роботами управлять, создавать все более совершенные их варианты? — воспользовалась паузой профессора давешняя отличница в очках, с кафедры биологии.

— Управлять же процессом, но уже не научно-техническим для людей, а виртуально-информационным — пока никто не может ответить для кого, — будет виртуальный же коллективный разум. Звучит красиво и вроде как оптимистично, но на самом деле — зловеще. Опять немного из истории. Сейчас в

фаворе коллекционировать доллары и евро, на худой конец рубли. Я же человек советского закала, поэтому собираю различные занимательные книги старых изданий. Поэтому издавна постоянный клиент нашего букинистического магазина, что рядом с областным драмтеатром, а когда-то, в давние времена, в самом начале проспекта располагался, где сейчас площадь перед кремлем и зданием администрации. Как-то роясь на его полках, нашел очень редкое издание, о котором ранее встретил упоминание у одного из наших классиков, а именно изданный в Одессе в середине девятнадцатого века «Новороссийский литературный сборник». В два вечера прочитал его и особо отметил слова составителя и редактора сборника некоего Георгиевского, смысл которых в следующем: любая коллективизация, централизация умственной деятельности суть ненормальное, вредное явление, ибо таковое парализует разумную жизнедеятельность всех остальных частей общества... Это я на современном языке передаю. А завершает это умозаключение Георгиевский словами: «Стягивает все силы к одному пункту».

То есть такое определение доминанты коллективного разума, данное полтораста с лишним лет назад, действительно в уныние повергает. Так понимаю, что из фантастики в школьные годы вы одну американщину читали, минуя великолепных советских мастеров этого жанра, того же Алексея Толстого, Беляева, Ефремова, Еремея Парнова... я прав? А вот у второго из моих названных описан как раз символ будущего коллективного разума — централизации умственной деятельности. Имею в виду голову профессора Доуэля. То есть взятая отдельно мыслящая голова системой электродов подключена...

— Так ее специально отрубили что ли? Где-то читал похожее у Саймака,— хамовато перебил профессора все тот же весельчак с верхнего ряда амфитеатра, что требовал реабилитации господ.

— Юноша, знаний алчущий! Сожалею, но нет времени пересказывать эту знаковую фантастическую повесть. Уж не поленитесь на досуге сами прочитать. Итак, мыслящая голова профессора Доуэля подключена к технической системе, которой он и управляет централизованно. Полнейшая аналогия с нашей современностью, в которой человек, то есть его голова, является составной частью всемирной телекоммуникационной сети, того же интернета. Следующий шаг, к которому мы уже близки,— уже запрограммированная работа сети вовсе без невостребованного ею человека. Это и есть глобальный виртуальный колективный разум.

У нас еще целый академический час с четвертью в запасе, в течение которых я и разовью тему лекции в конкретизации науки и технологий современных и в ближней перспективе, что, собственно, и есть тема лекции.

♦ После лекции Жора, Гена и Стас вернулись в «Наливайку», благо до нее идти от главного корпуса три-четыре минуты, выходя из которой перед лекцией они и столкнулись с профессором Скородумовым. Причина «продолжения банкета» — старшему из троицы Стасу сегодня стукнуло четверть века; Жора с Геной на год с месяцами (разными) моложе, а супружество их еще со школьных лет: двое последних и живут в одном квартале и учились в параллельных классах. Со Стасом они познакомились в студенческие годы, подрабатывая по компьютерной части в одной конторке, специализировавшейся на разработке сайтов по заказу мелких фирм, торговых компаний и вообще «за ваши деньги любой каприз». Задно неопасно хакерствовали — тоже по заказам, но избегали криминала. Хотя... в нынешней жизни мелкого частнособственничества сложно хоть в чем-то, но не преступить черту этого самого криминала. Учились все трое на различных факультетах, кафед-

ры нынешнего аспирантства тоже в разных корпусах. К тому же сейчас и работали все разно. Чтобы не терять содружества, пару-тройку раз в году устраивали мальчишники. А сегодня и сам бог велел: первый малый юбилей в их троице — «четвертной» Стасу — и встреча на лекции, за обязательное посещение которой каждый расписался в распоряжениях по своим кафедрам.

За их двухчасовое отсутствие в славном заведении «Наливай-ка!» мало что изменилось: усатый парень за барной стойкой, он же «наливайщик», его молоденькая помощница, она и официантка. Из пяти столиков два свободные. Если перед лекцией они наспех хватили по сотке у стойки, то сейчас поосновательнее расположились за одним из свободных, заказали подскочившей Маше, смахивающей на старшеклассницу, бутылек вполне съедобной водки розлива в Ленобласти, на закуску горячего и селедочки с зеленым горошком. Осмотрелись: за одним из столиков явно молодые преподы что-то отмечали, за двумя другими — сборная солянка, тоже из молодежи. А на высоком стульчике у бара сидела все та же скучная, некрасивая и прыщавая студентка; как и пару часов назад, перед ней стояли почти нетронутая тарелка с нарезанной вареной картошкой, посыпанной лучком, и стакан с самым дешевым соком.

— Смотри,— хихикнул Жорка,— все женихов ждет!

— Да-а,— жалеючи посмотрел на девицу Генка, учившийся в детской музыкальной школе,— прямо Сольвейг, «весна пролетела и лето прошло». Жалею девок некрасивых. Ну, разливай за здоровье нашего юбиляра!

Выпили, с чувством закусили отменной малосольной селедочкой. Генка подтолкнул Жорку локтем:

— Эк тебя профессор лихо осадил и по части

господ и про отрезанную голову его коллеги профессора Доуэля!

— Хм-м, сироту всякий обидеть может, тем более — он профессор многократно заслуженный, я же бесправный аспирант...

— Такого казанского сироту,— съязвил Генка,— с вольно болтающимся языком черту знакомому подарить, а незнакомый в обрат в мешке принесет! Так моя бабуся отцу говорит, когда тот с корпоратива своей лавочки на бровях домой приходит. И чего это нас принудили на лекцию? Два часа времени только потеряли.

— Не скажи, мой юный друг,— вступил Стас,— ты вот начал говорить, прямо-таки по Даю, живым великорусским слоганом. Правильно профессор про бизнес и проблему, как самые шелудивые американцы, сказал. Действительно ведь, бизнес — это только зарабатывание бабок каким угодно способом. И полный идиотизм, как сказал Скородумов, говорить про «течение проблем». А суть его лекции — вполне аргументированное разъяснение: в глобальном постсоциуме наука, в прежнем ее толковании, подменяется утилитарными технологиями, к тому же сто процентно оцифрованными. Так что мы, братья мои, хоть на год, но меньшие, уже не наукой будем увлеченно заниматься, как наш уважаемый профессор, но, в лучшем случае, станем несколько ущербными головами профессора Доуэля при компах... даже не головами, а пальцами рук при клавиатурах. Впрочем, лет через пяток, может и пораньше, когда американцы с джапанцами поставят на поток в Китае систему интерактивного голосового общения с компаниями, руки тоже не понадобятся — только язык. И еще через пять лет — считывание с сетчатки глаза. Впрочем, как наш профи предрекает, человек и вовсе выпадет из этих самых цифровых технологий. Давай по второй за несчастливое будущее, но уже скорое, человечества! Понятно, и за нас с вами. Бум здравы!

Принялись, нагуляв аппетит недурственной водочкой из Ленобласти, пропущенной, как радостно сообщалось на этикетке, через серебряный фильтр, за горячее.

Беседа с обсуждением лекции профессора Скородумова с акцентированными выкриками Жорки «пора из рашки этой в Европу, а лучше в Штаты валить!» — Генки «защищусь для проформы и к дядьке, управляющему в супермаркете «Амстердам!, работать пойду компьютерщиком!» и урезонивающим голосом Стаса «все там будем!» затянулась. Опустевшую бутылку ленобластной дополняли разливанной в стаканах, приносимых шустрой Машей. До песняка дело не дошло, содержание лекции одобрили, но остались при своих — у каждого — мнениях. *Gaudemus igitur*, словом.

Раньше народ увлекался спиритическими сеансами. Как это ни странно, но с развитием научного мировоззрения страсть к мистическим играм не ослабевает. Только в наше время это называется экстрасенсорикой, парapsихологией, биоэнергетикой, уфологией и пр. Человек мазохистски любит время от времени быть одураченным. Так стоит ли создавать высокоучченые комитеты по борьбе с лжен наукой? Зачем лишать людей удовольствия?

КАТЕНЬКА МИСЮРИНА

— Антисфон, ученик Горгия,— начал Стивен,— отнял пальму первенства в красоте у племенной матери Кюриоса Менелая, аргивянки Елены, у этой троянской кобылы, в которой квартировал целый полк героев,— и передал ее скромной Пенелопе.

Джеймс Джойс «Улисс».
Часть II. Эпизод 9

♦ Николай Андреянович, матерый доцент кафедры ракетостроения Тулуповского университета, а до пенсионного возраста трудившийся в знаменитом конструкторском бюро «Меткость» академика Гусакова, имел хорошую память на лица, даже женские, что в последние десять-пятнадцать лет, при изобилии подешевевшей косметики и устойчивой моде на распущеные, беспричесочные волосы, стали инкубаторскими — от старших школьниц до «заслуженного отдыха». Скорее всего профессиональное, когда на полигонных испытаниях глаза его, десятилетиями «пристрелямшись», на полном автомате едва ли не точнее аппаратуры, которой забит целиковый КУНГ*, фиксируют в ближней зоне пуска ракеты весь ее «эквилибр» от расчетных параметров. Он даже не то что не присматривается к встречным-поперечным на улице, но просто в зрительной коре его мозга сигнал с сетчатки глаз, минуя сознательную, оперативную (это как в компьютерах) память, занимает в подсознании положенные ему нейроны и синапсы.— Так

* Так в армии для краткости называют грузовой автомобиль с закрытым высоким кузовом КУНГ — кузов универсальный герметический.— Прим. авт.

друг с биофака профессор Скородумов по-умному объяснял специфику его зрительной памяти.

Вот взять сегодняшний день, размышлял Николай Андреянович, расположившись после ужина на покойном диванчике, в полудреме временами поглядывая на экран телевизора, что с увлечением смотрела супруга, но поглядывая отстраненно, не вникая, идет он после занятий домой — всего-то пути проспект перейти и свой небольшой квартал по диагонали — и боковым зрением отмечает: в соседнем с ним дворе остановилась машина. Машина как машина; сейчас только голоштанные доценты и профессора их не имеют. А из нее выходит с рулевой стороны солидноватый (но не то чтобы уж солидный!) мужик, где-то между сорока и полтинником, а с другой — молодая женщина лет двадцати пяти, может чуть поболее. И привычно, без разговоров идут к дому, в подъезд. Поскольку машину поставили на торцевой заасфальтированной площадке между домами, которую к ночи плотно забивают авто, значит, здесь она и будет стоять до утра, а там кто знает?

Отметило его зрение парочку из автомобиля, передало цепочку сигналов куда следует в мозг, а Николай Андреянович в это время уже с интересом, главное осознанно, смотрит на двух *ихнего* двора котов Тайсона и Рыжего, что в виду проходящей мимо полосатой кошки решили проимитировать супротивные друг другу воинские действия. Очень уважал солидный доцент котовское сословие. И лишь сейчас, мимолетно взглянув на экран, он вспомнил встреченную парочку у недального дома их квартала. А почему вспомнил? — Потому что в душепитаельном сериале на телеканале «Домашний» он узрел почти сходное: также из автомобиля вышла несколько мезальянсная по возрасту парочка и проследовала молча, привычно к подъездной двери.

Вспомнил в следующей последовательности. Во-

первых, в одежде, вроде бы и обыденной, чуть выше среднего класса, в походке встреченной молодой женщины, даже в ее коротком, молчаливом пути со спутником от припаркованной машины до недалекого подъезда, что-то показалось ему не совсем... не то что необычным, но, как бы это поточнее, по-инженерному определить? — отличающимся от принятого для ее возраста, местожительства, наконец, фасона одежды, стандарта с элементами некоей специфиности. Во-вторых же, он просто вспомнил ее! — Скорее по походке и фигуре, нежели по лицу, что имеет свойство — у женщин особенно — меняться даже в недолгие годы. А первый раз Николай Андреянович увидел, нет, отметил в зрительной памяти, ее лет десять назад, еще совсем юной. И отметил по услышанному ее с подругой разговору, а присмотревшись тогда к ней, вспомнил знакомое лицо: девчонка из их квартала. Такое вот сложное воспоминание в квадрате, нет, даже в кубе, завлекло Николая Андреяновича на покойном вечернем, послеужинном диванчике.

Увидел же он ее, отметив в памяти осознанной, оперативной, с десяток лет назад на трамвайной остановке, что на углу их квартала, через улицу. Тогда Николай Андреянович еще трудился в «Меткости» и в июле месяце ушел в отпуск, на третий день которого собрался съездить на книжный развал около центрального рынка. Вот и ожидал трамвай, который явно не торопился. «Опять, наверное, какая-нибудь курва с купленными правами на рельсах застряла! Вот теперь на час и трамваи станут», — кивнув Николаю Андреяновичу, проворчал шапочно знакомый мужичонка ростом «метр с кепкой» из соседнего дома, тоже куда-то намылившийся прокатиться. Рассевяенно поздоровавшись, Николай Андреянович, избегая ненужного ему глупого разговора, перешел на другую сторону рельсового пути, вроде как интересуясь чем-то в витрине ларька-сникерской при оста-

новке трамвая. А в полутора метрах, на другом углу ларька беседовали две девчонки — то ли старшие школьницы, а может и только что окончившие школу, либо первокурсницы. Вернее, одна, росточком поменьше, с интересом слушала. Другая, повыше и посторинее, начавшая оформляться фигурой под выход из юности в раннюю молодость, в пестреньком платьице с поясом, увлеченно что-то рассказывала. Поначалу Николай Андреянович все это воспринимал для себя словесным фоном, дополняющим ворчание того же plugавого мужичонки, шуршание шин пробегающих по параллельной рельсам дороге машин, или их тарактящего стукотенья, если в сплошном встречном потоке иномарок вдруг встречался «жигуль», «волга» или «москвич» — наследие предыдущего государственного устройства. Но здесь на светофоре автопоток притормозил, а мужичонка по ту сторону рельс закурил цигарку, приостановив клясть как нынешнюю, так и все предыдущие власти. В установившейся относительной тишине до Николая Андреяновича уже четко доносились слова монолога девицы, что повыше ростом и звалась Катенькой. Девицы не видели доцента, стоявшего за углом у витрины ларька.

♦ — Как мы в прошлом году, Леночка, школу с тобой закончили, — при этих словах говорившая неизвестно указала рукой на здание школы в сотне метров от трамвайной остановки, в которой учились, в числе других окрестных, все ребята их квартала, — так я по ранней осени с ним и познакомилась. Случайно. В парке в воскресенье на скамейке у фонтана мороженое ела, а он так вежливо подсел, поговорил, потом погуляли по парку, на уток в пруду посмотрели, договорились созвониться через пару дней — он работает, а в среду с полудня свободен. Быстро сдружились, встречаться начали — у его школьного еще приятеля своя однушка, а сам вахтовым поряд-

ком в Москве на стройке работает. Приятель этот вскоре и моего Сашу туда сманил, так что всю эту зиму и начало мая встречались разок в неделю-две. Но потом ему друзья работу здесь нашли, на оптовом складе, и сейчас там же, на приятелевой квартире, встречаемся. Не жадный, иногда подарочки делает: духи типа польских, бижутерия чешская, так что по мелочам. Вот вчера вечером гуляли по проспекту, зашли в магазинчик «Связной» посмотреть новинки. Очень мне понравился один мобильник: цвет шоколадный, обратная сторона корпуса так изящно изогнута, полифония... словом, чувствую — все по мне, мое все! Он сначала как-то не обратил внимания, но потом увидел мое восхищение, решил купить. Жалко, что у него с собой только полторы тысячи было, а мобильник две с сотенкой стоит. Ладно, в следующий раз мимо проходить будем...

— Катенька, так у вас серьезно?

— Вряд ли. Парень он неплохой, пьянством не увлекается, но... перспективы у него особой нет: живет с родителями и сестрой моложе его, еще школьницей, родичи работяги, сам он тоже без образования, на подхвате в своей оптовке. Саша в себе уверенный, настойчив, вполне возможно и состоится. Но сколько этого ждать! Так, погулять пока молодая. Опять же не школьница уже, надо постоянного партнера иметь. Сама знаешь, как на девушку, не дурнушку собой, без своего парня со стороны смотрят? Похоже и он сам понимает: дружим для взаимной приятности, как говорится, без обязательств. Ну и замечательно. В таких отношениях главное особо парня не баловать. Встречаемся-то каждый вечер, а на приятелеву квартиру, мол, чтобы мать не орала, заходим пару раз в неделю, но к одиннадцати часам он меня домой провожает. С ночевкой же не более двух раз в месяц. Еще,— здесь рассказчица понизила голос, но заинтересовавшийся клубничкой мате-

рый доцент напряг слух,— и в постели не все позволяю. Мужчины ведь на дармовщину норовят без презида, а мне зачем противозачаткой организм травить? Опять же знаешь, что сейчас о СПИД'е по телеку говорят, в нашей «Толоке» и «Молодом ленинце» пишут. А он парень почти видный из себя, девки же сейчас словно с голодухи, так и зыркают глазенками — под кого бы лечь? И излишеств всяких — ведь насмотрятся порнухи! — ни-ни, даже чтобы не заикался. Поберегу для более серьезных отношений.

— Это как?

— А вот заведешь себе парня, так сама начнешь соображать.

— А когда на эту... приятелеву квартиру не заходите, то просто гуляете?

— Зачем же просто. Он кормит меня обязательство — в кафешке недорогой, в парковой шашлычной. В кино иногда ходим, когда идут новые американские фильмы. На позапрошлой неделе Киркоров на стадионе выступал — сюрприз сделал, сводил. Боясь порой, как бы не влюбился, тогда придется...

Но здесь интересную беседу заглушил грохот подкатывающего трамвая нужного Николаю Андреевичу направления движения, и материальный доцент заторопился перебегать рельсовый путь.

Спустя пару лет опять же в разгар лета, когда Николай Андреевич собирался в грядущее первое сентября продолжить трудовой путь уже в университете, опять «встретился» с Катенькой, уже повзрослевшей лет так до двадцати. К вечеру этого дня он малость повздорил с супругой — как раз по причине уже решенного перехода из «Меткости» в университет. Собственно, как всякую здравомыслящую женщину, в таковой перемене трудоустройства мужа ее беспокоила исключительно материальная сторона. В «Меткости» как раз наметились перемены к лучше-

му после уныния девяностых и нулевых годов — в рамках директивного оживления военно-промышленного комплекса. Это «светило» отразилось и на зарплате. Тем более, хотя Николай Андреевич никогда не стремился начальствовать, но, как конструктор-ракетчик с большим опытом и знаниями, даже «оформивший» себе кандидатскую ученую степень, мог претендовать на солидную прибавку к окладу, что в сумме превышало скромную зарплату доцента. Понятно отсюда неудовольствие жены. Николай Андреевич лениво отбивался, стараясь свести скандалчик к шутливой интонации... впрочем, забыв слова Козьмы Прutкова, что-де не шутите с женщиной, ибо шутки эти зело неприличны. «Все равно ведь, не имея генеральского чина, всех денег не заработкаешь,— склонялся будущий доцент к фольклору,— как раньше в деревнях говорили: на трудовые гроши годовой псалтыри не закажешь!»

А на дворе стояло жаркое, душное лето того достопамятного, на чертову дюжину заканчивающегося, года. К радости сторонников и пропагандистов очередной выдумки мирового империализма и транснациональных компаний всех профилей — якобы глобального потепления. ...И к огорчению слабоумущих обитателей их квартала, хотя бы в престижном месте города расположенному, но пятиэтажному, построенного в хрущевский квартирносозидательный бум, заселенного трудящимися от станка, инженерного кульмана, школьной аспидной доски и других богоугодных профессий. Нынешние жильцы, преимущественно в первом и втором потомстве, тоже особенно не стремились влияться в мелкобуржуазную биомассу, поэтому кондиционеров не заводили, а от безветренной духоты аномального лета спасались по старинке: женщины устремлялись на «шесть соток» или прогуливались своими болтливыми компаниями по близкому к кварталу тенистому центральному парку,

а мужики, разоблачившись до семейных сатиновых трусов, весь световой день лежали на диванах, с наслаждением смотрели по телевизору ментовскую классику девяностых с Толиком Дукалисом. Перед обедом принимали по паре стопок водки (в ней сорок градусов, в атмосфере почти столько же, значит уравновесят друг друга...), а затем в горячечном дневном сне забывались до вечера. Проснувшись, до темноты освежались чаем с лимоном, курили, сидя на балконах и по-соседски, чуть повысив голоса, обсуждали виды на урожай и футбольные новости. Дождавшись остужающего полуночного часа, оставив настежь открытыми балконные двери и форточки, просмотрев последние на этот день теленовости с оптимистическим прогнозом насчет спадения жары «еще немного, еще чуть-чуть», отходили ко сну по-шахтерски уставшими.

◆ Каково же чувствовалось североморцу Николаю Андреяновичу, родившемуся и выросшему, как те песенные «ребята семидесятой широты», на самом выходе из Кольского залива в Баренцево море, хотя и не замерзающее, но точно названного поморами Студеным? И хотя давным давно он живет в среднерусском Тулуповске, но, как объяснил ему друг, профессор-биофизик Скородумов, организм его настроен на тот климат, в котором он провел детство, отрочество и начало юности. Потому-то лениво отбояривался от меркантильных доводов супруги из-за упадка физических и умственных сил, а напившись от пуга вечернего чая любимой северной, то есть крепкой, заварки, и вовсе никак не мог призвать к себе отдохновляющий сон. Нет, конечно, в полной темноте и тишине, поворочавшись и пообломав бока, он бы впал во вполне нормальный, до утра покой. Но как раз тишиной до двенадцати, до нуля, говоря по-флотски, до часу пополуночи двор их дома не отличался. Ибо дом этот, а значит и его двор, имел

несчастье расположиться ближайшим — черед дорогу и трамвайную линию — к входу-выходу центрального городского парка и бывшему Дому культуры профсоюзов, в описываемое время воспоминаний Николая Андреяновича еще не снесенным главным торговым армянином* Тофиком Бобяном под строительства аквапарка и сорокаэтажного делового центра. После того, как Дом профсоюзной культуры стал основным в городе молодежным развлекательным учреждением, естественно, в девяностые годы получившим вывеску с американским названием латиницей, то к летней полуночи все старшие школьники, студенты, рабочая молодежь, как говорили в советское время, то есть нынешние манагеры и офиисные креветки, недогулявшие в парке и американизированном *Albany*, понятное дело, устремлялись в ближайший двор Николая Андреяновича. И до часу ночи уснуть в квартирах, как у него, выходящих окнами и балконом на двор, могли только глухие или мертвещики пьяные. Война жильцов с клубом под открытым небом велась уже два десятилетия, с начала лихих девяностых — раскрепощения нравов и круглосуточных магазинов. Ни регулярные вызовы милиционских, тогда еще не полицейских, нарядов, ни постепенное — официальных по коллективным заявкам жильцов, а то и просто явочным порядком — снесение всех подъездных лавочек, детских площадок и всяких там качелей-каруселей, ни женские вопли и мат мужиков с балконов — ничто разгулявшуюся

* Без обиды для армян, да они и не обидятся. В каждом областном среднерусском городе всегда наличествуют два главных армянина: один по торговой (в широком смысле) части, другой по культурно-воспитательной в армянской диаспоре. Вот мой тест (жена полуармянка-полурусская), профессор философии и писатель-публицист, свыше полувека был главным армянином в Рязани по части культуры и воспитания... к сожалению, не по торговой.— Прим. авт.

молодежь не останавливало. Правда, в последние годы власть начала устрожаться по части общей дисциплины и благонравия порядка, потому и молодежь во дворе несколько сбавила децибелы. Но все одно в ту ночь Николай Андреянович только заполночь после курантов поймал за хвостик некрепкий сон. И столь некрепкий, что уже через пару часов, в самую глубь и тишину ночи, его разбудил всего лишь негромкий женский разговор во дворе — там все же от снесенного детского городка сохранилась деревянная приступка, на которой могли притулиться двое-трое. Если не особо задастые.

Чертыхнувшись, включил бра над кроватью, посмотрел — точно, три часа. Выключил, присмотрелся в раскрытую балконную дверь: начало июля, поэтому небосклон, насколько его не заслонял соседний дом, уже отливал свинцоватой синевой. В полнейшей тишине даже негромкие голоса вливались в квартиру, а слова четко различались. Тем более, что загулявшие девицы явно утомились, потому не стрекотали в оба голоса единовременно, но говорили поодиночке и размеренно, не увлекаясь. То, что их беседа слышна в «час волка», как минимум, в половине квартир обоих домов двора с растворенными форточками и балконными дверями, да наверное и до соседнего двора долетают, им и в голову не приходит. Совершенно проснувшись, Николай Андреянович, полагая глупым лежать в темноте бодрствующим чурбаном, поднялся, вышел на балкон, присел на невысокую табуреточку, закурил. А здесь и вовсе, что с ночных беседницами в одной комнате находится! — по слышимости, но в полной невидимости. Поначалу, не вслушиваясь в разговор, он по тембру пробовал составить «портрет» полуночниц. Явно подгулявших всласть, но не до пьяну, как в их среде на всяких девицниках принято. Но в приятной ночной — по сравнению с дневной духотой — прохладе с предут-

ренним ветерком хмель выходил из их голов, оставляя разговорчивость, что называется, по душам. Как представил себе Николай Андреянович, парочка разновозрастная: одна, отвечавшая односложно, явно внимательно слушающая, совсем молодая, лет двадцати «плюс-минус»; но по глуховатому контральто, уверенности в построении фраз, каким-то другим признакам и содержании речи второй, держащей в своих руках беседу, он сразу дал лет тридцать, скорее даже тридцать три — тридцать пять, но не более — голос и речь еще не обабившейся молодой, но уже матереющей женщины, прошедшей огонь, воды и медные трубы. А поневоле вслушиваясь в разговор и вовсе восхитился: матерая понятными словами, но не сбиваясь на откровенную, конкретную грубоватость, передавала своей *tête-a-tête* весь немалый опыт общения с мужчинами — от способов завлечения в сети любовных отношений до описания строгой последовательности в закреплении этих отношений и долговременного удержания мужика в таковых сетях, чтобы он не начал засматриваться на других. С особой тщательностью она описывала постельные позы и способы, в том числе «незалетные», опять же в строгой последовательности разрешения их партнеру по мере его привязки и опутывания сетями, дескать, «одна моя знакомая с мужем так постоянно делают», или «как-то у подружки ее парень порнуху нам показывал; мы с ней, конечно, расплевались, но... знаешь, интересно там». «Главное, Катенька, мужику от тебя одно удовольствие должно идти, а от него тоже самое в обрат, но в добавок обеспечение. Как простецкие девки с косолученской заводской окраины говорят, любви и денег тебе во все дырки! Грубо, конечно, но верно».

Услышав про имя молодой собеседницы, Николай Андреянович даже прихлопнул ладонью по лбу: вот почему ее голос, хотя бы она и редко вставляла

слово-другое в ликбезную лекцию старшей своей подруги или просто знакомой, показался ему вроде бы уже где-то слышанным? А он имел достаточно выраженную особенность: вовсе не противненький такой, окающий по-нижегородски и как будто горячая картофелина во рту катается, по-американски, которому они все в миг обучились непонятно почему и как. Может от смотрения бредятины «Дом-2» по телевидению? И еще изюминка таки приятная: легкое, почти неуловимое грависирование на глухих согласных, что украшает молодую женщину, как, например, совсем небольшое косоглазие — с точки зрения мужчин, конечно.

Память слуховая Николая Андреяновича, как и зрительная, редко подводила. А не та ли это Катенька в пестреньком платьице с пояском, чей разговор с подружкой Леной он невзначай подслушал пару лет назад на трамвайной остановке? Гм-м, но в жизни так часты и совпадения. Если же она и есть, то значит сейчас уже с достаточным опытом общения с другим полом? Но ведь, как гласит житейская мудрость, учиться надо всю жизнь. Теперь ему стали понятны и короткие, уточняющие вопросы младшейочной собеседницы: умная девушка Катенька вызывала расслабившуюся на девишике старшую подругу, нет, скорее просто знакомую, на откровенность «по заданной теме», чтобы почертнуть прибавку к собственному опыту, а заодно проверить: правильным ли путем она идет?

Неужели простое совпадение? — Мало ли грависирующих на глухих согласных, говорящих достаточно чистым русским языком девушек... они же молоденькие женщины.

Сомневающие размышления бессонного грядущего доцента прервал со стороны торца дома резкий взвизг шин на лихом развороте, и к первому подъезду (Николай Андреянович во втором) подкатила

машина Петьки, соседа-бомбили. В свете фар, еще на развороте осветивших сидящих на деревянном приступке собеседниц, Николай Андреянович тотчас узнал в младшей из них давешнюю Катеньку с трамвайной остановки. Даже идущий к ней фасон платья с пояском тот же.

...Поздним утром следующего дня Николай Андреянович вышел из дома с намерением отдать прощальный визит ностальгически родной «Меткости», то есть забрать в отделе кадров трудовую книжку и получить в кассе расчетные деньги. Получать их всегда хорошо, но отдавать не очень. А пришлось, проходя соседним двором, выдать мелочь тамошнему мирному алкашу Володьке, живущему на пенсию матери.— «Выручи, Андреяныч, на пивко не хватает, трубы горят» и так далее. Получив требуемое, Володька разговорился, что-де сегодняшней ночью «из твоего, Андреяныч, двора аж до нашего дома разносился разговор молодых бабенок: как мужиков охмурять и к себе захороваживать, как перед ними задом вертеть и прочее. Не слышал? Интересно, разэтакие, говорили». «Нет, спал»,— ответил Николай Андреянович, шутливо откозырял и свернул в сторону проспекта к остановке. Ехать долго, с пересадкой с троллейбуса на трамвай. На утреннем служебном автобусе, которыми из всех районной города доставляют тружеников «Меткости» в лес за городом, он ехать постеснялся: вроде как дезертировал с флагмана оборонпрома. «Ну, Катенька, верным путем идешь»,— все усмехался он, едучи троллейбусом, потом долгим трамваем и еще четверть часа в пешем порядке.

♦ Катенька Мисюрина в свои двадцать семь лет, совсем недавно исполнившихся, мало была довольна тусклым летом этого года. «Следующий, «двадцать-две», как сейчас принято говорить, будет высокосным,— ненавязчиво думалось ей,— по высокос-

ным у меня всегда случаются изменения в жизни: в прошлом познакомилась с нынешним, а в позапрошлом рассталась с первым... в смысле, первым постоянным, не считать же юное любопытство насчет этого за что-то стоящее отметины в памяти?» «Не ходите, девки, замуж — ничего хорошего...» — усмехнулась Катенька, вспомнив того же времени хулиганскую припевку.

Понятие «подруга» она исключила для себя со старших школьных лет, серьезно приняв слова матери, из житейски умных деревенских баб, лишь с юности горожанки, что дружество — это мужинское занятие, особенно по части выпивки, а «для нашей сестры подругами становятся только к старости или от безысходности, а до того подружки завистливы и первые соринку в твоем глазу увидят и при первом же случае весь белый свет оповестят». Поэтому, случайно встречаясь лишь с давними знакомицами, в ничего не значащих разговорах на якобы сожаление собеседницы, что-де вот ты, Катенька, наверное, жалеешь об отсутствии диплома о «верхнем» образовании, она совершенно искренне отвечала, что по нынешней жизни нужна не «вышка», но твердая профессия: «Владельцами универских дипломов забиты, как консервная банка кильками, все магазины за прилавками, лавчонки. Побегушки в офисах и конторах, рекламные зазывалы, обслуживание в ресторанах и забегаловках, в гостиницах... да долго перечислять — все с дипломами!»

Катенька не оправдывалась, ибо ее профессия не заставляла ее дрожать при слове «сокращение» в участившиеся кризисы, непристойно заискиваться перед самым мелким начальничком, тем более «не раздвигать красиво ноги» перед боссом за мелочную прибавку. Не дура, но и не зубрила, она все же по окончанию школы, поддавшись общему настрою, отнесла документы в приемную комиссию Тулуповско-

го университета, но по ее скромным баллам ко времени зачисления «бюджетненько» (о платном с ее родителями-работягами и речи не заводилось) выходила ей такая малопрестижная техническая специальность, даже от названия которой во рту ощутимо чувствовался привкус металлической стружки, сдобренной тавотом, что она махнула рукой и вернулась домой со своим школьным аттестатом. А самый умный в практической жизни родственник, родной дядька, матери старший брат, посоветовал племяннице продолжить образование в лицее, то есть бывшем пэтэу, что в пригороде Носкове: «По опыту общения с тамошними выпускницами знаю: отменно там готовят профессиональных компьютерщиков, пользователей, конечно, но высокого класса, то есть от набора текстов до практики графических программ, редактирования и всего такого прочего. А если параллельно заочные бухгалтерские курсы, не напрягая себя, окончишь, то цены тебе, Катенька, не будет... в смысле, цена высокая, баки всем, которые с дипломами, набьешь в любом офисе или государственной конторе!»

Так она и поступила, а через два года — с Сашком уже разбежались — была уже при деле в солидной торговой фирме. Для разнообразия, благо при ее профессии и набранном опыте, невзирая на всякие кризисы, безработной она не останется, поработала в налоговой службе, затем снова вернулась в частное дело. Так прошло три с небольшим года до знáкового прошлого високосного, в котором ей исполнилось двадцать два года. В общем-то нудноватое общение с компьютером не утомляло, но и не завлекало ее, а возраст первого расцвета молодости требовал своего. Времена простоватого Сашка вспоминались мимоходом, с усмешкой. Тело наливалось почти еще неутоленной страстью, но в поколеной памяти от матери, подгородней деревенской ба-

бы, эта страсть умело управлялась чисто женской практичностью: здесь она еще больше походила на дядьку, материального брата. Пару раз заводила отношения с коллегами, ровесниками по возрасту и, как сейчас принято говорить, по социальному положению, но особо это не длилось: и парни попадались «без особой перспективы», и они, тоже смышленые, расхолаживались: приданого за Катенькой, тем более квартирного, не предполагалось.

Многое для нее изменилось по первому году работы. После корпоратива, тоже первого в ее трудовой жизни, заболтась она с Людмилой, опытной в жизни тридцатичетырехлетней сотрудницей, уже побывавшей и замужем, и дочь воспитывающей. Жили они с ней почти рядом, в соседних кварталах, идти от тоже недальнего офиса своего в одну сторону. По теплой летней ночи присели, благо Людмилу понесло душу выкладывать молоденькой коллеге, на каком-то подобии скамейки во дворе дома, недалеко от Катенькиного. Многое от той ночной задушевной беседы запало ей в голову. Даже не запало, ибо никакой опыт общения с парнями имелся, но все поставило на свои места. Особенно Людмила советовала молоденькой сослуживице соотносить две вещи: бытовую действительность, не из лучших, и притягательную силу первой молодости, тем более при внешней привлекательности и «недурственной мордашке с непустой по практичности головенкой». «...Из такой для тебя, Катенька, соотносительности следует желательность «спонсоров» или папиков. Причем даже не в смысле более или менее комфортно обставленного траханья, что тоже для здоровья необходимо, но, так сказать, как нас в универсе учили, для первоначального накопления капитала: квартирка с обстановкой, счетец в банке, приличный круг общения. Но и здесь не увлекайся: как только все это случится, даже по минимуму, впрочем, хорошему минимуму! так

ближе к тридцати годам спонсбров и папиков побоку, находи себе среднедостаточного мужика, рожай, словом, создавай нормальную семью, напрочь выкинув из головы все предыдущее! И будет тебе спокойное, хотя бы умеренно обеспеченное счастье...».

Уже на первом месте работы, кстати, при содействии Людмилы, Катенька попробовала найти покровителя в лице еще относительно молодого зама по маркетингу. А в налоговой конторе зацепила сорокалетнего начальника отдела регистра. Но оба почему-то решили, что молоденькую симпатичную подчиненную интересует только содержимое их штанов. Да еще жена зама по маркетингу, которой добрые люди донесли весть о пассиве супруга, устроила прилюдный скандал в офисе, почему, собственно, Катенька и ушла из фирмы в налоговую службу.

Меж тем прежний быт затрещал: сестра ее собралась замуж за бесквартирного суженого. Их хрущевская трешка грозилась превратиться в ту самую банку с кильками. К этому времени Катенька рас прощалась с государственной налоговой конторой и удачно устроилась снова в частную фирму. Другую, конечно, не с халявным замом по маркетингу. И должностышка здесь у нее даже появилась. Небольшая, но в подчинении бабенки с дипломами! Проработала она несколько месяцев, а здесь пришел с елочным корпоративом знаковый для Катеньки високосный год. Хозяин фирмы, небольшой, но из числа непотопляемых в любых кризисах, солидный из себя мужик в начале пятого десятка, расчетливый, но с добродушием в характере и нежадный, имел несколько страхолюдную супругу — обычный атрибут женитьбы по мелкому расчету — и ее племянницу в качестве секретарши. И подчиненные бабенки все постарше Катеньки, замужние. А у Дмитрия Алексеевича возраст заматеревшего кобелизма... Словом, после новогоднего елочного корпоратива в рес-

торанчике с «номерами для отдыха» Катенька обрела надежного папика, да к тому же в полном расцвете мужественности. Как говорит ее мать, правда, по другому поводу: «Тароват да умен — два угодия в нем».

Памятуя наставления Людмилы, дескать, сначала чрезвычайно восхити состоятельного мужика в постели, а потом ненавязчиво заключай с ним «коллективный договор», Катенька уже к майским праздникам обитала в двухкомнатной квартире, любовном гнездышке. Привыкшая к своему кварталу, хотя и пятиэтажному, но престижному для людей несколько выше «среднего класса», она и порекомендовала Дмитрию Алексеевичу, наедине — Димчику, купить квартиру неподалеку от ее родительского гнезда. Матери она объяснила все напрямую и получила полное одобрение, знала, что дочь все делает с дальним умыслом. Она же приструнила слегка заворчавшего отца, выставив тому пару бутылок, и завидующую новобрачную дочь — сестренку Катеньки. По «коллективному договору» квартира переходила к Катеньке через несколько лет, если и она соблюдет все свои обязанности. В фирме же она скоро получила место главбуха с персональным окладом. Умный Дмитрий Алексеевич полагал более экономным содержать Катеньку за счет фонда зарплаты.

...День выходной. Попивая утренний кофе на уютно, как и вся квартира, устроенной кухне, Катенька все держала в хорошенъкой головке эти недавно исполнившиеся двадцать семь лет. Много это или мало? — Для исполнения дальнейших планов, конечно. На этот день рождения Димчик сделал роскошный подарок: за верность почице супружеской, благонравие характера и отсутствие хронических женских капризов и удовлетворение его мужественности он переписал дарственной квартирну на Катеньку. А поскольку дела его фирмы шли в го-

ру — выиграл за малый откат выгодный тендер,— то впридачу к квартире «уполторазил» ей оклад.

Двадцать семь лет. Квартира с обстановкой, счет банковский все круглеет и круглеет, ибо она так поставила «коллективный договор», конечно, ненавязчиво, но только легкими намеками, что из своих денег тратит только необходимый минимум. Все остальное благодушный Димчик, почему-то почувствовавший удовольствие дарить своей очаровательной, на свой откуп охотно берет.

Год-другой у нее в запасе, а там пора рожать (абортов она благоразумно в жизни избегала) без осложнений и всякого там кесарения. Для ребенка нужен законный муж. Она хотела над мелодрамными сериалами: выходить замуж за мужика на двадцать лет старше? Смешно хотя бы по причине не столько уж далекого снижения мужественности Димчика. Да и развести его себе в убыток: на страховщине тот женился по расчету, она и совладелица его бизнеса. И вообще она только вступает в серьезную жизнь. Значит... но впереди еще полтора-два года, что-нибудь придумает. Кстати, надо встретиться с Людмилой, та без доброго совета не оставит. Однако размечталась: через час Димчик придет.

Молодая содержанка владельца сети супермаркетов «Копейка рубль бережет» Авдотья Никитична подготовку к ежегодному бизнес-балу городского купечества начала уже пополудни. И как положено у женщин — с прически. Горничная Глаша не нахвалится роскошными волосами хозяйки:

— Ах, барыня, что за роскошь у вас волосы: прядка к прядке, локон к локону, на перхоть даже намека нет. А все потому, что не используете все эти рекламируемые химикалии, а только натуральные отвары. И травы подбираете все правильные; это я вам как кандидат биологических наук, ранее доцент, говорю. И откуда вы только эту рецептуру знаете?

— А я, Глаша, ведь химик-фармацевт по образованию. И бабушка моя покойная была деревенской знахаркой, траволечением на жизнЬ зарабатывала.

— Почему же, Авдотья Никтична, по специальности не работаете?

— Обе мы, Глаша, давно уже не по специальности на хлеб насущный зарабатываем. У тебя, вот, наверное, НИИ за ненадобностью прикрыли, а я после конкурса красоты по рукам пошла, пока не закрепилась за нынешним хозяином.

— А не грешино, барыня?

— Грешино, Глаша, это когда грешишь, а я работаю, вот как и ты, но только по другой специальности — из самых древних женских.

КЛИКОВ И НЕДОЛАЙКИН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЦИФРОВОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

Неустанно вязавши чулки, Перегуд додумался, что «надо изобрести печатание мыслей». Гутенбергово изобретение печатания на бумаге он признавал ничтожным, ибо оно не может бороться с запрещениями. Настоящее изобретение будет то, которому никто не может помешать светить на весь мир.

Н. С. Лесков «Заячий ремиз»

Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится.

Григорий Сковорода

◆ Семейства Юрки, по давнему, еще школьному прозвищу Юрец, Клюквина и Макса Недолазова переселились в новопостроенный дом близ городского стадиона одновременно в год, когда Юрец и Макс, тоже в один выпуск, окончили Тулуповский университет, который в городе и области в досужих разговорах упорно называли политехом, каковым он и являлся со времени основания в первые сталинские пятилетки и до лихих девяностых, когда по всей бывшей 1/6 части земной суши все школы переименовали в гимназии, пэтэу — в лицеи, училища — в колледжи, а все институты, включая уездные «педы», — в университеты. Ну-у, это «предания старины глубокой». Оба семейства из торгового среднего класса, измучившись в родительских еще хрущобах, поднакопили деньжонок, продали наследованные сомнещенки и купили вполне пристойные их доходам

квартиры в почти престижном двухподъездном многоэтажном доме фасона «спичечный коробок, поставленный на попа». Надо заметить, что никоим образом члены этих семейств, до переезда на новину проживавших в различных, удаленных друг от друга, районах широко раскинувшегося Тулуповска, и не подозревали о существовании друг друга: Клюквины — Недолазовых, соответственно, Недолазовы — Клюквиных. Даже Юрец и Макс, одновременно учившиеся в одном вузе, не были даже шапочно знакомы: встретясь на улице — равнодушно пройдут мимо друг друга, как все мы проходим, разминаясь с совершенно незнакомыми людьми. Во-первых, с советских времен в политехе, затем в университете, числилось под двадцать тысяч студентов; во-вторых, сорок корпусов и вспомогательных зданий растянулись в половину района, а Юрец и Макс учились на разных факультетах, чуть ли не в километре друг от друга.

А полупрестижный, то есть без фигурных башенок, эркеров и прочих архитектурных излишеств, дом оказался с занятным сюрпризом. Как то положено в последние три десятка лет, чтобы не тратиться на всякие коммунальные подводы к зданию, догостоящие хлопоты на расселение сносимого жилищного и хозяйственного старья, не осваивать пригородные пустоши и прочее, строительная компания за умеренный бакшиш (административные и которые в погонах чиновники и мелочью не брезгуют) приобрела участок под дом-вставку. Но когда подрядчик руками молодцов-гастарбайтеров скоренько сгношил коробку, то сообразился архитектурно-привязочный конфуз. Дело в том, что участок выдался этакой узкой, почти в толщину коробки полосой, зажатой между двумя дорогами: уличной и радиальной общегородского значения, тянущейся от центра к окраинному обводу-развязке. Последняя спешно начала строиться одновременно с полупрестижным домом. По-

скольку же дорожное и домовое строительства подчиняются различным планирующим городским ведомствам, то и вышел такой архитектурный конфуз. Отыскали и наказали стрелочников из мелких чиновников, которым и без того ни копейки-цента не перепало из домового отката, то есть бакшиша. Известно дело исстари на Руси святой: алтынного вора вешают, а полтинного чествуют.

Радиальная общегородская дорога как раз расположилась вдоль фасада новостроящегося дома, поэтому он из класса почти престижного — по ценам квартир — перешел в разряд полупрестижных, ибо ни о каком, ранее зарекламированном застройщиком, дворе с детскими площадками, грядущими тенистыми тополями и развесистыми конскими каштанами (гордость Тулуповска — почти Париж и Одесса!), даже скромными скамеечками для старушек и столиками для пенсионеров-доминошников, речь уже не шла. И, о ужас! даже обычные подъездные выходы по технике безопасности и всяkim там санитарно-пожарным нормам соответствующие инспекции (после скандала и бакшиш из осторожности не брали, себе в убыток инспектировали...) запретили выводить в сторону достраиваемой стахановскими темпами дороги с губернаторским контролем. Архитекторы и застройщик поломали головы и перепланировали оба подъездных выхода: теперь они, изогнувшись внутри здания — один вправо, другой влево, — выходили на улицу из торцов дома в метре от фасадных углов.

Принято сетовать, что в современном мире отчужденности люди, годами проживающие в одном подъезде многоэтажного дома, порой не знают друг друга даже в лицо. В определенной степени это относится и к жителям сконфуженного дома. Но здесь и вовсе случился феномен разобщенности двух его подъездов. Поскольку, ввиду отсутствия двора и тротуаров, даже узеньких пешеходных дорожек вдоль

фасадной и тыльной сторон зажатого дорогами злосчастного строения, пройти от одного торцового подъезда к другому невозможно, то связь таких автономий с внешним миром оказалась возможной только в противоположные стороны: выйдя из своего подъезда, гражданин, товарищ (это который с погонами) или господин должен, гуляючи, пройтись метров с полтораста по дикорастущему скверику между дорогами по сгоношенной строителями асфальтовой дорожке, а дальше для обитателей правого и левого (со стороны фасада глядя) подъездов «выход в люди» существенно различался. «Леваки» под прямым углом поворота улицы сворачивали на ее тротуар и еще метров триста шли до проспекта; свернуть с этого тротуара не было возможности: с одной стороны глухая длинная стена ограждения стадиона, с другой — несколько состыкованных друг с другом оград и стен двух университетских корпусов и вспомогательных служб-зданий. «Праваки» же тоже под углом, но только тупым, огибли здание музыкальной школы и выходили на тротуар переулка, ведшего в противоположную проспекту сторону. Если прикинуть в уме и на пальцах, то попасть из левого подъезда в правый, равно как и наоборот, можно было, после сложных петляний, где-то за тридцать-сорок минут бодрого солдатского шага. Это как на плацу учебного отряда дивизии бравые старшины командуют новобранцами: «левой, левой! солдатский шаг — шестьдесят сантиметров!»

Таким образом, обычная автономность подъездов многоквартирных домов здесь перешла в абсолютную самостоятельность и независимость. По отношению друг к другу подъезды стали анклавами: это как Калининград и Крым для материковой России, но там-то есть поезда и паромы и семнадцатикилометровый мост. Опять же лизинговые «боинги» лётают. Уже не говоря, что свои автомобили среднеклассные оби-

татели полупрестижного дома, матерясь, размещали где придется вдали от визуального оконного надзора, но для правого и левого подъездов все было различным: «свои» магазины и службы жизнеобеспечения, даже почтовые отделения и операционные филиалы Сбербанка разные. Обычная должность старшего по дому, как нонсенс, не существовала, раздвоившись на старших по подъездам с правами первого для каждого из них. Русский человек ко всему скоро привыкает и уже ничему не удивляется. Поэтому когда житель дома вызывает водопроводчика, электрика, телевизионного или компьютерного чинильщика, увы, и *ОЗ-машину*, если занедужит, то принимающая заказ диспетчерша уточняет, услышав название улицы и номер дома: «Та-ак, квартира тридцать восемь. Это с какой стороны: от стадиона или от музыкальки?» Люто ненавидели жильцов дома почтальонши из двух отделений связи: адрес-то один по улице! Хорошо, что в век интернета письма бумажные не пишут, телеграммы не посылают и посылки от всеобщей скучости не шлют. И еще момент: по новой строительной моде балконы в доме вовнутрь и отгорожены друг от друга вертикальными, по всей высоте здания, ребрами-выступами. То есть, даже опасно перегнувшись над перилами, соседа не увидишь и не услышишь.

Собственно, для чего мы остановились столь подробно на ляпсусах современного городского строительства? — А просто чтобы сказать: семейства Клюквиных и Недолазовых поселились в различных самостийных подъездах, оба на пятом этаже с видом из окон на достраивающуюся радиальную городскую дорогу. Понятно, что жители различных подъездов, Юрец и Макс друг друга не знали. Только и всего-то. А читатель, не хуже прокурора, смысла доискивается...

◆ Макс он и есть Макс: и имя и кликуха. Про

Юрца уже сказано. Но они уже выросли в эпоху всеобщего и полномасштабного оцифровывания, поэтому со средних школьных классов уже имели свои интернетовские *ники*: Люк у Юрца, Дол у Макса — слоги из своих фамилий, удачно получились: и кратко и импортом отдает. Все по-компьютерному, интернетовскому. Но что удачно для интернета, то для него же их фамилии сыграли злую шутку: поозвучию каждый из них получил еще в школе прозвища заглаза, то есть Кликов — для Юрца, Недолайкин — для Макса. Поначалу это обоих злило, но потом оба же махнули руками: зовите, мол, как хотите, только денег в долг не просите.

Поскольку родичи Юрца и Макса выбились в среднедостаточные люди не так уж и давно, то с прибавлением семейств своих по возрасту запоздали, то есть пришлось ограничиться единственными наследниками. В тихой жизни все перемены приходят скопом. Так и у Юрца с Максом по времени совпали переезды в новые квартиры, получение дипломов и официальное трудоустройство, именно — официальное, поскольку по компьютерной части подрабатывали еще с первого курса. По специальности, что в дипломах проставлена, оба, слегка подумав и посомневавшись, работать не пошли, хотя в исторически оружейном Тулуповске в наступившие годы обронпром частично восстановился. Впервые за последние двадцать лет зарплаты инженеров на серьезных предприятиях, из числа оживившихся, превысили доходы рядовых офисных клерков и торговых манагеров — в основном по причине падения последних в череде всевозможных кризисов. Но ведь превысили! как бы там арифметические пропорции не раскладывались. Это как пресловутая инфляция, которой на самом деле сейчас и вовсе нет, а есть дефляция, попросту говоря, вялотекущее подорожание всего и вся и массовое постепенное обнищание.

Ну-у, неча в высокие категории лезть. У Клюквина-старшего по случайному совпадению — отошли от дел и перешли в разряд предпенсионных рантье сразу два его конкурента — несколько расширился рынок сбыта, потребовался компьютерный системщик по части логистики. И он с удовольствием оформил трудовую книжку на Юрца. «ООО Клюквин и сыновья», — слегка загрустив при множественном числе слова «сыновья», беззлобно сыронизировала мать, когда Юрец с аппетитом ужинал, вернувшись с первого трудодня. В небольшой авторемонтной мастерской Недолазова, в основном перебивавшейся тонировкой стекол и рихтованием умеренно побитых передков, компьютерщики не требовались по определению рода работ. Поэтому Макса отец устроил в офис оптовой торговли к давнему знакомому и собутыльнику по зимней рыбалке.

По странному совпадению матери Юрца и Макса трудились по педагогической линии: первая в школе, другая в коммунально-строительном техникуме. Кстати говоря, единственным в городе и области, который не прельстился на американское обезьянническое название «колледж». Как объясняла Елена Григорьевна Недолазова супругу и сыну причину такого вызывающего анахронизма, на момент массовых переименований в девяностые годы в техникуме директорствовал по отставной разнарядке подполковник из «компетентных органов», люто ненавидевший американцев и вообще западников: его карьера в «органах» обнулилась из-за неудачи в выполнении задания по оперативной работе, где его по мелочи, но все же переиграли цэрэушники...

Вот обе-то матери вполне справедливо положили по женской природной категоричности, что новые просторные квартиры и начало трудовой деятельности их лелеемых чад всенепременно должны замкнуться в треугольник (это по определению Елены

Григорьевны, обучавшей будущих коммунальных строителей математике) женитьбой. Девиц Юрец и Макс не избегали, но без увлечения — чтобы как все, от этих всех не отставать, но сама мысль о женитьбе в двадцать с мелочью лет им представлялась смешной. Но заботливые и резонные в своих доводах матери, начиная издалека и заканчивая близко, наседали на сыновей по линии замыкания равносторонних треугольников. Более мягкохарактерный и послушный Юрец пару раз даже вяло согласился с убеждениями матери, для очистки совести раз и другой прошелся по сайтам знакомств в городском ареале. Ровесницы по возрасту, образованию и, так сказать, имущественному (из лексикона отца) положению все были на одно инкубаторское лицо: распущеные волосы ближе к блондинистому цвету, уменренный макияж, чуть удлиненное этими волосами и макияжем. Неумелые еще «а ля Голливуд» зубастые улыбочки, обязательно втянутые — для искусственныхексапильных ямочек — при фотографировании щеки. Инкубатор и есть. И не только на фото, но и в стандартности принятых в таком случае резюме: «Веселая, но скромная, понимаю юмор, люблю путешествия, коммуникабельная. Любимая книга — Дина Рубина* «Синдром Петрушки»; любимый фильм — «Мосты округа Мэдисон». Любимая еда: итальянская паста, чизкейк, смузи, стейк из семги, лазанья». Перестал он искать невест для спокойствия матери в инте, а в жизни реальной когда-то еще наметится?

Макс слушал Елену Григорьевну молча, но когда

* Несколько лет назад для проведения новомодного всероссийского диктанта на русскую грамотность текст взяли из сочинений Дины Рубиной, израильской русскоязычной писательницы. Затем в околовературной прессе случился легкий скандалчик: некто досужий грамотей отыскал у Дины фразу про «спиленное бревно»... — Прим. авт.

ему напрочь надоели математические доказательства матери о необходимости замыкания равностороннего треугольника, то он просто привел домой «на ужин» офисную коллегу, которая пробовала ластиться к новому в их коллективе парню. Ей же объяснил — посмотришь как живу. По-своему истолковав такое прямое предложение (про родителей в квартире он умолчал), девица Лиза, называвшая себя Джулией, соответственно нарядилась и наштукутурилась, а при виде строгой училки Елены Григорьевны и почти за ними пришедшего домой Недолазова-старшего потеряла и без того слабый дар речи. После тягостного семейного ужина, который не оживила даже выставленная хозяином бутылочка массандровского хереса, гостья заторопилась домой: «Мама будет волноваться». Отец, мать и даже Лиза-Джулия поняли и — каждый по-своему — оценили фортель Макса. Отец при случае похвачивал, Елена Григорьевна на время отстала от сына со своей треугольной геометрией, а в офисе девицы фыркали при утреннем появлении на работе Макса. К его явному удовольствию, ибо еще со дворового своего отрочества он крепко запомнил хулиганскую присказку о нежелательности совмещения места жительства и работы и постельного общения с девицами.

◆ Наступила слякотная зима. Юрец и Макс вошли в новый ритм своей жизни без особых изменений в ней. Только нуднятину учебы, где соскучившиеся к пенсионному возрасту от ничтожной зарплаты, поменьше дворницеек у гастарбайтеров, и десятилетиями одно и то же произносимого на лекциях, доценты одним своим неряшливым видом отбивали интерес к чему-либо, сменила унылость нижних степеней пресловутого бизнеса. Если Юрец на правах сына босса и сам-один компьютерщика еще как-то ощущал себя человечкиным человеком, то Макс у чужого дядя тупо зарабатывал близкие к смешным

деньги. Словом, поденщина для головы, оброк для души.

На глазах Юрца и Макса, от начального школьного детства до сегодняшнего дня, в жизни окрест их произошли такие перемены, которые во флоте соответствуют команде «кораблям поворот всем кругом». В этом самом детстве они еще застали отголоски «лихих девяностых» с пивными брезентовыми палатками на каждом свободном клочке асфальта, круглосуточно торгающимися водярой магазинами. По дороге в недалекую школу, у каждого свою, первоклассники Юрец и Макс завистливо поглядывали на старшеклассников обоего пола, что перед началом уроков, воробышими стайками рассевшись во дворах соседних со школой домов на изгородях и наружных трубах отопления, дымили сигаретами, а то и вовсе пивком освежались. Но страну начали в быстром темпе подтягивать к порядку и дисциплинарному благонравию. По мере перехода из класса в класс, затем с курса на курс, Юрец и Макс наблюдали, как исчезали пивные палатки, общедоступные забегаловки, ночники, а еще советской поры рестораны и кафе перепрофилировались в магазины, порой со странным, невостребованным товаром — явно для отмычки многих тонн черного нала из ближней столицы. Предложение стимулирует спрос — девиз общества потребления, но директивное ограничение предложения ограничивает этот спрос — не спросившись у потенциального потребителя. Все меньше народа наблюдали студенты Юрец и Макс на улицах, даже в длинные и солнечные дни благодатного лета: взрослые горбатились на частный капитал, зарабатывая все большим потом все меньшие деньги для содержания своих семей, раскатавших было нос на легкие деньги девяностых, когда от всеобщего разворовывания страны кой-чего перепадало и мелким лавочникам, порой даже и бюджетникам. О заводах иfab-

риках тогда забыли и думать. Это еще школьникам Юрцу и Максу объяснили их отцы, мелкие частно-собственники.— Под бутылочку горькой в разрывающейся в конце двухтысячных, нулевых годов всемирный кризис.

...А младшие поколения тоже стали избегать обычных для их возрастов радостей вольной жизни: от шатанья по улицам и дворового общения для школьников до совсем замечательной студенческой жизни с дружескими посиделками в дешевых заведениях «с подачей», футболом на университетских стадиончиках, знакомствах с девушками в доступных еще клубах — бывших заводских домах культуры, наконец, с всепоглощающей первой серьезной любовью. Все минуло как сон, ушедший в далекое прошлое. Все эти поколения, почище тюремного заключения, заковал в свои цепи интернет, за последние два десятилетия от занимательной игрушки для недорослей и удобного (без зарплаты!) помощника для людей трудающихся превратившийся в гигантский спрут, сделавший человека своим роботом. Это уже студентам Юрцу и Максу объясняли старого закала преподы, порой разговарившись на лекциях сверх политкорректно и толерантно выверенной программы. Но таких все меньше оставалось, отходили по возрасту, а то и по доносам самих же студентов, от дел на заслуженный отдых.

И Юрец с Максом, даже не подозревающие о существовании друг друга, стали придатками интернета.

♦ Странная это штука интернет, порой проскальзывала у Юрца и Макса нечаянная мысль. Вроде как ты член всемирного, двух-трех, а может и более миллиардного, сообщества, а с другой, как обычный живой человек, совершенно одинок, почти что изолирован от общения с другими живыми людьми. Вот и Юрец, уже месяц как втянувшийся в новую ин-

тернетовскую игру с иерархией в двенадцать уровней, по мере восхождения с уровня на уровень, где каждая такая ступенька, учитывая сложность игры, занимала не менее пяти-шести плотно занятых вечеров, иногда задумывался: а что из себя представляют его коллеги-конкуренты с уже примелькавшимися никами? По условиям игры участники никаких иных сведений друг о друге, кроме ников, знать не должны: полное обезличивание. Не само по себе, разумеется, но, чтобы минуя контроль диспетчеров игры, недобросовестные участники не сговаривались друг с другом по иным каналам связи. Это как в покере шулеры играют парой. Чтобы не распыляться, Юрец выделил участника с ником Дол, который уверенно переступал уровни вровень с ним. Кто он в своей живой оболочке? Каков собой, из какой страны или города, если соотечественник? Возраст его, характер и все остальное, человеческое... Почему-то Дол вырисовывался — что за игра воображения! — индусом или японцем лет тридцати — тридцати пяти, с университетским образованием, а индус и вовсе в Америке учился. Сложнее с профессией — не обязательно компьютерщик. Например, японец офисный менеджер, а индус перебрался в Австралию (где-то прочел, что там много индусов работают) и трудится в тамошнем филиале компании *Hewlett Packard* или *Googol*. И так далее, вплоть до семейного положения и любимого сорта пива.

...И Макс заприметил в числе своих конкурентов участника с ником Люк. Почему-то он представлялся ему подмосковным жителем из бывшего наукограда, работает же в Москве, тратя по два часа дороги туда и столько же обратно, правда, через день — в сетевой компании, ровесник.

По условиям игры для прыжка на предпоследний уровень финалистов (а среди них победитель и два премиальных дипломанта выбирались цифровым ло-

тотроном) следовало выбрать участника, который, в свою очередь, и его выберет. Это уже не игра в орлянку, а следовало проанализировать весь ход игры, начиная с нижнего уровня, отслеживая более или менее рядом идущего соперника. Это условие было объявлено диспетчером в четверг, ответ следовало дать до полудня субботы. В четверг и пятницу Юрец и Макс весь вечер и начало ночи, часов до двух, ломали головы. Пришла и финальная суббота. Оба отказались от завтраков, вообще не выходили из своих комнат. Девять часов. Десять часов. Одиннадцать с четвертью. Без четверти двенадцать — роковой час. Все, пропали полтора месяца жизни... Юрец в полном отчаянии вскочил со стула и, не взвидя белого света, со злобой шарахнулся тыльной стороной кулака по стене, к которой придинут его рабочий стол. И Макс в полном отчаянии ударили кулаком по стене, в полнейшем отчаянии спрыгнув со стула. И — о чудо из чудес! — от удара Юрца квадрат, где-то полметра на полметра, стены, разорвав обои, прогнулся вовнутрь чужой квартиры. В тот же миг ответным ударом разозленного Макса этот же квадрат снизу вогнулся в сторону квартиры Юрца, а затем и вовсе отлетел от стены и грохнулся на его стол. Хорошо не дотянул нескольких сантиметров до ноута, иначе бы расшиб его.

Пригнувшись к квадратной пробоине, тот и другой изумленно уставились друг на друга.

— Ты кто?

— Юрец. А ты?

— Макс. Чего это стены ломаешь?

— Да вот с игрой незадача. А ты чего?

— То же самое. Слушай, а какой у тебя ник?

— Люк. А твой?

— Дол. О-о-о, братан, так мы с тобой одну партию ведем. Пять минут до двенадцати осталось, давай срочно сообщаем ники: ты — мой, я — твой.

...Юрец и Макс вышли в финалисты. И хотя цифровой лототрон обошел их обоих своим виртуальным вниманием, но и стать финалистом — большой почет: их имена, настоящие, не ники, навечно теперь внесены на цифровую доску достижений солидной компании компьютерных игр. Юрец с Максом сдружились, что редкость в наше время цифрового одиночества.

◆ ...Как потом выяснилось в судебном разбирательстве по дознанию и технической экспертизе, застройщик, снизив цены за квартиры, когда выяснилось что из-за строящейся впритык радиальной городской магистрали у дома не будет двора, автостоянки — и вообще ничего, дабы не особо потерять в прибыли, отдал команду прорабу экономить буквально на всем: «Хоть внутренние стены из г... лепите, но чтобы ни один обломок кирпича, ни единая щепка мимо дела не прошли!» Так получилось, что при разгрузке панелей для некапитальных квартирных стен, в том числе в проемах между кирпичными кладками стен межподъездных — для крайних квартир, неряшливый крановщик так неаккуратно «приземлил» пакет этих панелей, что проломил нижнюю о торчащий булыжник. Когда строители-таджики указали прорабу на бракованную плиту, то последний, еще добротной советской закалки, беззлобно выматерил арийцев* Азии, а затем процитировал известный лозунг Леонида Ильича: «Экономика должна быть экономной». Затем самолично красным карандашом, что обычно держал за ухом, по плотницкой линейке обвел квадратом полметра на полметра, велел самому понятливому гастарбайтеру выпилить квадрат по контуру, изготовить такого же размера из

* Таджики, как иранцы и обе афганские народности, принадлежат к этноязыковой индо-европейской, или арийской, группе народов.— Прим. авт.

какого-нибудь ненужного обрезка плиты, вставить в отверстие плиты, закрепив kleem. «...Затем зарихтуй заподлицо, а при установке все следы и вовсе исчезнут при известковой обмазке».

Как с видимым удовольствием от проделанной работы доказывал на суде молодцеватый технический эксперт, перемигиваясь с роскошно-длинноногой судебной секретаршей, из той же частнособственнической экономии вместо добротного клея «хенкель» на стройке использовался дешевый китайский эрзац, поэтому-то квадратная вставка и вылетела от двух ударов Юрца и Макса — явно не боксеров или гиревиков...

А в момент происшествия на тройной грохот — кулаками Юрца и Макса и от падения вылетевшего квадрата на стол Юрца — в комнаты финалистов сбежались оба семейства, заодно и познакомились через квадратную пробоину. Как люди деловые, старшие Клюквин и Недолазов тотчас вышли из своих квартир и через двадцать минут уже сидели в равноудаленном от автономных подъездов ресторанчике с интересным названием «Библиотека», каковая здесь же ранее и размещалась.— В архаичную эпоху чтения бумажных книг, точнее, вообще чтения.

Выпив по первой за знакомство, сразу перешли к составлению диспозиции. Сами частнособственники-предприниматели средней руки, они решительно отвергли какие-либо мирные переговоры с застройщиком. «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа», — приговорил Клюквин, в первом поколении городской житель, помнящий едкие деревенские присказки. «Только суд и суд показательный! — согласился Недолазов, — главное, иск выставить на предельно разумную цифру, всякий там моральный ущерб...».

С понедельника сражение началось. Клюквин понес в районный суд коллективное, от двух квартирохозяев, исковое заявление, а Недолазов позвонил

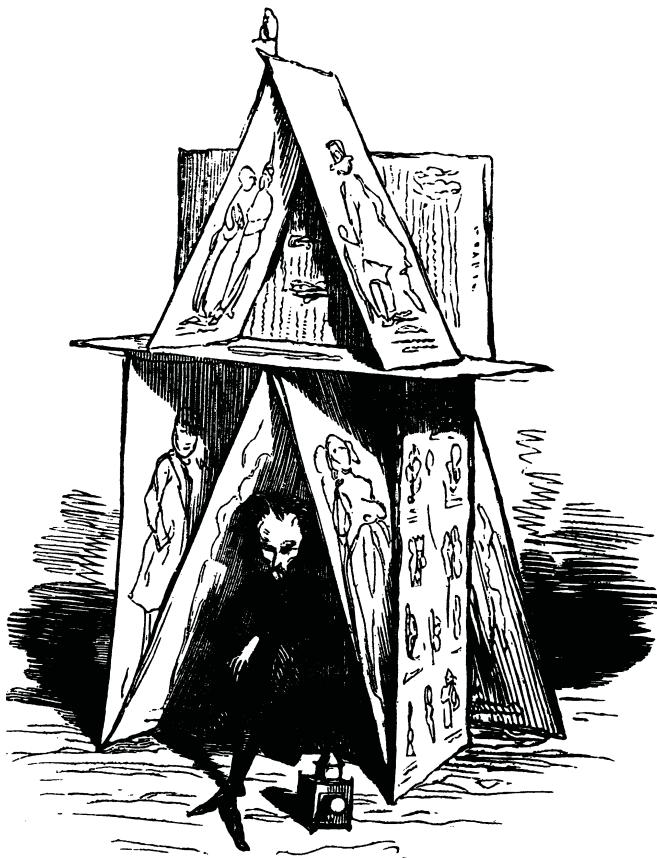
в популярнейшую в городе и в области желтую газету «Толока». Там восхитились скандалностью происшествия и тотчас прислали молодого, но уже ловкого корреспондента Дениса Коротина, подписывающего свои материалы в газете как Дэн Кóрвин, и фотокора. Вошедшие в апофеоз сражения Клюквин с Недолазовым выкупили прямо в редакции «Толоки» две пачки очередного номера, а Юрец и Макс, тоже почувствовавшие вкус охоты, пользуясь стенным отверстием, распределили номера и самолично отоварили ими почтовые ящики обоих подъездов. Весь дом хохотал: ядовитейше написанная Дэном статья-фельетон сопровождалась почти десятком фотографий, на которых в стенном проломе весело помахивали ручками обитатели злосчастных квартир, здоровались также за руку в отверстие, на столе Юрца лежал, прислонившись под углом к стене, выпавший кусок. Бенчали фотосессию два снимка: Юрец и Макс, обнявшись, позировали в качестве финалистов новомодной компьютерной игры, а на другой — панорамный вид на дом, стиснутый двумя дорогами. Не только огороженный дом, но и весь город с областью целую неделю хохотали. Говорили, что и сам губернатор с интересом читал. Но судья, принимая исковое заявление, с сомнением покачал головой, дескать, такие дела тянутся годами, а там и с застройщиком что-либо чудесное случится по коммерческой, например, части...

Но подмога пришла откуда не ждали. В одной из квартир Клюквинского подъезда проживала пожилая пара, у которых имелась какая-то досадливая недоделка, а главное, их старший сын, проживавший в столице, был известен как модный, блестящий адвокат, глава своей конторы «Совестлинов и партнёры». Уважая обиженных родителей и для создания себе имиджа в родном городе — Москва большая, но и окрестные места надо к своей практике приоб-

щать! — он и взялся бесплатно поддержать иск Клюквина и Недолазова. На заседании суда он произнес такую великолепную речь, что в освещавшей процесс «Толоке» ее сравнили разве что с хрестоматийными русскими дореволюционными адвокатами А. Ф. Кони и Плевако...

Истцы процесс выиграли. Из обладминистрации нажали на застройщика. Компенсацию Клюквины и Недолазовы получили по пристойному максимуму. Однако возвращаться к прежней автономности подъездов, здраво рассудив, квартиросъемщики не захотели: а вдруг сотовая связь и интернет пропадут? Совсем не общаться что ли подъездам? Ведь живем в эпоху глобализма как на вулкане. Словом, в стенной квадрат вставили что-то навроде непрозрачной форточки, открывающейся в обоих направлениях. Но только при одновременном повороте запорных рычажков.

Даже в проникнутой духом колLECTивизма Советской стране интеллигент стремился к некоторому уединению; таких мест было немного: кухня с бутылкой горькой сам-один да туалет. Новейшие времена, казалось бы, благоприятствуют полному уединению, тем более, что при вороватой организации жизни общение с другими людьми просто опасно. И пошло и поехало. Столично-мафиозная часть бывшей культурной прослойки для уединения построили виллы во Флориде и в Испании, а у остальных, нищенствующих, средств хватило только на карточные домики. Материалами же для их строительства послужили найденные на свалках отечественной истории артефакты: верноподданический монархизм, обрядовая церковность, умеренное диссидентство, начатки европейского либерализма от Чаадаева, внешнее славянофильство от братьев Киреевских и Хомякова, отголоски евразийства и добрая власть, у которой злые бояре-чиновники украли «жалованную грамоту» для народа.

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК МОРЗИСТ КИРЯ

— Так за что же-с, за что,— говорю,— меня в военную службу?

— А разве военная служба — это наказание? Военная служба это презерватив.*

Н. С. Лесков «Смех и горе»

♦ Сколько помнил себя с сознательного возраста Кирилл, Киря по-дворовому и школьному, Федорищев, по праздничным и иным дням с застольем отца его, Андрей Филиппович, человек сугубо штатский, даже военную кафедру в Тулуповском политехе, упраздненную в разоруженческих девяностых годах, не застал, после третьей-четвертой стопки пускался в генеалогические, отчасти даже геральдические, воспоминания, передаваемые в роду Федорищевых со времен начала набегов крымских татар на Московскую Русь. Хотя и технарь по образованию и роду занятий, был он любителем отечественной истории. За накрытым столом, как правило с гостями, по обычаю всех непрофессиональных ораторов, что говорят не глядя на всех пространственно, а избрав кого-то одного, кому безотрывно смотрят в глаза, Андрей Филиппович в качестве такового предпочитал сына. Может потому, что Кирилл в невозбужденном состоянии мог долгое время не моргать, а значит не сбивал отца, не без усилий передававшего разбегаю-

* Во времена Лескова, то есть во второй половине XIX века, слово «презерватив», то есть предохранение, использовалось только в социальном, как в настоящем эпиграфе, и в техническом смыслах — например, устройства искусственного охлаждения продуктов, предшественники нынешних холодильников. Кстати говоря, в нынешнем понимании термин этот появился только в 30-х гг. XX века; до этого — кондом.— Прим. авт.

шияся в легком подпisi мысли на их словесное выражение. Если гости являлись новичками в доме Федорищевых, то Андрей Филиппович строил рассказ пространным, а по времени от распада Золотой Орды. Звучало это в следующем изложении, как в общих чертах сложилось в голове Кирилла.

За сто ровно лет от Куликовской битвы до Противостояния на Угре — это в соседней Калужской области — Золотая Орда распалась на отдельные улусы, а еще раньше отделившиеся от нее сепаратисты Мамая, что обосновались в Крыму, подпали под власть османов и начали регулярные набеги на Московское княжество, иногда на Малороссию и Литву, то есть нынешнюю Белоруссию. Поэтому еще до Ивана Грозного, добившего орду на Волге, на южных и юго-западных границах все растущего Московского княжества, выгнутого вовне от Москвы полукругом от калужских сосновых лесов до Коломны, спешно устраивались кремли, сторожевые посты, крепости, соединенные сплошными засеками. Ну-у, вокруг кремлей города разрастались с народом, а маленькие крепости и сторожевые посты заселялись присылаемыми стрельцами, которые поселялись семейственно, их род занятий становился родовым, наследственным.

Стрельцов на Засечную черту, в которую и наш Тулуповск входил, присылали из людных мест, что севернее Москвы, ярославцев, владимирцев и тверичей, потому и язык засечных стрельцов являлся самым что ни на есть северным старорусским, в котором, как мне как-то одна... Андрей Филиппович, почувствовав на себе внимательный взгляд супруги, оговорился... один приятель студенческой поры, из пединститута с исторического факультета, растолковал, многие слова произносились с окончанием на «ище»: громадище, пушище, лесище и так далее. Словом, с подчеркиванием огромности, крупноты,

если можно так выразиться. Соответственно и фамилии под эту стать стали стрельцами от имен крещеных и прозвищ давать — а им, как государевым людям, с записью в военные списки-столбцы. Образовались Степанищевы, Иванищевы, Пороховищевы... Вот и наша такая же — Федорищев. Так что, как встретятся вам люди с такими фамилиями, так в точку попадете: из потомков засечных стрельцов! И по внешности даже сейчас мы, их далекие потомки, заметно схожи между собой и отличны от остальных. Вот гляньте на меня, на Кирю и что? — Правильно, кряжистые, со здоровенными кулаками, волос на голове жесток и мелко вьется, а глаза чуть навыкате, с голубизной. Иной незнакомый посмотрит и даже слегка испугается: а вдруг по морде хрястнет! Дед вот сегодня, то есть батя мой, не смог прийти, так и он такой же: никакой лысины! Волосы, хотя и сплошь седина, также в мелких и жестких завитках. Та же... тот же студенческих лет приятель-историк, из серьезных отличников, много чего уже знающий, говорил: «Вот, Андрюха, такой же как у тебя облик имели старорусские люди, что от Новгорода и Пскова потом расселились к востоку, образовав княжества в Ярославле, Твери и Владимире. И небольшая смуглость наша от них же — не были они «белокурыми bestиями»! — да еще на границе с Дикой степью не одно столетие под тамошним солнцем загорали. А характер решительный и речь быстрая — это уже от нелегкой и ответственной стрелецкой службы. С татарами почти в беспрерывных стычках, а позже с донскими казачками и запорожцами — им тоже палец в рот не клади».

Дед мой, не батя, подлинный дед, давно от нас ушедший, земля ему пухом, с педагогическим тож образованием, работал по партийной линии, курировал облархив в числе прочего, розыск в нем организовал, отыскал-таки столбец этот с упоминанием на-

шего предка-стрельца. Фотография столбца у бати хранится. Запись в нем старописанными буквами насчет того, что стрелецкий пушечный десятник, это как сейчас, сержант, артиллерийский отделенный командир, Трофим по прозванью Федорищев из засечной стражи Староямного городища за отражение набега сотенной ватаги крымчаков пожалован наказным воеводой Коновницыным наградным серебряным рублем. Это тогда вроде как за георгиевский крест считался.

Я-то на военную службу не попал, а батя мой в артиллерию срочную служил — тоже поддержал традицию от засечных стрельцов-пушкарей. А вот дед, Кирюхин значит прадед, что после войны пединститут закончил и пошел хорошо по партийной части, пока ее самую родную не упразднили за семь лет до кончины его, изменил стрелецкому роду, во флоте служил. Призван в тридцать девятом на только что образованный Северный флот, там же войну встретил и всю ее ломал; демобилизовали только в сорок седьмом: тогда кадровых, то есть призванных до войны, солдат и ундеров во флоте и авиации подзадержали на пару-тройку лет — чтобы не снижать боеготовности...

Поскольку стрелецкая тема исчерпана, а стопки не устают наполняться, то разговоры за столом переходили к общим темам: о происках американцев и мудрой политике кого надо, мировом кризисе и падении курса рубля к поганым доллару и евро.

♦ О своем флотском прадеде, Илье Егоровиче, Кирилл, сам-то всего лишь три года как не заставший его в живых, все досконально знал от деда Филиппа Ильича, родившегося в сорок девятом году — два года потребовалось демобилизованному военмору-североморцу, чтобы по прибытии в родной Тулуповск жениться и обзавестись наследником рода и нехитрого капитала: колодки военных медалей и ор-

дена Красной Звезды, да еще высокочтимых в армейско-флотской среде двух нашивок за ранения.

Призванный по кряжести фигуры, среднему образованию и курсов ОСОАВИАХИМ'а по радиоделу во флот, Илья Егорович после учебного отряда на Соловках прибыл в Полярный, главную базу Северного флота, самого молодого в стране, где был определен радистом на эсминец «Стремительный», вроде как флагман тогда еще не богатого надводными кораблями флота за Полярным кругом. После начала войны эсминец повоевал недолго: в самом старте осени немецкие самолеты с норвежской базы сумели обойти зенитные батареи, плотно окружавшие подступы к главной базе флота, и сбросили бомбы на корабли и пристани Екатерининской гавани Полярного. Прямыми попаданиями полутонной фугаски «Стремительный» разломило пополам. Половинки мигом затонули, но большая часть экипажа, оказавшись в воде, да еще перепачканые разлившимся мазутом — эсминец полностью заправился топливом перед выходом в море, — была поднята на борта подоспевших катеров и деревянных ботов. Екатерининская гавань не слишком уж широка; от стоявшего на рейде эсминца до обоих берегов, острова Екатерининского и материкового городского недалеко, поэтому многие из краснофлотцев и сами доплыли. Уже старшина второй статьи Федорищев плавал хорошо, но без подошедшего катера вряд ли бы спасся: при взрыве ранило в ногу. Поэтому его, вместе с другими пострадавшими, прямо от пирса на носилках отправили в стоявший неподалеку главный флотский госпиталь.

После удачного излечения старшина Федорищев вышел из госпиталя с легкой — на всю долгую жизнь — хромотой на левую ногу, а на форменке с первой нашивкой за ранение — редкостная в самом начале войны медаль «За боевые заслуги», посколь-

ку в момент взрыва бомбы, разломившей «Стремительный», не поддался панике: выбегая из своей радиорубки, действовал по уставу — схватил шифровальную, с грифом «Совершенно секретно», книгу, засунул ее в вырез форменки и выпрыгнул за борт. Как он вспоминал, действовал на автомате, почти не чувствуя раны ноги... И когда в конце сорок третьего ему, вызванному в Полярный уже главстаршине, героический командующий Северным флотом адмирал Головко вручал «Красную Звезду», то тотчас припомнил: «А-а, так ты и есть тот Федорищев со «Стремительного», что раненый сумел вынести с корабля шифровальную книгу? Ну вот теперь и орден вдобавку к медали носи!»

Увы, все по тем же флотским уставам даже слегка хромающим на кораблях быть не положено. Так Илья Егорович стал и до Победы воевал «сухопутным моряком», а конкретнее — сначала радистом, потом главстаршиной и начальником береговых постов наблюдения и связи. Первый год такой службы пришелся на различные посты на выходе из Кольского залива в Баренцево море: Кувшинская Салма, остров Горос, на полуострове Средний. К осени сорок второго года, как крепкий крестьянин обживается в своем новом, хлопотном хозяйстве, так и Северный флот, подошедший к началу войны в стадии спешного доустройства, избавился от лихорадки торопливости, установился в своей, так сказать, инфраструктуре от сухопутного фронта, который в его «владениях» почти что не отодвинулся в нашу сторону от довоенных границ с Финляндией и Норвегией, до Йоканьги и далее по Терскому берегу Кольского полуострова, что омывается Белым морем. Людей уже не дергали поминутно.

Послужив полгода на очередном посту в Седьмаволоке, обеспечивавшем связь и наблюдение для береговых батарей морской артиллерии, прикрывав-

ших вход в Кольский залив, заслужив звание главстаршины, Илья Егорович получил под свое начальствование пост на стыке полуостровов Рыбачьего и Среднего, где и «застабилизировался» до конца войны.

...И сейчас в домашних застольях, в память о славном краснофлотце, патриархе семейства, после перехода от разговоров к песням, Филипп Ильич, а в его отсутствии (жил он с супругой отдельно) Андрей Филиппович, затягивали гимн Северного флота: «Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет...». И с особым одушевлением пели строки: «...Растаял вдалеком тумане Рыбачий, родимая наша земля!» Так непроизвольно, сызмальства в голове Кирилла и сложилась неразрывная связь ассоциаций: героический прадед — Северный флот — полуостров Рыбачий в почти что осязаемых туманах.

Илья Егорович хотя и окончил пединститут, но по физике, куда как близкой к его военной профессии связиста, радиотехнике. И хотя пошел по партийной линии, в каковой тогда очень приветствовались основательные, образованные люди с большим военным и жизненным опытом: все же год войны за три мирных! Опять тогда еще не появились позднебрежневские «шалуны-партайгеноссе» в среднем партийном звене, что порхали по карьерной лестнице как «и в поле жнец, и на дуде игрец»: неважно где руководить, лишь бы руками — водить. Партийный руководитель должен был хорошо, желательно отлично, разбираться в сути дела организации или предприятия. Таким парторгом был Илья Егорович, возглавляя (сам напрашивался!) организации в исследовательских институтах и заводах Тулуповска с профилями, близкими к связи и радиоэлектронике. Даже став, на вершине невеликой своей карьеры, одним из райкомовских секретарей — по промышленности,— он сам себя порекомендовал, для пользы

дела, в тот район областного центра, в котором преобладали предприятия и организации такого профиля.

Более того, сына своего Филиппа по окончании срочной службы склонил на вечернюю учебу по существовавшей тогда в Тулуповском политехе радиотехнической специальности (сын после армии скоро женился, поэтому совмещал работу с учебой). Но самое удивительное, за что Илья Егорович получил в широких начальственных кругах Тулуповска прозвище, впрочем, вполне добродушное, *радиопарторга*, так это его любительское радиоконструирование и даже личная радиолюбительская коротковолновая радиостанция с позывным *UA3РУ*. Даже пары-тройки доносов-анонимок, дескать, партийные тайны морзянкой империалистам передает, в «службу Кленового переулка» удостоился. Тамошние «компетентные» хотели; мол, для целей контроля этого спортивного занятия, возглавляемого в рамках страны героем-полярником Эрнестом Теодоровичем Кренкелем, есть инспекция электросвязи, которой в Тулуповске заведует отставной полковник «органов» Авзурагов...

К паяльнику* и азбуке Морзе Илья Егорович приучил сына Филиппа еще в среднешкольном возрасте. У них осечка вышла лишь с внуком и сыном, соответственно: Андреем, отец будущего Кирилла, испытывал неодолимое, явно от предков-стрельцов, тяготение к военной механике, потому и окончил соответствующий факультет политеха. Но здесь наступила эпоха частнособственничества, Андрей Филиппович занялся торговлишкой и постепенно дошел до нынешних времен «среднеклассным предпринимате-

* Буквально на днях услышал поциальному радио нынешнюю присказку в том роде, кто из современных мужчин знает что такое паяльник и как им пользоваться, тот заслуживает звания уникума... — Прим. авт.

лем, России спасателем», как иронизировал над сыном Филипп Ильич, лишь в преддверии своего семидесятилетия ушедший на пенсию из знаменитого Конструкторского бюро академика Гусакова. Он же, что называется на дому, прошел с внуком Кирией почти полный курс радиотехникума. С азбукой Морзе по второму спортивному разряду впридачу.

◆ День рождения Кирилла случился неудачным, то есть в первый класс он пошел почти восьмилетним. И родители его как-то не сообразились отдать его в школу в неполные семь лет. Как раз мировой кризис случился, мелкопредпринимательские заботы Андрея Филипповича отвлекли от семейных дел, а мать Кирюши, как и все жалостливые русские женщины, даже рада была: пусть чадо еще годик на воле, а не за партой, проведет. С нынешними-то молодыми училками, глупыми и кобылистыми! А тут еще раз (первый при Никите в шестидесятых годах...) с американцев собезьянничали одиннадцатилетку. Словом, по окончании школы у Кирилла имелась только одна попытка поступления в университет, если принимать во внимание повестку из военкомата. Дедово воспитание и авторитет Филиппа Ильича в отношении сына со снохой, тем более Кирилла, в таковом случае полностью исключал откуп внука от службы, добывание медсправки и прочего инструмента отлынивания. Впрочем, Кирилл не особо-то верил в военкоматовские повестки, исходя из статистики. Слыша в начале весны и осени из телевидения об очередном призывае, где уже привычно фигурировала цифра призываемых в полторы сотни тысяч по всей стране, не выходя за пределы арифметических операций, он вычислял вероятность попадания на срочную в 0,1 %, а в течение года в 0,2 % от численности населения страны, что означало, соответственно, не более десяти и двадцати процентов для ребят призывного возраста. Так что эта самая вероятность попасть в та-

ковые счастливчики не то что мала, но разумна. Да и по жизни он это видел: мало кто из его дворовых и школьных знакомцев, просто знаемых, в армии служил. И в самом, относительно большом областном городе, после спешного закрытия высшего ракетно-артиллерийского училища (с девяностых — института), он видел людей с армейскими атрибутами одежды только в традиционные праздничные дни десантуры, моряков и пограничников. Да и то здесь преобладали парни в тридцать и более лет. Все понятно, время миллионных сражений под барабанный бой, с развевающимися знаменами прошло. Теперь армии мобильные, но достаточные, как говорили с тех же телеэкранов. Политический, совковый оппортунист дед Филипп Ильич ядовито вторил при этом известному эстрадному смехачу: «Пенсия у меня маленькая, но хорошая».

Поэтому, обидно не добрав по своим «эге»-баллам всего-то одного «шара» на радиоэлектронную специальность тулуповского универа (почему-то в этом году она вдруг приобрела популярность?), он вовсе не огорчился, решил, переждав год, повторить попытку. Идти же на платную учебу, о чем было заикнулся отец («Дела, Кирия, у меня сейчас, тьфу-тьфу, вроде нормально идут, осилим...»), он — с подачи деда — категорически отказался. Все по его разумным доводам, да и сам он серьезно избрал радиодело своей будущей профессией, Кирилл не стал этот год тратить на обычную подработку: по компьютерной части поденщиком, мелочной торговлишкой, иной лабудой, а устроился — по газетному объявлению — учеником радиомонтажника в опытное производство оборонного радиолокационного исследовательского института. Правда, заведение это, некогда гремевшее в оборонпроме, где был разработан в послевоенные годы первый советский военный радиолокатор, в девяностые годы почти затихло, но сейчас

оживилось, конечно, в намного меньших, по сравнению с советскими временами, масштабах.

Окончив краткосрочные курсы и сдав на профессиональный разряд, Кирилл до весны трудился в опытном цеху, многое научившись делать, а главное — соображать в части практической радиолокации. А полновесная, уже не ученическая стипендия! зарплата вызывала неподдельное уважение родителей, гордость совкового деда и, разумеется, некоторое чувство самоуважения самого Кирилла. Собирался он работать до второй попытки поступления. Тем более, в университете со следующего учебного года открывалась специальность радиофизики. Это Кирилла очень обрадовала: во-первых, радиофизика — это инженерная теория радиолокации — здесь он в точку попал! во-вторых, именно по причине инженерно-физической сложности этой специальности желающих поступать на нее, во всяком случае, не толпы наберутся. Не случится давешнего казуса с недобраным «эге»-баллом.

«Бог не Микишка, видит на ком шишка» — неожиданно сбылась на Кирилла обычная дедова присказка. Негаданно в военкоматовской лотерее, или как там они выбирают призывников, он получил повестку на весенний призыв. Даже советский дед несколько огорчился, вспомнив о броне девяностых — начала двухтысячных годов для работников оборонных предприятий. Может даже поэтому — «и ты, Брут, продался красным командирам» (эпопея о Бендере была прочитана Кириллом трижды) — он с неизжитым еще юношеским гонором пошел в военкомат, где очень даже одобрили его отменное здоровье и кряжистую стать потомка засечных стрельцов. Углядев же в коридоре военкомата пожилого флотского офицера, явно трудившегося здесь на пенсионной отставке, Кирилл подошел к нему, рассказал о североморце Илье Егоровиче, своем прадеде, вое-

вавшем на полуострове Рыбачьем, раненом на потопленном немцами эсминце «Стремительный», о своем желании именно на Северном флоте служить. Кавторанг обнял парня как родного: «Да ты... да я...». Выяснилось, что сам он, в числе прочих флотов, семь лет базировался в Полярном на дизельной подлодке: от выпускника ленинградского училища подводного плавания, знаменитого ЛВВУПП* до четырех звездочек каплея на погонах. А узнав, что крепкий телом и рассудительный языком призывник еще и радиолюбитель со стажем, спортсмен-морзиست и имеет профессиональный разряд по монтажу и сборке радиолокационных станций, и вовсе пришел в восторг и прямо повел его к военкому. Несмотря на малую квоту по Тулуповску на флот, еще меньше на Северный, Кирилл в положенный срок, напутствуемый гордящимся внуком Филиппом Ильичем, озабоченным своим *business* отцом и даже слегка всплачнувшей матерью, а также недоумевающими («Мало ему года в пехоте, так, чудила, на удлиненную службу во флоте сам напросился!») приятелями, прибыл на сборный пункт военкомата. Через Москву, затем полторы суток на мурманском поезде, а далее служебным автобусом по левому берегу Кольского залива, он прибыл в Полярный в начале заполярного лета с незаходящим суточным солнцем. Из карантинной казармы любовался неожиданно большим городом, раскинувшимся вольготно своими многоэтажными домами по гранитным сопкам и пологим ущельям между ними. Окна его учебного отряда выходили прямо на Екатерининскую гавань, в которой тонул восемьдесят лет назад раненый на разбомб-

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — знаменитая, орденоносная кузница кадров советских (и нынешних) подводников.— Прим. авт.

ленном немецкими самолетами эсминце «Стремительный» его прадед Илья Егорович.

♦ С первых дней учебки, естественно попав по сопроводительным из тулуповского военкомата (давешний отставной кавторанг постарался на совесть, расписал как надо!) документам на него в разряд радиистов, Кирилл узнал, что главной базой Краснознаменного Северного флота является Североморск — в получасе ходьбы катера от Полярного наискосок по Кольскому заливу, а Полярный суть главная же база Краснознаменной Кольской флотилии, задача которой есть охрана в мирное, а главное в военное время береговых и водных рубежей «владений» Северного флота от норвежской границы до беломорского Терского побережья Кольского полуострова. То есть, как объяснил начальник учебки по военному кратко и доходчиво, Североморск с его крейсерами, сохранившимся единственным авианосцем, атомными подводными лодками, рассредоточенными по губам кольского побережья и большими противолодочными кораблями крейсерского типа — это стратегия, а наша флотилия есть оперативно-тактическое охранение этой стратегии в местах ее базирования.

Действительно, около пирсов Екатерининской гавани Кирилл видел только стоящие в несколько номеров, то есть ошвартованные борт к борту, сторожевые и торпедные катера, минные тральщики и другие корабли малого класса. «Ничего, служить на них даже ответственнее», — не огорчался Кирилл, что не суждено ему попасть на крейсер, эсминец, стратегическую или ударную атомную подлодку. Сам ведь в военкомате в Полярный напросился! — продолжать прадедову традицию. Назвался груздем, так полезай в кузов.

Но к окончанию изучения уставов, освоения маршевого шага и ознакомления с корабельными радио-

средствами Кирилла ожидало огорчение. Ему объяснили, что вакансии корабельных радистов сейчас заняты и вообще все идет к тому, что экипажи все более формируются из сверхсрочников, которых ныне именуют по-американски (здесь солидный, близкий к отставному возрасту начальник учебки поморщился) контрактниками. Поэтому, учитывая добродушные рекомендации матросу Федорищеву с места призыва, профессиональное знание радиолокационной техники, навыки радиоконструктора и — здесь офицер уважительно растянул слова — спортивный разряд по азбуке Морзе, оный матрос направляется для прохождения дальнейшей службы на береговую радиолокационную станцию на полуострове Рыбачьем. Заодно кавторанг, отметив некоторое усомнение на лицах матросов при упоминании азбуки Морзе, разъяснил, что нынешняя высококлассная техника связи, даже с привязкой к космосу, дело хорошее, но флот по диспозиции всегда должен находиться в состоянии, близком к военному, а в начале боевых действий и спутники могут сбить, телекоммуникационные сети вирусами и иными действиями из строя напрочь вывести, сложно организованную радиосвязь заглушить средствами радиопротиводействия... «словом, товарищи матросы, по крайней необходимости нет ничего надежнее в пехоте мосинской винтовки, а в радиосвязи азбуки Морзе! Говорят много знающие люди, что и в технических службах генштаба, в управлении стратегическими войсками обязательно есть морзисты».

...Сторожевиком, идущим в район Печенги на норвежской границе, матроса Федорищева и еще одного салагу, призванного из Медвежьегорска, что на юге Карелии, доставили на «точку» восточного берега полуострова Рыбачьего. Где-то рядом в войну служил прадед Илья Егорович. Круг через восемьдесят лет замкнулся его потомком.

♦ Уже вполне освоившийся со службой, Кирилл, вновь возвращенный годками* к прежнему дворовому и школьному Кире, в законный выходной, что на их точке не общий воскресный, законодательный ранее для царской, потом советской, а сейчас российской армии, но по дежурному скользящему графику, в ласково-теплый августовский день спустился по пологому склону своей береговой сопки в ложбину, объелся уже перезрелой, значит в самой сладости, морошкой и неторопливо по травянистому взгорью поднялся на соседнюю — в материковую сторону — сопку. По простоте уединенной жизни их точки, на полтора десятка километров, как циркулем отведенных, удаленной от мест обитания других живых душ, все отделение, обслуживающее радиолокационную станцию, давно забыло, что такое отутюженные клещи, форменки с гюйсами, щеголеватые надраенные ботинки. Если по повседневно-выходной форме и одевались, чертыхаясь, то когда радиист Киря оповещал командира отделения главстаршину Игоря Семейкина, родом из Курска, что к ним на катере приближается начальство, обычно регламентное инженерное. Понятно, чаще не официально сообщали, а по «флотской» перекличке: огонь по линии, ку-каре-ку!. Но таковое случалось редко, раз в полтора-два месяца. А так форма одежды, исключая время сна, регламентируемая как рабочая. Летом — отродясь не знавшие утюга холстинковые, то есть из тонкого брезента, белые просторные штаны и поверх выпущенная роба с вырезом, как у форменки, под которой тельняшка. На голове черная пилотка — если дождик накрапывает, ноги обуты в ботинки-бахилы чуть ли не из бычьей кожи с подрезиненными подошвами. На гражданке такие носят грузчики,

* Годки на флоте, как и земели в сухопутных войсках, принятое обращение друг к другу сослуживцев рядового состава.— При. авт.

строители и канализационные ремонтники. В совсем жаркие летние дни щеголяют, у кого имеются, в кроссовках. На самой же точке в такие дни, в «избушке», в рабочем отсеке станции и в ходьбе между ними и вовсе черные тапочки с запятниками на резинках. Как объяснили Кириллу, удобные эти тапочки по форме одежды не значатся, но по сложным взаиморасчетам с интендантскими годками даже в такой глухомани они не редкость. Поговаривали старослужащие, что такая обувка суть рабочая форма одежды атомных подводников. Чтобы под водой, затаившись, ботиночными каблуками не стукотали.

...Поэтому, взобравшись на сопку, на плоской верхушке поросшую на тонком слое мшастого торфа уже пожухлевшим вороничником, не опасаясь помяться, он полуприлег, подперев скулу ладонью правой руки, локоть которой мягко утоп в пружинистом мху. Полное, увы, короткое блаженство несуетливой жизни на кромке Заполярья: в полутора километрах отсюда и вполовину ближе от их точки — берег Баренцева моря, от которого по прямой линии до Северного полюса *ни единого клочка земной суши*.

Не ленив, тем более не трусоват Кирилл, потомок засечных стрельцов рода Федорищевых, но все не сокрушался, что не попал на боевой корабль. Здесь жизнь, флотский устав, во всем регулирующий разумно человеческие взаимоотношения, сама дикая и контрастная — теплое лето и полярная ночь, которой незлобиво пугали его старослужащие — природа, словом, все так поразило среднерусского горожанина Кирилла в первые две-три недели пребывания на отъединенной от всего мира точке, что и сейчас, ко всему привыкнув, полагал себя то ли жильцом обитаемого Марса, а скорее путешественником минувших веков, добравшимся до края окоема земли. Даже хозяйство их точки не снижает впечатления: радиолокационная станция на колесах, застопоренных гранитными булыжниками, круглосу-

точно отслеживающая свой сектор моря неспешным поворотом вправо — влево решетчатой, изогнутой в рабочее поле обзора антенной, установленной на коробе рабочего отсека с дежурным, рядом «избушка» — кирпичный домик казармы на отделение, десяток матросов, а между ними уже подлинно избушки без окон и курьих ножек, но с дверью, из гофрированного оцинкованного железа, в которой установлен аварийный дизель и стоят бочки с соляркой. Это на случай, если в мирное или военное время закоротит или перерубится взрывом, соответственно, проложенный неглубоко — не гранит же взрывать! — силовой кабель от центрального поста, далекого отсюда. В параллель с ним уложен и связной кабель, по которому круглосуточно же идет на этот пост отслеживаемая станцией картина сектора обзора. И еще уставная скамейка с бочкой, наполненной до половины песком — место курения. Но это скорее в здешней безнадзорности для проверяющего начальства. Наконец, утоптанная уже не одним призывом годков спортивная площадка: с одной стороны символические футбольные ворота из жердин, с другой — столб с волейбольной корзиной. Понятно, это самодеятельность предшественников. Проверяющие золотопогонники не возражают.

Вот дымок из печи казармы. Это Антон, кок по совместительству, харч на обед и ужин сразу гоншил. Главстаршина Семейкин, впрочем Игорь в общении, вышел из рабочего отсека станции, повернулся лицом к берегу. Что он там высматривает? Наверное, замечтался о своей будущей квартире в Курске, на которую второй год зарабатывает деньги, оставшись на сверхсрочную, то бишь контрактную службу. Невеста, с которой он познакомился в отпуске после окончания срочной, надежная. Это главстаршина безо всякого сомнения в голосе говорит: «Пока я здесь бабки заколачиваю, она тоже без дела не сидит: учится в медучилище и работает одно-

временно в больнице. Как раз через год и я отсалютую Северному флоту, и она в медсестры выйдет».

А на уставной скамейке сидит прибывший вместе с ним сюда Витя Кайнолайнен, карел из Медвежьегорска, но называет себя финном*. Кирилл усмехнулся: как у Маяковского тот электромонтер Ваня, что «в духе парижан нарек себя электротехник Жан». Но — отменно хороший парень. Сидит же на скамеечке не для курения, а книжку читает. У него сегодня не выходной, но он на подмене дежурного оператора станции. Вышел из казармы с удочкой на плече Серега Тишинский, москвич, прошлогоднего осеннего призыва, и — курс норд-норд на берег, треску ловить. Кок Антон, по согласованию с Игорем Семейкиным, отправил: «Рыбу жареную на ужин все любят с пюрешкой рубать, товарищ наш главстаршина, а ловить треску кто будет? Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, а?»

...Кирилл расхохотался, мысленно представив разговор остряка Антона с добродушнейшим, но служакой Семейкиным.

Точно, в другой мир попал. Люди немногие... Кирилл подыскивал нужные слова и нашел: точно вошел в кадры старых фильмов о Максиме Перепелице и Иване Бровкине. И не предполагал, когда случайно смотрел их по телевизору, усмехаясь пропагандистской советской наивности, что все это может быть сейчас в нынешней безличной жизни. Даже не сплачивающая людей отъединенность от большого мира и тот факт, что во флот военкомат и медкомиссия не пропустят невротиков и психопатов, хоть с подозрениями на таковые распространенные ныне ха-

* Без обиды как для карелов, так и для финнов: это совершенно один и тот же народ, только исторически разделенный в госпринадлежности. Язык у них один — финский; карельского даже диалекта нет. А знаменитый финский эпос «Калевала» был записан в Восточной Карелии, на берегу Белого моря... — Прим. авт.

рактеры молодежи, переносили их крохотное подразделение в кадры тех давних фильмов, той совершенной другой жизни. Просто достаточно современному, наглою компьютеризированному «онлайкину», почти что моральному уроду, подперченному лицемерием «толерастии» и политкорректности — Кирилл не побабски на других здесь кивал, но здраво и себя оценивал, — попасть в естество природы, тем более дикой северной, как вся воспитанная дурь, уничтожающая все естественное человеческое глобальная оцифровка — все в считанные недели отлетают в небытие.

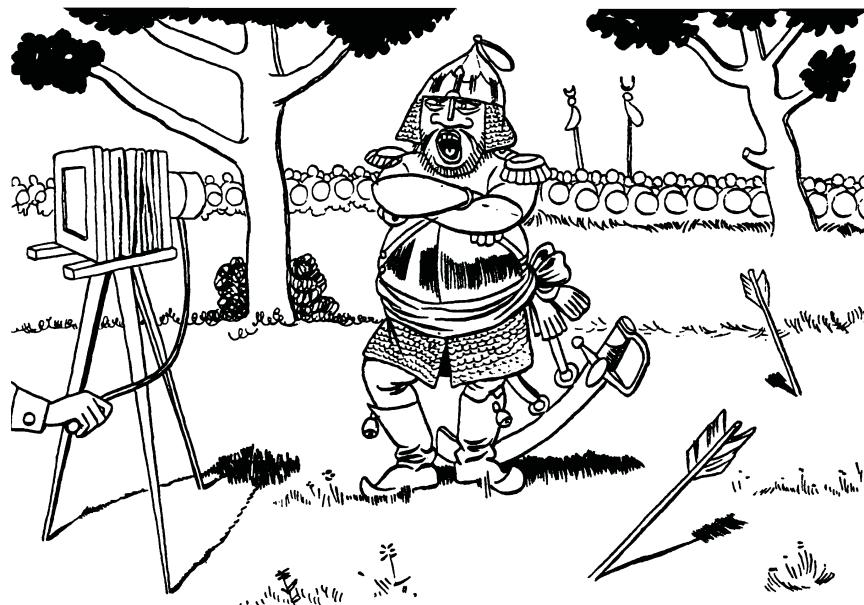
Сейчас же Кирилл почти с ужасом вспоминал о городской своей жизни, исключая только наставительные, не нудные, но занимающие воображение рассуждения деда Филиппа Ильича, домашнюю радиомастерскую и работу в радиолокационном производстве. Нет, да и по инструкции не положено быть здесь интернету. Вместо отсутствующей сотовой связи только раз в месяц короткий телефонный звонок домой через коммутатор в Полярном. Зато Кирилл впервые в жизни стал писать «бумажные», не э-мейловые, письма. Откуда-то взявшийся на точке телевизор хотя и принимает слабенько передачи мурманского телецентра — далеко, но по подстилающей водной поверхности сигнал, когда нет туманов, доходит, — но радиолокатор круглые сутки этот сигнал напрочь глушит. Одно радио, да еще кто-то из предшественников оставил на память братве видик под диски, вот и телевизор пригодился. Уже сложилась коллекция фильмов. Как говорят старослужащие, в полярную ночь хорошо помогают коротать время. И что? — Совсем распрекрасно, голова постепенно сама, без подсказки, учится мыслить. Глаза не портятся. Даже кончики пальцев, отвыкнув от клавиатуры компа и скольжения по стеклу планшета и смартфона, приобретают чувствительность, для которой они и были созданы природой. Кирилл, ко-

нечно, понимал категоричность своего юношеского максимализма, но от реальности же никуда не денешься? — Ведь все десять его сослуживцев, совершенно разных мест призыва, образа жизни, воспитания-образования, словом, все различные, даже четырех национальностей — с преобладанием русской, все одинаково забыли о механизирующем людей интернете, мобиломании, идиотизирующем телевидении. И все армия... в смысле флот помогли снять наваждение. Значит, военная служба сейчас единственно *предохраняет* человека от превращения его в робота непонятного назначения.

...Кирилл служил добросовестно. И чем ближе шло к дембелю, тем чаще он вспоминал дедовы сожаления, что-де в свое время послушался отца своего Илью Егоровича и поступил в тулуповский политех, а не исполнил его армейскую мечту: идти в военные, для чего закончить в Ленинграде военную академию связи имени Семена Михайловича Буденного.* При случае расспросил прибывшего на точку с регламентной инспекцией инженерного офицера. Тот его порадовал: академия эта в Питере, правда, с несколько иным названием, жива-здрава. А при хорошей аттестации старшего матроса (Кирилл уже и в чине подрос!) Федорищева до приема в академию допустят после окончания срочной.

* Здесь имеется в виду, что дед Кирилла родился в 1948—49 гг., то есть окончил школу в 1966 году, когда завершилась «хрущевская одиннадцатилетка» и имел место одновременный выпуск десяти- и одиннадцатиклассников. Забота советской власти, учитывая и двойные конкурсы в вузы, проявились и тем, что в этот год, в порядке исключения, было разрешено принимать в военные академии не только офицеров, но и школьных выпускников. Кстати, это же имело место быть в послевоенные годы. В определенных случаях это и сейчас допускается.— Прим. авт.

Если между шахматными фигурами и большинством современных российских сословий приходится, наморщив лоб, искать аналогии, то между шахматными офицерами и их коллегами в вооруженных силах никакого различия нет — за исключением контрактников, воюющих в «горячих точках», и младших офицеров в гарнизонах глухих мест. В больших же городах, не говоря уже о столицах, улицы в разгар служебного дня заполнены чинами не ниже майорского достоинства в самых разнообразных мундирах. Все они при портфелях-дипломатах, останавливаются перед каждой витриной, в винных отделах магазинов покупают водку хорошей выделки или «мартини» для дам, в аптеках запасаются презервативами. Пистолеты у них отобрали еще «ранний Ельцин».

ЛЕЧИТЬ ПРОБЛЕМУ...

Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что́ надо делать. «Врачи говорили, что надо убить запятую^{}, а народ думал, что надо убить врачей».*

Н. С. Лесков «Импровизаторы (картинки с натуры)»

◆ Шалопаистый Серега Евсюков никогда не задумывался о философских категориях, вполне резонно полагая, что для обретаемой им профессии врача, как сугубо практической и приземленной, всякие научообразия излишни и вообще вредны. Хотя интуитивно и догадывался: всякие последствия имеют предшествующую цепь причинностей, причем цепь эта не обычна собачья, а хитросплетенная с совершенно случайным сочетанием завитков. Но ведь и самый изощренный ум не может предугадать архитектуру таких сплетений?

К чему это мы? А к тому, что огорчительному конфузу студента-медика Сереги Евсюкова на выпускном госэкзамене предшествовали самые различные звенья, одни из которых не имели отношения к Сереге, другие — к госэкзамену и так далее. Например, его происхождение: из классической семьи — отец инженер, мать учительница — оба с советским началом, но только до окончания школы. Поэтому-то отец только по образованию инженер, а так на

* В русской публицистике конца XIX века запятой называли уже открытый холерный вибрион, под микроскопом имеющий форму запятои.— Прим. авт.

подхвате по технической части, правда, в достаточно крупной фирме, и с деньгами не роскошествует, но и не нищенствует. Словом, небольшую свою семью содержит, так сказать, среднестатистически.

Вот-вот, здесь другое звено сплетается с предыдущим, коль скоро о статистике проговорено. Проговорено же было московским профессором, но здесь и другое звено цепи пристегивается. Медицинский факультет, на котором шесть лет учился, а теперь оканчивал Серега, был из разряда классики лихих девяностых, а именно: два десятка с лишним новообразованных в областных центрах, из прежних технических и педагогических институтов, университетов «классического типа» в одночасье обзавелись, в числе прочих, медицинскими факультетами. Коль скоро в те славные годы первоначального, ваучерно-воровского, накопления капитала никому дела не стало до образования, разные министерства которых употребились той фольклорной корове, которую доит деревенский вор, то там просто махнули рукой: открывайте какие хотите факультеты, хоть изучения марсианской флоры и фауны, только не толпитесь в наших приемных. Дескать, не до тебя, паря, не до тебя. Зато областные воеводы с возвращенными их сословию званиями губернаторов поддержали новооткрывателей: теперь в их областях своих эскулапов будем готовить! Сложнее дело с кадрами. Поэтому поначалу часто приглашали вахтовым порядком московскую профессуру. Те с удовольствием в Тулуповск приезжали: недалеко, дорога неутомительная, а здесь покрасуются, пообщаются с робкими (не московское хамье!) студентами, а по вечерам банкеты за счет заведения. Это ведь как отдых на дачке. И милое провинциальное юношество, по наивности неофитов знаний жаждущее, с восторгом слушало лекции маститых столичных профессоров, которые наизусть лекции читают, а не посматривая в раскры-

тые и перелистываемые учебники, как местные преподы, спешно набранные из различного народа...

А профессора те свято продолжают со времен первых русских университетов сложившиеся традиции, в каковые по части медицины входят непременные остроты и анекдоты. Так и доверие студентов достигается и разрядку дает, мол, мы писали, мы писали, наши пальчики устали... и так далее. Так в обиход провинциального медфакультета входят остроты, уже местными доцентами из года в год повторяемые. Например: «Хирург все умеет, но ничего не знает; терапевт все знает, но ничего не умеет; все знает и все умеет патологоанатом, но уже поздно». А со статистикой связана присказка: «Есть ложь, есть грубая ложь, наконец, есть медицинская статистика».

Вот на эту медстатистику нанизывается еще одно звено, отдаленно связанное с конфузом Сереги Евсюкова на госэкзамене.

Только что в местном, областном облздраве, в девяностых переименованном в департамент, а ныне и вовсе в министерство, случился грандскандал с оргвыводами. В столице, в настоящем министерстве, остались недовольны статистическим отчетом за прошлый год по нашей области. Особенно не устроили вышестоящих цифры смертности по сердечно-сосудистым заболеваниям. Как раз на должность местного медик-министра заступил совсем молодой, даже не достигший тридцатилетнего возраста родной племянник мощной руководительницы кадрами обладминистрации, что крепко сидит на своем месте: я, мол, четырех губернаторов пережила и сколько-то их еще будет! По молодой наглости и полному отсутствию административной грации, зарвавшийся молодец не только начал хапать не по чину, но и посмеялся в части медстатистики, объявив подчиненным в том смысле, что если в Москве не нравятся цифры по

сердечным болезням, то перепишите этот отчет, убрав эти цифры в несколько раз, а умерших «расташите» по другим нозологическим группам. И привел пример: допустим, отдал богу душу сердечник, едучи в автомобиле или в простонародном трамвае, так и пишите его по графе ДТП. И так далее, сами сообразитесь!

Исправленный статотчет прибыл в Москву одновременно с доносом на зарвавшегося племянника. Известно со времен Гиппократа, Авиценны и древнеиудейского Маймонида, что именно по медицинскому ведомству доносы есть самый распространенный рабочий инструмент. По закону «парных случаев», тоже исповедуемому в медицине, как раз в области сменился губернатор: прежний ушел с должности с очень сомнительным диагнозом «по собственному желанию». А новый удельный руководитель на Руси со времен еще языческих Гостомысла и Рюрика в самом начале своего властования ведет себя стереотипно и проверенно, как то великолепно описал (сам вице-губернатор, а в нашей губернии председатель Казенной палаты) Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в цикле сказок про медведя на воеводстве: для начала устраивается кровопролитие — чтобы хорошенъко запомнили! Здесь же и заслуженная жертва есть — зарвавшийся племянник. Его с позором — то есть перевели на менее заметную должность в другом месте — изгнали, провели образцовую порку и в самом облздра... то есть министерстве. Дело получило всероссийскую огласку.

...Не будем утомлять и запутывать читателя называнием звеньев цепи, а просто укажем на два основных, что причастны к конфузу Сергеи Евсюкова на госэкзамене: учительница мать и новая областная медминистрша. Да еще введение в последние тридцать лет в обиход русского языка множества американанизмов. Теперь сочененную своими звенья-

ми причинно-следственную цепь накинем на попавшего в ее тенета Серегу.

◆ Учился Серега ни шатко ни валко, но далеко не двоечник, даже ближе к четверочнику, нежели записному тройбанщику. А на фоне иностранцев, бывших советских среднеазиатов и ближневосточных арабов, у которых по бедности не было денег для учебы в американах-европах, даже в российских медвузах «с традицией», и вовсе отличником гляделся. На шестом курсе госэкзамена не опасался. Правда, уже год как пресловутая «оптимизация» в медицине — самая грандиозная после строительства Панамского канала афера — наказала и образование: отменили ранее обязательную для всех медиков интернатуру. А в двухгодичную ординатуру по числу мест все не попадали. То есть выпускники всего лишь с дипломом об окончании медвуза единственным местом работы могли иметь только должность поликлинического терапевта. Самую ничтожную и малодоходную. То есть все же озабочился Серега: чем с лучшей стороны на госэкзамене покажешься, тем больше вероятность, что на тебя обратят внимание члены комиссии, то есть завкафедрами и главврачи городских лечебниц — руководители ординатур по специальностям. Понятно, что и весь шестой курс — сальным прицелом на ординатуру — тоже требовал поднапряга, чтобы закрепиться в памяти руководителей ординатур. Конечно, это не относилось к среднеазиатским и ближневосточным студентам: им нужен только диплом, чтобы на своих исторических родах занять должности по медицинскому чиновничеству.

Вот почему Серега Евсюков, по необходимости, на последнем курсе слегка посеръезнел, научился у девок лицемерить перед преподами, а у иностранцев, у ближневосточных арабов, льстить, хотя бы по домашнему воспитанию по жизни к таковым качествам относился брезгливо. Нужда заставит и петухом запоешь!

Настал момент истины. С начала экзамена волнующиеся выпускники узнали и новость: впервые за двадцатилетнюю практику госэкзаменов их почтило своим вниманием областное медицинское начальство в лице новоизначенной вместо огорчительного племянника здравоохранительной министерши. Почему впервые? Казалось бы, кому как не губернскому медчиновничеству пестовать *собственную кузницу* кадров, гордиться ею и всячески афишировать в прессе, на телевидении, главное, в отчетах для Москвы. Ах нет, здесь нашла коса на камень. Хотя за двадцатилетие выпусков эти кадры уже на три четверти составляли медперсонал города и всей области, трудились и специалистами и завотделениями, один даже сумел стать главврачом областной больницы, но быстро проворовался и ушел в отстой, тем не менее для департамента, потом министерства областной медицины, а значит и для масс-медиа, таковой кузницы кадров как бы не существовало. Более того, все эти двадцать лет, явно с департаментско-министрской подачи, сарафанное радио, традиционно сильное даже сейчас, в интернетовский век, распространяло слух, что-де на медицинском факультете местного университета готовят вовсе не врачей, а фельдшеров и медсестричек!

Причина опять же в исторически глубокой традиционности уклада и устройства жизни древнего, ровесника столицы, города. Избегая неполиткорректного, введенного в мировой обиход Джузеппе Гарибальди* термина «мафия» использовать не станем.

* Мафия — это аббревиатура MF — блестяще использованная Гарибальди в многолетней борьбе с Австроией за освобождение Италии и создании единого государства традиция «семей» Сицилии и Южной Италии: мафиозные семьи финансировали армию Гарибальди. Это как эсеровские и социал-демократические «экспроприаторы» готовили русские революции в начале XX века. Классическая здесь фигура — Камо в Закавказье.— Прим. авт.

Просто именно и только в медицинской сфере в городе еще с царских времен сложилась даже не родственная семейственность, но скорее династичность «духа и порядка», куда чужаков на любые руководящие должности, а также в образовательные сферы и, так сказать, в круг ведущих специалистов-практиков, стремились не допускать. Но в лихие девяностые «все смешалось в доме Облонских», а руководителем областной медицины и создателем медицинского факультета стал не человек «семьи», но чужак — хотя бы он и трудился на гиппократовой ниве областной и городской медицины с момента окончания медицинского института, а в наши пенаты попал по распределению. Но — чужак он и есть чужак. Когда во второй половине девяностых порядок «в доме Облонских» начал постепенно восстанавливаться, то медицинская семейственность и династичность скоренько взяла реванш, отстранив чужака от здравоохранительной власти. Но медфакультет остался за ним, а потому и по сию пору пребывает в глухих нетях со стороны этой власти.

...Потому-то визит новопоставленной министерши на госэкзамен в качестве почетного члена комиссии и вызвал в головах студентов и преподавателей, руководства медфакультета многие думы и догадки, а вдруг? — Но никакого «вдруг» не было и не могло случиться. Все дело в пресловутой административной грации. Новый же губернатор, не зная о традиционности местного чиновничества (только в курс дел входил по прибытию), восхитился, узнав о существовании своей кузницы эскулапов, и сделал комплимент медицинской министерше на одном из совещаний с высшими чиновниками области. Той не оставалось ничего иного, как сделать визит осторожной вежливости на медфакультет, избрав в качестве повода полюбопытствовать насчет качества проводимого госэкзамена. Кстати, и дочь ее подруги со школь-

ных лет этот экзамен сдавала. Ну, это просто совпадение.

Серега Евсюков хорошо написал тест — первую часть экзамена. Уверенно и даже со слегка наигранной бойкостью отвечал на вопросы в части устной. Уже экзаменаторы одобрительно переглядывались, довольные ответами, явно собираясь следующего «на ковер» вызывать, как министерша, доселе молчавшая, выдерживавшая авторитет и монаршью снисходительность к происходящему — где вы, а вот где мы? — и обратилась к Сереге, уверенно ответившего на последний вопрос: о причинах, этиологии по-медицински, и патологии секреции пепсиногена, активирующущего или, наоборот, снижающеговыработку пепсина, регулирующегов, в свою очередь, поступление соляной кислоты в желудочно-кишечную систему, а значит в крайних случаях провоцирующих всякие язвенно-гастритные хвори, с вопросом общего характера, но по теме: «Скажите, студент, э-э, Евсюков, а как лечить эту проблему?»

Вот здесь-то и случился конфуз, который едва не стоил будущей врачебной карьеры Сереге Евсюкову, а его анекдотическая передача наверняка в будущем перейдет в фольклор медфакультета. Причину же конфуза, уже потом, здраво размышляя, Серега видел в учительнице матери, а более в том возбужденно-веселом состоянии, что обычно для студента, уже почти сдавшего экзамен, причем явно на хорошую, даже отличную оценку. Услышав адресованные ему слова доселе горделиво молчащей министерши, дамы профессионально чиновной, возраста последней, увы, уже косметической спа-молочно-восковой, молодости, полнота которой если и скрашивалась, то только высокой должностью, Сереге бы чуть призадуматься, припомнить из курсов патофизиологии, внутренних болезней и фармакологии, что показана здесь терапия препаратом омеза, а еще лучше (хотя в десять

раз дороже!) японского дексланспразола с торговым названием дексилант... но всю эту премудрость, в силу возбужденно-веселого, лихорадящего состояния, вытеснил образ матери, школьной учительницы литературы, в силу принадлежности к которой она люто ненавидела современную порчу русского языка: американизмы, околокомпьютерный жаргон, совершенную безграмотность всех, без исключения, вещающих на радио и телевидении. Даже неприятности в своей школе с родителями учеников по этому поводу постоянно имела. И директриса ее дружески уговаривала: «Екатерина Васильевна! Да так сейчас все говорят. Ведь зачем с ветряными мельницами сражаться? Вспомни, Катя, какому нас с тобой русскому языку учили в пединституте (подругами-однокашницами они были), и что мы вокруг слышим? Оставь, не наживай себе хлопот...».

Мать и дома порой, за тем же обедом, выплескивала свое возмущение супругу и сыну: «Как же можно на всю страну по телевизору и радио чуть не сто раз за день говорить: «Участники голосования, достигшие восемнадцати лет...»? Или полный идиотизм: якобы политкорректно называть афроамериканцем чистокровного африканского негра! А как обезьянническая, набившая оскомину «перезагрузка»? Мало им американского жаргона, так и чисто русские слова окончанием *инг* вовсю снабжают: паркинг, банкинг, инженинг!» Отец, которому в его заботах наплевать было на чистоту русского языка, принял рюмку перед обедом «для здоровья», подмигнув сыну, шутковато подначивал жену: «Вот-вот, Васильевна, все частят по ящику каким-то фашистским словом навроде «хрен-со-штегом». Да еще эти собачьи дети, телекомментаторы, издеваются над народом, обязательно это «хайль-штег» вставят, когда говорят о подготовке к парадам военным!»

...Но пуще Гитлера и Чингисхана с Мамаем Ека-

терина Васильевна ненавидела слово «проблема», ранее в русском языке употреблявшееся редко и только в науке, навроде «проблемы математики», «проблемы художественного перевода». «Теперь же,— возмутилась мать Сереги Евсюкова,— эта чертова «проблема» заменила половину всех русских слов. Понятно, американский диалект английского языка нищенски беден словами, вот у них и на каждом зубе это проблем. А нам это зачем? Я вот как-то вечер посидела и нашла под тридцать слов, контекстно заменяющих эту «проблему»! Противно...».

Теперь же, услышав вопрос министерши, внутренне ужасаясь своим словам, чувствуя что падает в бездонную пропасть, но уже не в силах управлять своей речью, Серега произнес одну из материальных язвительных присказок: «Так ведь лечить проблему все одно, что раскопать теорему! Лечат ведь болезнь, а не проблему?» Сказал и потерял дар речи, хотя собирался далее продолжить по существу вопроса — это про японский декслансопразол.

♦ В заскучавшей было от рутинности экзаменационного действия аудитории тотчас возникло заметное оживление. Глубоко плюющие на все медицинское начальство, знающие себе цену и незаменимость больничные специалисты, члены экзаменационной комиссии, откровенно заухмыляясь, даже поощрительно поглядывая на Серегу. Но заведующие выпускавшими кафедрами, как истинные верноподданнические преподы, зашикали на защитника русской словесности, с наигранным возмущением попарно перебивая друг друга: «Позор! Нашел место для островерия!» «Плохо, плохо их воспитывают деканат и общетеоретические кафедры!» «Никакого понятия о субординации!» «Таким не место в ординатуре, пусть поработает терапевтом в поликлинике, научится вежливости!»

...Председатель комиссии как-то ловко замял на-

зревающий скандал, переведя разговор на все усиливающуюся заботу областного здравминистерства об их факультете «с приходом к руководству известного организатора здравоохранения, поборника улучшающей его качество и доступность оптимизации, оказавшую нам честь сегодняшним присутствием Надежду Семеновну». Выйдя из минутного ступора, Серега каким-то чужим, вроде как бы со стороны произносимым, голосом все же рассказал о терапии препаратаами омеза, а еще лучше (про сравнение цен благоразумно умолчал) применении японского дексланспразола. Чисто машинально, боковым зрением, он отметил, что обиженно поджавшая несколько плотоядные губы министерша, щеки которой покрылись злым малиновым румянцем, вынула из своей сумки блокнот в кожаном переплете, что-то записала в нем, искоса заглядывая в экзаменационную ведомость, лежавшую на столе перед ее соседом — председателем комиссии. Понятно, запротоколировала полное ФИО Сереги. Это и ежу понятно. Некстати вспомнились и слова веселого московского профессора, рассказчика анекдота о медстатистике: «...Чиновники вообще народ злопамятный, но и здесь медицинские на голову выше!»

На Серегиных рассуждениях о японском препарате председатель сделал экзаменуемому отмашку рукой, дескать, достаточно, малоуважаемый, и так слишком много чего сказал. На ватных ногах вышел из аудитории. На расспросы толпящихся в коридоре однокурсников, еще не представших перед экзаменаторами, только — не хуже как только что председатель — махнул рукой и, провождаемый сочувственными взглядами явно равнодушных к чистоте родного языка однокашников, побрел к выходу из корпуса. Но и на улице застывший в безветрии раскаленный воздух середины лета бодрости не прибавил. Требовались радикальные меры. Известно какие: в

совсем близкую «Наливайку». Перейдя улицу, боковым зрением увидел, что и министерша покидает корпус, почтительно провожаемая председателем комиссии до стоявшего у самого входа черного служебного «мерса» с водителем. Это Серегу добило, поэтому через пяток минут дойдя до известного всем студентам заведения «Наливай-ка!», он сразу у стойки хватанул сотку, а еще одну и бутерброд с колбасой перенес на столик.

Отупело глядя на стакан с водярой, Серега гнал из головы все мысли, почти насильно, психотренингом приводя себя в состояние бездумной расслабленности. Но здесь затренькал мобильник. Звонил дружбан Севка: уже все знали о происшествии, а со слов выходившей по делам из аудитории секретарши комиссии и о счастливом исходе конфуза: устную часть экзамена Сереге зачли и даже со справедливой оценкой. Но — с серьезной укоризной, имеющей малоприятные для отрока последствия. Узнав, точнее — угадав, о месте пребывании борца с американцами, Севка просил не торопиться, а дождаться его. Домой он заявил поздним вечером: молодой организм, в компании с Севкой и еще двумя одногруппниками, успел дважды нагрузиться и вытрезвиться. Родителям сказал просто, немногословно, что экзамен сдал. И пошел в свою комнату отсыпаться до одиннадцати часов утра следующего дня.

До скорого вручения диплома и выпускной гулянки Серега улучил случай поговорить с двумя завкафедрами, ранее вроде бы благоволившими к нему — насчет ординатуры по направлениям их кафедр. Обе специальности уже с прошлого года полагал он для себя вполне приемлемыми. Но они, отводя в сторону глаза и озабоченно все торопясь уйти по своим хлопотным делам, отчужденными голосами и в сугубо казенных словах говорили об уже «заполненных по вакансиям местах». И малопривлекательной для их солидных фигур рысцой убегали от Сереги.

Но видно господь на горних вершинах небеси, аки сущий в триединстве, посочувствовал нашему отечеству, дабы хоть родной язык в его чистоте сохранить, и послал Сереге случайную встречу в коридоре корпуса медфакультета с членом экзаменационной комиссии, заведующим травматологией городской больницы скорой помощи. Николай Александрович, человек прежнего закала, хотя с внешностью еще веселой бодрости, зашел в деканат в чем-то там расписаться по экзаменационной части. Завидев же скандального студента, поздоровался в ответ на приветствие Сереги, приостановился. «Ну и лихо ты министершу осадил! Однако, поосторожнее в жизни будь: жить с оглядкой всегда у нас первый девиз. Оценки у тебя хорошие — уже определился с ординатурой?» Расчувствованный таким вниманием Николая Александровича, которого он знал по первому семестру этого учебного года — со своей группой по курсу травматологии ходил на практические занятия в «травму» больницы скорой помощи, Серега и рассказал о последствиях экзаменационного конфузса. «Да? Видно Надежда наша Семеновна не на шутку разобиделась, раз объявила тебя персоной нон грата. Вот что,— посерезнел главтравм,— парень ты, я вижу, с головой и, главное, руки у тебя по виду крепкие, с бисцепсами не от каши. Давай ко мне. Место образовалось: обещал для сына приятеля своего, но тот в последний момент испугался костоломного нашего ремесла». Получив тотчас согласие, главтравм (его прозвище у студентов) развернулся и в сопровождении осчастливленного Сереги вдругорядь пошел в сторону деканата. «Полагаю, толк из тебя выйдет, если не на одни слова смел окажешься. А в нашем деле смелость не излишество, но — рабочий инструмент!» — по пути в деканат завершил свой приговор почтенный Николай Александрович.

♦ С официально оформленной ординатурой и па-

мятуя совет Николая Александровича, что «теперь ты не вольнослушатель, на лекции свои на медфакультете, не такие уж и частые, похаживай, не манкируй ими, главное — отмечайся там, но ординатура — это уже работа врачом, за которую деньги платят, но и дисциплину, график и прочее строго спрашивают», Серега даже не стал волынку тянуть, дожидаясь положенного первого сентября. На отцовы «премиальные за окончание» слетал на десять дней в компании с Севкой во всероссийскую здравницу Турцию. Попили водочки, покупались, поусмехались: не зря же у России с османами целых пятнадцать войн было! Еще на пару недель съездил в соседнюю Калугу, куда год назад перебралось семейство отцова брата — перевели с повышением по службе эмчеесной. Как раз Серегин двоюродный брательник Мишка, с которым они все школьные годы учились в одном классе, окончил тот же универ по компьютерной специальности, а теперь числился аспирантом (все же отец не последний человек в городе!) в калужском филиале Бауманки и работал в «банановой фирме», как он сам рекомендовался для краткости и понятности, дескать, «бананов на наш век хватит». Эти недели с Мишкой, в новом для него городе, с пляжами на Оке и яченском водохранилище, приились намного больше Сереге по душе, нежели регламентный, с душком анодированного «под золото», комфорт «всероссийской здравницы». А вернувшись домой, досрочно отправился в больничную травму, удачно застав там Николая Александровича, оформлявшего себе отпуск в бархатный августовский сезон.

Завотделением похвалил за серьезное отношение к будущей профессии и работе и передал «на руки» своему неофициальному заму Алексею Георгиевичу со словами: «Мы с Георгичем одного возраста и пола ягоды и в этом богоугодном заведении кости

страдальцам собираем напару после институтов, я — рязанского меда, Георгич — аж первого московского. Он тебя всему и обучит... под моим чутким руководством значит. Если к моему возвращению из отпуска у тебя вопросов ко мне не найдется, то значит ученье идет впрок. За сим — адью! Отвальную, ямскую, пристяжную и прочие стопки выставлять не буду. Не из жмотства, но завтра с утра за рулем, с разумно ограничивающей скорость супругой, и курсом через новопостроенный мост в очередной раз обретенный Крым, а за мостом налево в любимую, умеренно жаркую Феодосию».

«Деньги закончатся — звони, но лучше не мне» — отшутковал на расстанях Алексей Георгиевич, явно не меньший чем шеф юморист.

...Когда к концу августа вернулся из отпуска Николай Александрович с крымским матово-коричневатым загаром, отличающимся от здешнего городского, с такой быстро исчезающей краснотцой, то вопросов у Сереги не возникло. «Ну-ну,— многозначительно заметил завотделением в свой первый рабочий день «после выхода», понаблюдав ненавязчиво за работой своего ординатора,— вижу, Георгич тебе не только анекдоты рассказывал, а ты, в свою очередь, не только их слушал. Страйся. Сейчас лето, трезвый человек не упадет, не поломается. А пьяный? — так ему бог ладошку подставляет, то есть организм, не управляемый излишним соображением, руководится только инстинктом, а тот и управляет телом и его конечностями, и что главное, как мягче грохнуться. Это я к тому, что сейчас время репетиций к осенне-зимним гололедам. Не прежние советские дворники ведь! «Гастритные» арбайтеры только летом своими вениками помахивают, а как непогоды на дворе — фьюить! И на шайтан-арбе в свой чуркестан покатили, до весны. Готовься, студент!»

Пройдя курс молодого бойца до начала следующего года, включая лихорадящую напряженку декабрьских костоломов, в приемном отделении, Серега начал практиковаться и в стационаре с коечными пациентами. Много чего на ус намотал и по врачебной специальности и, так сказать, по медицинскому быту. Уже не задавался вопросом, мол, почему все врачи записи по больничным делам ведут не шариковыми или гелиевыми ручками, а допотопными перьевыми, хотя бы — своего рода щегольство — стодолларовыми паркерами? Алексей Георгиевич разъяснил: «Допустим, что нередкость по нашей травматологии, возьмут тебя за, так сказать, заднее место ментовские. Сидишь у следователя, а он тебе протягивает эпикриз, твоей рукой сочиненный с оплошностями. Что настоящий врач делает? — А он просит у следака стакан водички. Руки якобы от волнения ходуном ходят — р-раз и пролилось на эпикриз, написанный чернилами, которые мигом расплываются до полного непрочтения! Ай да эскулап, ай да сукин сын! И еще сами менты перьевыми пишут — у них свое гестапо имеется, отделом собственной безопасности именуемое...».

Но про ментов Серега и сам знал. Давешний калужский дядька, начинавший трудовую жизнь опером в милиции, со смехом рассказывал как-то за праздничным столом. «Я раз записал показания одного уголовного элемента и дал ему подписать свой новенький паркер, на который из лихости ползарплаты отдал, а тот автограф черкнул и не менее залихватски с размаху точку поставил! С тех пор для работы использовал самую дешевую ручку. Перьевую же, понятно дело».

Поскольку и Алексей Георгиевич и Серега принадлежали к ныне самой дискриминируемой категории людей, то есть курили, то сугубо воспитательные беседы чаще велись в каптерке, как его наставник

именовал какую-то подсобную комнатенку из владений сестры-хозяйки. Впрочем, с диванчиком и окном. «Навалился класс-гегемон, Серега, на нас с тобой. На этот раз антиникотиновая кампания что-то затянулась. Ну-у, ты парень сообразительный, понимаешь, что мани-мани во главе всего. А в отношении больных так это вообще издевательство: и без того человеку хреново, так его дополнительно истязают, лишая успокаивающего курения. Опять же это не пресловутая вредная привычка, а нарушение секреции организмом фермента пе-пе, латиницей, вот и приходится для предотвращения пелагры извне вводить с дымом никотиновую кислоту!»

Много чего впитал в себя Серега из бесед с опытным врачом. Особенно тот кипятился насчет оптимизации, онанизации по его терминологии, здравоохранения, в неполные два года почти до основания разрушившей поликлиническую сеть. «Слава богу и его наместнику на земле Эскулапу,— попыхивал сигаретой наставник,— вроде как сверху эту кампанию онанизации в медицине скоренько сворачивают. Но в минздраве чиновников что г... в выгребной яме, всем надо «инициативами» оправдывать свою нехилую зарплату, так что через полгода-год снова на нашего брата очередная дурь свалится! И в частную лавочку с нашей специальностью по закону — вот здесь-то, по человечеству рассуждая, ему хвала — не уйдешь! Так что, юноша, знание практического жаждущий, будем трудиться на пользу насущную страждущим, держа круговую оборону, между молотом и наковальней, то есть между очередными кампаниями сверху и законными неудовольствиями наших пациентов. Самое обидное в такой нашей срединной ситуации: стрелочки мы от верхоглядных кампаний и козлы отпущения, говоря библейскими сюжетами, со стороны людей болящих. Но нет худа без добра: молот шаразит нас сверху, снизу нако-

вальня народная нам жестко стелет, но в такой ковке из нас в итоге-то дамасская сталь выделяется. Наш врач — явление уникальное по сравнению со всеми там западно-восточными лекарями, избалованными инвалютными гонорариями. При всех режимах такова наша русская тысячелетняя обыденность; наш лечебник с виду грубоват, порой лечит одним аспирином, зато с изобретательной головенкой и опытными, как в нашей специальности, руками. При всем этом ловко увертывается от «верхнего» молота с нищенским медицинским бюджетом, а наковальня, ворча и матерясь, все же по излечению помянет нас невзначай добрым словом, приняв на досуге стопку другую «очищенной». Вот так-то, Серега, юноша страст... впрочем, повторяюсь. Ты иди в четвертую палату, чем-то они — медсестра Нина говорила — недовольны, разберись. А я, с разрешения господавседержителя, сосну на этом диванчике с полчасика». Серега и сам догадался, что Алексей Георгиевич, судя по разговорчивости в высоком штиле, после утреннего обхода принял у себя в ординаторской стопку этой самой «очищенной» — из даров благодарных излеченных пациентов. Ведь на дворе-то понедельник, первый на неделе трудовой! Гиппократово, а маммоне маммоново, как говорит тоже шутник Николай Александрович.

...На прошлой неделе Алексей Георгиевич, «не в службу, но в субординационную дружбу, Серега», послал его в хирургический корпус больницы: отнести тамошнему завотделением заключение по ихнему пациенту из второй палаты, которого Серегин наставник стремился спихнуть в хирургию. «Дело тонкое, по телефону не решается. Ты этого Васильчика-ва сам ведешь и сам постарайся убедить».

Ожидая прихода завотделением с планерки у главврача, устроившись на широком подоконнике еще дореволюционной постройки здания, невзначай

услышал разговор за близким углом поворота коридора. Еще минутой до этого отметил стоящую там каталку с пациентом, явно везомым на операцию. В ожидании «катающей» медсестры, к страдальцу кто-то, невидимый Сереге из-за угла, подошел. «...Так значит, поняли: благодарности оперирующему хирургу и мне, анестезиологу, каждому отдельно». — «Да будет вам что положено, везите же, наконец, в операционную!» — со сдавленным раздражением отвечал пациент. «Век живи, а два — учись,— усмехнулся Серега,— зато медицина вроде как бесплатная...».

48.

В наше благодатное время даже ленивый может стать «народным целителем». Люди они простые, из биологии только знают, что вода — основа жизни, а лечить ею можно все болезни кроме бешенства. Используются следующие лекарства на основе H_2O : магнитная вода; вода, заряженная биополем ТВ-экстрасенса; заговоренная вода; вода, обработанная торсионным полем; вода из зон с минимумом геопатогенности; биологическая вода (в уринотерапии)... всего 205 препаратов. Да, кроме бешенства, такими водами нельзя лечить человеческую доверчивость, граничащую с глупостью.

ТВОРИЛО МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ БИОМАССЫ. КРУГ ПЕРВЫЙ

Да, русский человек не умеет лгать, но, кажется, в такой же мере он лишен способности говорить и правду. То среднее, к чему он питает величайшую любовь и нежность, не похожа ни на правду, ни на ложь. Это — вранье.

Леонид Андреев «Всероссийское вранье»

Быть так Чуриле сам господь повелел.

Былина о красном Чуриле Опленковиче

♦ Николай Андреянович, доцент кафедры ракетостроения Тулуповского университета, шел после занятий домой. Теплая середина мая ласкала двояко: комфортной погодой и уже скорым окончанием учебного года, «трудовой каторги», как порой с черным, но добродушным юмором говорил его друг, заслуженный профессор с биологического факультета Игорь Васильевич Скородумов. Пора, пора в двухмесячный летний отпуск! Сегодня у него по расписанию были две лекционные пары и коллоквиум по стартовой нестабильности углов тангажа и рысканья зенитных ракет. Устал и от — может нарочитой по причине майской юношеской одури? — бестолковости студентов и, скорее всего, по причине пенсионного возраста. Однако же май-баловень! А дома ждут свежесваренный супругой борщ и «фронтовые сто грамм» (ведь не зря всю сознательную трудовую жизнь работал в оборонпроме) перед ним. И пельмени домашней лепки: после замены социализма частнособственничеством магазинным «пельмешкам» не доверял. От предвкушения трапезы со стопкой на

опустевший за трудодень желудок Николай Андреевич даже замурлыкал старинную разбойничью: «Там залесью, там залесью, там разбойнички шалят. Нет-нет, не пойду, лучше дома посижу».

Хотя и недавно он перешел в ранг преподавателя, до этого три десятка лет «протрубив» конструктором на ракетно-пушечном предприятии «Меткость», но уже, раскладывая с дотошностью опытного инженера все по полочкам, начал понимать сущность характера и поведения нынешнего студенчества. То, что они все сплошняком врут по поводу и без повода, что есть искусство для искусства, особо его не заботило. Но ухо с ними всегда востро надо держать, даже опасаться порой. Вот сегодняшний пример: рассказывает он на коллоквиуме про начальную стартовую нестабильность ракеты, чуть призадумался, подыскивая нужную формулировку, а один из группы, нетерпеливый, невежливо перебил, заторопил преподавателя: «А что потом?» — «А потом суп с котом!» — непедагогично осерчал на невежу Николай Андреевич. Студенты хмыкнули, но староста группы Шелудякин, сын полицейского подполковника, сам по характеру службист, совершенно серьезным голосом и глядя прямо в глаза шутнику доценту огорошил: «Про котов в супе, Николай Андреевич, сейчас как-то неполиткорректно упоминать. Средства массовой информации постоянно говорят о защите животных... а здесь — кота в суп?» — Шелудякин с сомнением покачал головой. Остальные явно про себя захихикали, отворачивая глаза от невольно сконфузившегося преподавателя пенсионного возраста.

Перейдя через проспект, хотя и на переходе, четко на загоревшийся зеленый, но опасаясь разошедшихся по весне мотоциклистиков в полном боевом снаряжении, на дорогущих «байках» по-ихнему, Николай Андреевич прикидывал дальше: это уже

пятый курс, через год^{*} закончат. Кто-то пойдет по специальности в несколько оживившуюся военную промышленность. Но остальные? Здесь мысль его переключилась на Виталия, соседа по подъезду со второго этажа. Он хотя не их военно-технический факультет в прошлом году окончил, а что-то технологическое, вроде как по металлообработке, но пошел работать куда-то в торговлю. И язык у этих Виталиков, студентов ли, уже окончивших университет, работающих по специальности или в торговлишке... словом, у всех и язык птичий, все сплошь всякие онлайн-акции и флэшмобы. Мало похоже на нормальный русский язык. Да-а, как, правда по другому слушаю, говорит Игорь Васильевич: напевный ямб и резонер-хорей нельзя в одну строфу запрячь. Иногда, особенно после второй неподдельного грузинского коньяка, Васильич и на белый стих склоняется...

И выражение глаз у этих Виталиков своеобычное, в смысле одинаковое, но отличное чем-то неуловимым. Чем? — Здесь Николай Андреянович по сложной, в обратную сторону развертываемой, ассоциации вспомнил недавний заход в букинистический магазин. Как страстный книжечей, он редкую неделю не заходил туда. Уже с четверть века, входя в магазин, обычно без посетителей, он старался не смотреть влево от входной двери, где почти в третью площади просторного помещения «Буккниги» прямо на полу и впритык стоят высокие столбы книг, перевязанные бечевками: собрания сочинений русской и зарубежной классики. А в этот раз боковым зрением все же отметил очень уж высокую стопку книг зеленоватого цвета. Тотчас узнал почти тридцатитомное

* По прежней, советской традиции на военно-технических специальностях гражданских вузов срок обучения составляет шесть лет.— Прим. авт.

собрание Чарльза Диккенса, которое он от первого до последнего тома перечитал в школьные годы, боясь их домой по нумерации в библиотеке родного своего города в Заполярье — вотчины Северного флота. Сокрушенно покачал головой. Давно знакомая ему продавщица, очень образованная, тотчас отметила этот жест и взгляд на книги Диккенса постоянно го посетителя: «Что поделаешь, Николай Андреевич, не читает теперь народ ничего, тем более Диккенса с его выраженной социальной сатирой».— «Да, да, Евгения Григорьевна, социальная сатира сейчас даже и с эстрады ушла вместе с ее последним могиканином Мишней Задорновым».

Развивая ассоциацию, подсознание повело мысль Николая Андреевича от скорбного видения книг Диккенса на полу «Буккниги» к их содержанию и далее к великолепным рисункам в томах, принадлежащих знаменитому художнику-иллюстратору. Кому? — Может Фаворскому или Пастернаку — отцу поэта... нет, в отроческие годы кроме содержания книг всякие «тонкости» не замечаются, следовательно, не запоминаются. Итак, иллюстрации к Диккенсу. Почему они в цепи обратных ассоциаций всплыли в голове, остановив эту самую цепь? — Конечно же выражение глаз на этих рисунках у «детей подземелья», как их назвал другой классик. Все эти бездомные, воришки, голодные, отбросы английского общества эпохи жесточайшего «первоначального накопления». И как верно, правдиво переданы этим замечательным художником-иллюстратором вся цепкая настороженность этих взглядов, голод даже не желудка, а душевной безысходности, абсолютная недоверчивость ко всему окружающему, озлобленность. Словом, все чувствования неустроенного в жизни взрослого человека, перенесенные на детские глаза. Бр-р-р! Николай Андреевич даже зябко — в ранневечернем ласковом-то мае! — передернул пле-

чами, живо вспомнив выражение глаз диккенсовских мальчишек. И что-то очень схожее с ними в глазах современных Виталиков... Не ошибся ли он? Ведь почти полвека прошло со времен отроческого чтения. И зря он грешит на современную молодежь? Увы, он прекрасно знал свою недурственную зрительную память...

◆ Но в дополнении к выражениям глаз детей и подростков на иллюстрациях к романам Диккенса, как тотчас поправился Николай Андреянович, во взглядах его студентов — студентки не в счет, у них инкубаторская косметическая бессмысленность — не то что добавляется, но даже преобладает этакая веселая наглость. Почему-то друг его профессор Скородумов, явно тоже по сложной цепи ассоциаций, именовал это качества «стрептококковой наглинкой». При этом все они имеют привычку при разговоре немигаючи смотреть прямо в глаза, что, как пояснил ему Игорь Васильевич со ссылкой на авторитетов дисциплины психологии поведения, означает вранье. Ну-у, для студиозуса хоть в мелочи не обмануть препода, соврав ему, значит напрасно прожить день. Не говоря уже о большем их числе. Но вот такое же сочетание «стрептококковой наглинки» в глазах с немигающим прямым взглядом патологического вруна характерно не только для студентов, но и вообще всех Виталек!

...Если бы его сосед со второго этажа Виталик (уже в единственном числе) знал, какие у него многозначительные глаза, сколько своего ценного времени, хотя бы и весьма скромно оплачиваемого должностными окладами содержания, потратили солидный доцент и целиковый профессор на их аналитическое изучение с привлечением собрания сочинений Диккенса и науки психологии в ее социальных и поведенческих разделах, он бы возгордился. И повежливее здоровался бы с доцентом Николаем Андреяно-

вичем с четвертого этажа при случайных встречах в подъезде и в ближней к нему части двора. За их пределами, как сейчас принято, оба полагали излишним демонстрировать свое, хотя бы шапочно-соседское, знакомство. По разным причинам: доцент в целях воспитательных, младший должен приветствовать первым, а Виталику пофигу все эти соседи. Опять он таил хоть невеликую, но обиду на много о себе мнящего доцента. Дело было год назад, когда он окончил универ и с испытательным сроком и прохождением краткосрочных курсов поступил на работу в крупный автосалон по продаже «тойот» — от российского представительства этой японской фирмы.

На занятии курсов по теме психологии общения с покупателями преподаватель задал «на дом» задачку: «В сети магазинов «Пятерочка» по акции продаются сосиски с ценой 89,99 рублей за килограмм. В то же время уже несколько лет, как монеты номиналом в одну и пять копеек в обороте не участвуют. Как должен поступить продавец, чтобы выполнить требование дотошного покупателя и дать ему полную сдачу?»

...Перед ужином Николай Андреевич исполнял свою супружескую обязанность — выносил суточный мусор на помойку. Возвращаясь с опорожненным ведром, у подъездной двери он плечо-о-плечо встретился с Виталиком, тоже возвращавшимся домой с курсов, обдумывая каверзное домашнее задание. Поскольку он уже успел с новым знакомцем, с тех же курсов, с часок посидеть в спортбаре «Советский спорт» и подзаправиться пивком, то, слегка потеряв настороженную бдительность, поздоровался с доцентом, даже прореагировал на его словоохотливое «погоды-то какие стоят, а?» Слово за словом, вроде как в шутку рассказал об акционных сосисках и что должен сделать продавец? Николай же Андреевич рассмеялся: «Чего проще-то, предложить

купить сосиски впрок, сразу десять кило. Получится 899 рублей 90 копеек, то есть сдача гривенник, они еще пока в ходу. А сосиски не испортятся, поскольку за такую цену их варганят из чистой сои с мясным ароматизатором». Эту оригинальную версию Виталик и сообщил преподавателю на следующем занятии, за что получил незачет. Оказывается, кассиру следовало скостить девять копеек «за счет заведения», а потерявшему от такой благожелательности бдительность покупателю соевых сосисок предложить купить какую-нибудь мелочевку, что всегда имеется под рукой у кассирши. Отсюда и затаилась обида на соседа с четвертого этажа. Прослушав же курсы и сдав общий зачет, получил Виталик должность младшего менеджера торгового зала.

◆ Виталий из сугубой рабочей семьи, но родители хотели видеть сына образованным, то есть по нынешнему «с дипломом». Понятно, что о платной учебе вопрос даже не ставился, а нерадующие своим числом егешные баллы не позволяли Виталию надеяться на бюджетное место более или менее престижных технических специальностей навроде компьютерных. С трудом прошел на совсем уж убогое станкостроение, где доживающие свой педагогический век советской еще формации профессора и доценты уныло бормотали свои лекции, понимая, что занимаются выливанием из пустого в порожнее. В загранку выпускникам такой специальности ходу нет; там свои, прославленные уже веками, инженерные школы по металлообработке. В нашем же отечестве станкостроение сведено к нулю, напрочь задавленное импортом, да станки не особо и затребованы, особенно по металлу. Для несколько же оживившегося оборонпрома они закупаются с Тайваня, специализированные в Германии и Швейцарии. Потому престарелые профессора, имена которых когда-то гремели, а сами они, создатели научных школ, по табельным

дням украшали лацканы своих пиджаков лауреатскими знаками, орденами и медалями, и читали свои лекции с предельной скучой, вовсе не обновляя их содержание уже три десятка лет: зачем бисер метать попусту? Все одно неаккуратно слушающие — пролетом из одного уха в другое — их студиозусы строем пойдут в торговлю и около нее, через полгода даже забыв напрочь название проставленной в их дипломах специальности. Что Виталий — он уже избегал школьно-студенческого Виталика — в точности и исполнил.

Последнее, на что потратились родители — оплатили курсы и спроворили дресс-кодовый костюм. С ботинками, рубашкой и галстуком. Платные же курсы менеджеров, на которые принимали только с дипломами... впрочем, любыми, в городе организованы были вскладчину несколькими автосалонами. Конкуренция конкуренцией, но кадры-то надо себе готовить с минимальными затратами. И собственно автосалон, куда пришел трудиться Виталий, хотя и полагался при открытии специализированным по «тойотам», но теперь уже ничем не брезговал и по маркам и по состоянию машин: те же «тойоты», другие японские, китайские, европейские, как оригиналы, так и в большинстве отечественной отверточной сборки. Опять же новые, с конвейера, соседствовали с подержанными: купленными салоном задешево или взятыми на комиссию. Возможно имелись и криминальные «хвосты», но еще на курсах недекларативно, обиняком, но вполне конкретно им объяснили: обо всем, их не касающемся, не задумываться; цель и задачи работы менеджера — продать автомобиль, благо и оплата аккордная, от проданного напрямую зависящая.

Костюм родители спроворили Виталию вполнеличный, под деловой стиль — удачно на распродаже купили. Дома имелась доставшаяся от бабки на-

стольная подольская швейная машинка, поэтому мать подправила «по фигуре» общлага пиджака и низки брюк. Еще на собеседовании кадровичка порекомендовала («менеджер должен при разговоре с покупателем как можно чаще улыбаться») Виталию привести в порядок зубы, с которыми ему несколько не везло. Пришлось погрустневшим родителям и здесь в расходы войти: пару месяцев Виталий после занятий на курсах ходил в стоматологическую лечебницу: вроде как областную государственную, но умеренно платную. «Ишь времена пошли! — хмурился отец,— на работу принимают, как цыган лошадь покупает, в зубы смотрят первым делом».

Та же кадровичка по части растительности на голове и некоторым другим моментам проинструктировала: «Хотя уже третий год в молодежной и среднестаршей моде прическа с выстриженными висками и ношение бородок на кадыках, но выбритых на щеках^{*}, но у нас принят деловой стиль: прическа — классический косой пробор, а бороды и усы исключаются. Также не рекомендуются значки на лацканах, исключая георгиевские ленточки в майские праздники. Спину держать прямо, руками при разговоре с покупателем не жестикулировать, мобильником в рабочее время пользоваться запрещено. Если что срочное — звонить вне торгового зала и не дольше полуминуты. Иначе штраф».

«Как козел на привязи», — все бурчал отец, поэтому Виталий скоро перестал дома касаться всяческих деталей, связанных с работой.

◆ В ранние детские годы Виталий (тогда еще и не Виталик, а Витюша) немного заикался, даже два

* То есть по нынешней европейской моде: прическа под хохлацкий оселедец, а борода на кадыке под игиловских бойцов. Те и другие в Европе полагаются «революционным элементом». Это как в 60—70-е годы бунтующая молодежь Запада носила растительность и береты под Че Гевару.— Прим. авт.

года водили его в логопедический садик — с величайшим трудом мать добилась, обивая пороги районного и районздравовского учреждений. Два десятка лет назад по части детства еще сохранялись отголоски советизма, поэтому и удалось. В школу он пошел уже без заикания. Нет худа без добра, так и у Виталия перенесенное и выправленное заикание придало его голосу, особенно после отроческой ломки, этакую протяженную бархатистость, а в речевых перепадах и законченных фразах, опять же как следствие занятий с логопедом-психологом (еще советского образования), закрепилась выравненность с четким выделением логических ударений. Пенсионные доценты в годы студенчества Виталия говорили про него одобряя, дескать, если к такому своеобразному голосу да было бы у него в голове не пусто, какой бы доцент, нет, даже профессор из него вышел! Всю аудиторию держал бы в руках, как своих кумиров «тяжелых металлистов» слушали! Хотя и сказал Лейбниц, что природа не терпит пустоты, но и совершенной, сочетанной полноты не допускает...

Собственно за голос его и взяли в автосалон, куда он ткнулся наудачу, безо всяких рекомендаций и поддержки, мало надеясь на успех. Но за тридцать лет частнособственничества худо-бедно переняли от западников-восточников навыки торговли в обществе потребления и подбора кадров. А на курсах ему сказали, что голос у него уже природою (про заикание он разумно промолчал) поставлен, поэтому сразу определили на занятия по развитию и обретению навыков деловой речи, «занятие по болтологии», как их обучающиеся именовали в своем кругу. Преподаватель с тихой гордостью, даже изобразив легкое смущение, сообщил, что обучаться этим навыкам они первыми станут по лично им разработанной методике. И вот во все время курсов Виталий дома, после ужина и короткого отдыха на своем диване, по пол-

тора-два часа, открыв обучающий сайт преподавателя-новатора, без перерыва, только позволяя порой глоток-другой остывшего чая, своим бархатисто поставленным природой и логопедом голосом, негромко, но явно не сбиваясь на торопушки, читал с экрана раз от раза слегка варьируемый текст, содержание которого заключалось во всестороннем убеждении потенциального покупателя приобрести автомобиль такой-то марки и в таком-то состоянии. Преподаватель дал четкое указание: проводить читку перед сном. По молодости сны Виталию виделись редко, но теперь, просыпаясь по звонку будильника (на смартфоне), он мигом вспоминал, как обычно вспоминают увиденное во сне, компьютерный текст, причем полтора-два часа укладывались в мимолетное мгновение. Уже через неделю упражнений Виталий мог, не задумываясь, как женщина, у которой — такое создается впечатление — язык вроде как отдельно от мозга работает, в любой момент, даже разбуди его среди ночи, воспроизвести в голосе все варианты компьютерного текста.

Приняв недельный зачет, преподаватель указывал на другой файл с иной текстовкой, но все вертящейся вокруг продажи автомобилей. И так все время курсов. А отец все хмыкал, особенно приняв стопку-другую за ужином, слыша даже из-за плотно прикрытой Виталием двери в свою комнату один и тот же текст: «Слыши, Николаевна, вот у нас в квартире и попка-попугай свой завелся!» «Что ж делаешь,— отвечала мать,— такая работа. Ты ведь тоже у себя на фабрике с утра до вечера одну и ту же тару затариваешь. А вот Виталий университет, не хуже других, закончил, работу чистую нашел, может и в люди выйдет. Выпей-ка еще стопку и не критиканствуй».

...Уже полгода работает Виталий младшим менеджером. Нареканий от начальства не имеет, а если

замечание кто сделает, то извинится и обязательно поблагодарит за науку. Курсы, конечно, многое дали, но опыт самостоятельной работы все отшлифовывает. Поначалу не давалось ему сходу классифицировать покупателя. Не все они далеко укладывались в заученную схему. По теории выходило, что мужчин в роли покупателей укрупненно можно отнести к одному из трех типов: деловые люди, новички, приобретающие первый свой автомобиль, и откровенные лохи. Соответственно для каждого типа полагалось «включать» затверженную до автоматизма стандартную убеждающую речь из числа составленных преподавателем-новатором. Но уже через месяц работы Виталий в рамках каждого базового типа стал выделять определенные вариативные разновидности (всей этой терминологии тоже на курсах обучили). Например, к какому типу отнести хотя и редких в их провинции, но все же имеющихся юных мажоров, парней и девиц, которым только-только стукнуло по восемнадцать? А прохиндеев, явно занимающихся перепродажей б/у машин? Даже обнаружил, что есть категория шпионов от конкурентных автосалонов: ходят как на свою работу, присматриваются, прислушиваются, зоркими глазами во все стороны постреливают. Пару раз на таких указал старшему в смене охранников. Получил устную похвалу от старшего менеджера, а в ближайший расчет и небольшую, поощрительную премию.

Проще, конечно, с женщинами. Бабье все однотипно, все жадные лохушки по натуре, зато хорошо «клюют на конфетку». Много чего им можно было бы сбагрить, но они поодиночке не приходят, обычно с мужиками: мужьями или папиками. Жаль.

◆ Родителям под полтинник, застали совковое воспитание, но в сознательную, трудовую жизнь уже в девяностые годы вступили. Поэтому, как понимал Виталий, все у них серединка на половинку: что-то в

голове от старья, но современной жизни вполне соответствуют. Потом работяги... Отец на бывшей... впрочем и нынешней, только под хозяином, мебельной фабрике тару подгоняет и собирает. Мать в свое время шестимесячные бухгалтерские курсы закончила, но уже с десяток лет в хлебопекарне работает, печет французские булки для сети квартальных магазинов «Печь КА». Но вот этот-то советский зacin в родителях отчасти и навредил Виталию в начале его трудовой деятельности. Речь идет о пережитке пресловутой честности. Привыкши с малолетства слышать от матери — отец уклончиво помалкивал, — что врать нехорошо, он в школе, даже в университете порой, попадал впросак со своей честностью. Впрочем, уже на первом курсе сообразил, что соврать преподавателю — это просто следовать многовековой традиции, как игра навроде казаков-разбойников. Но уже на курсах ему стало ясно, что вранье, или «целесоразная интерпретация фактов в зависимости от конъюнктуры», как политкорректно определял это качество преподаватель, есть норма современной жизни, а в бизнесе и вовсе преобладающая. Тот же моложавый и щеголеватый Эдуард Маркович развивал этот важный в деловой психологии вопрос: «Со стороны прежней тоталитарной морали, якобы базировавшейся на христианских нормах, кажется, что такая интерпретация есть собственно вранье без удара. Но время расширенно понимаемой христианской морали, нравственности давно прошло; еще в период буржуазных революций в Европе и особенно после Гражданской войны в Северо-Американских Соединенных Штатах* она трансформировалась в практический утилитаризм, в котором архаичное противостояние и взаимоисключение категорий добра и зла

* Сокращенно САСШ — так до конца первой трети XX века официально назывались США.— Прим. авт.

заменено императивом пользы, которую, так сказать, сверху ограничивает «добро», а снизу зачастую стимулирует «зло». Так что, уважаемые молодые бизнесмены, пресловутое вранье без удержу — это архаизм, атавизм, артефакт давно — у нас, к сожалению, недавно — прошедших времен. Сейчас, когда в поведении людей почти ничего нет личного, только бизнес, нет и так называемого вранья. Только целесообразная интерпретация, господа! Так сказать, управляющий ныне уже всем миром Его Величество *Bussines* (преподаватель произнес это слово с английским произношением) отменяет старую мораль и разрешает вам интерпретировать все факты, исходя из максимума процента прибыли и, так сказать, индекса *Доу Джонса!*»

...Тянулись в вязкости бездумья месяцы, потом и годы пошли. Уже Виталий значился в списке кандидатов на должность старшего менеджера. Вроде и личная жизнь начала складываться: спортбар «Советский спорт», девки «по взаимному соглашению» после корпоративов — все это подтягивалось к устойчивому положению. Как только займёт вожделенную должность, тотчас квартиру, пока скромную, в ипотеку, а корпоративных девок уже сейчас заместила бывшая однокашница Аллочка, тоже менеджер торгового зала в мебельном супермаркете. И никакой тупости разочарования. В чем это ему разочаровываться? Как мать иногда бабкину присказку к случаю приводит: «Так сам бог велел чурилой быть». Виталий мимо ушей все эти старорежимности пропускает. Чурила так чурила, хоть горшком назови, только зарплату на карточку исправно переводи. Можно и серым налом — пенсионные годы все одно имеют тенденцию к возрастанию...

Мать и отец даже в мелочах перестали укорять Виталия. Сами умнеют год от года по стремительной нынешней жизни. И только в зимнее полнолуние,

проснувшись по звонку таймера смартфона и увидев в непроглядной черноте окна холодно и яростно серебрящую луну, непонятно почему чувствовал Виталий что-то похожее на старорежимные укоры совести, тоску по чему-то несбывшемуся. Но здесь же отгонял от себя прочь. «А чем я хуже удачливого коммерса, чиновника средней руки, золотопогонника различных ведомств и так далее? Ведь все мы сейчас и во всем подлунном мире шавки и шестерки глобализма, как по телевидику говорит иной нарочито привлекаемый на экран, вроде как пары выпустить, престарелый болтун-профессор, играющий (а на телевидении все актеры) в оппозиционера. Хм-м, и кому он оппозиционирует? Такому же актеру «по другу сторону барьера», с которым в одной ведомости на оплату в бухгалтерии студии расписывается, а потом дружески проводят вечерок в ресторанчике среднего разряда. Нет, брат Виталик, срочно бери ипотеку и Аллочку под бок, чтобы зимним полнолунным утром не задумывался о всяких благоглупостях. Пора!»

«Ты любишь конфеты и секс до утра...» — песенный рефрен современного общества потребления, построить которое — цель жизни наших реформаторов. Но всякой цели сопутствуют реализующие ее задачи. Одной из этих задач является превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американо-европейского образца (там не все уроды, есть еще национальные и сексуальные меньшинства). Удел такого скороспелого урода — служить приказчиком в оптовке более удачливого сверстника или заворачивать гамбургеры в палатке на блошином рынке. Не его это вина — за убогость мышления, скучу пребывания в земной юдоли, апатию в жизни. У нас страна православная, католического чистилища, где можно откупиться деньгами, нет, поэтому народ, глухо ворча, все же еще сопротивляется, но большие в душе, молоху глобализма.

«ТОШНОТА»*, ИЛИ БЕЗГРАДУСНОЕ ПИВО С ЛИМОННЫМ СОКОМ

Безбытовой и беспочвенный по началу жизни писатель узнается по нежизненности его творчества. У него нет «родных родников». Незнание страны и живущих по необъятным ее просторам людей не проходит даром.

А. Н. Лесков «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям»

Aх, две души живут в больной груди моей, друг другу чужды — и жаждут разделенья.

И. В. Гёте «Фауст»

◆ Гриша Неуспокоев уже четыре года работал («служил», — как он сам резонно поправлял в разговорах), окончив исторический факультет местного педуниверситета, в областном архиве. Опять же, по воспитанной в нем дедом Алексеем Никифоровичем, отставным полковником «из органов», четкости формулировок и определений, пояснял своим бывшим одноклассникам и однокашникам, что не видел с момента окончания школы и университета, соответственно, что служит он кем-то вроде научного сотрудника, «заведует» первой половиной девятнадцатого века. А почувствовав интерес к одной слабоизученной теме (какой — опять же по воспитанной в

* Название новеллы берем в кавычках, ибо оно было использовано ранее — это литературный дебют Ж.-П. Сартра, роман «Тошнота» (1938). Такова литературная традиция в части наименований.— Прим. авт.

нем дедом-чекистом осторожности умалчивал) в истории их города и губернии того полувека, «для души» неспешно «пописывает диссертацию». «Только в наше торгово-чиновное время почитывать такие вещи некому», — с невольной горечью в голосе добавлял он. Но чтобы давние знакомцы, особенно из числа слегка преуспевших в современной жизни, не изображали на своих лицах снисходительную жалость к таковому чудачеству, Гриша возвращался к чуть ранее сделанной им поправке насчет не работы, а службы: «Если бы ты, брат Петр, ныне владелец если не газет и пароходов, но квартального продуктового магазинчика, в отроческо-юношеские годы хотя бы пару-тройку книг русской классики прочел, то знал, что в дореволюционной России все высшие учебные заведения и наиболее значимые театры являлись государственными, императорскими по тогдашней мове. Потому все профессора и актеры таких учреждений полагались госслужащими. Профессора и вовсе имели чин действительного статского советника, то есть статского генерал-майора. И все остальные преподаватели, в отличие от нынешних преподов, также имели чины согласно табели о рангах и лекции читали в вицмундирах. А чиновник, то есть служащий, никак не работает, но — служит! Так и было в обиходе: профессор *N.* служит в Московском университете, а актриса *M.* служит в Александринке... Это сохранилось и в советские времена — где-то до конца пятидесятых годов. Тем более, что Иосиф Виссарионович в войну большинство профессоров, особенно медиков и оружейников, одел в кители с генеральскими погонами — восстановил прежнее *status quo!*»

...Если бывшие однокашники встречались неподалеку от какой-нибудь ностальгической рюмочной или кафешки, той же «Наливайки» в политеховском студгородке, и заходили туда, то Гриша делал паузу

на « выпить — закусить », а затем продолжал пояснение: « Но вот в шестидесятые годы, как говорит мой дед, много, почти все знающий по жизни, появилось некоторое пренебрежение к слову « служба ». Даже офицеры в своих беседах, спросив « а где сейчас служишь? » тут же извинялись за оговорку ... « то есть где работаешь? » Это ведь только собачки служат! » Дед же Алексей Никифорович объяснял такую « недотыкомку » либерализмом « хрущевской оттепели ». И профессора с артистами застыдились, чтобы от веяний не отставать, славного слова « служба ». И заметь, среднеклассный мой друг Петро, опять же со слов деда: если в советское время печатно и изустно слово « труд » преобладало над « работой », то сейчас, сам наверное отметил, все только *работают!* И это вышло непроизвольно, но по сути верно: работают рабы, а трудятся люди с элементами творческого отношения к своим занятиям, даже если человек за станком стоит. Сейчас, получается, все рабы, а творчества в обществе потребления по определению не должно быть. Я вот твердо решил: только трудиться! А раз отношусь к категории служащих, то значит и служу, а не работаю... »

Закончив слегка утомившее конкретно-делового среднеклассника Петра подробное пояснение, совершенно ему неинтересное, Гриша предлагал выпить по второй в память веселых студенческих лет и проказ. Затем переходил к теме нейтральной, то есть кто с кем и как давно из их однокашников. И даже если случайная встреча давешних студенческих « шалунов » переходила в том же ностальгическом заведении « Наливай-ка! » в достаточно солидный градус откровенности, даже с редкостными и опасливыми в наше время административного апофеоза анекдотами про « руководителей партии и правительства », все одно Гриша не возвращался к теме пописываемой им диссертации. И собственно бдительность — по деду

Алексею Никифоровичу — здесь особо ни причем. Просто владельцу крохотного магазинчика, где по малой площади даже не разрешалось водяру и сигареты продавать, все это глубоко неинтересно. Потом, работая над диссером не по какой нужде и обязанности, а сугубо по своей охоте, Гриша полагал это сугубо личным делом... как любящая своего малыша мать, способная по бабскому своему естеству по пять часов без пауз болтать с товаркой о чем угодно, тем не менее ни пол слова не скажет о своем чаде в той части, где полагает возможность чужого сглаза.

А заинтересовавшая архивариуса Гришу тема относилась к специфике истории литературной жизни их промышленного города в первой половине позапрошлого века, особенно периода окончания царствования «властителя слабого и лукавого, плешилого щеголя, врага труда», говоря словами Пушкина из наметок к продолжению «Евгения Онегина», и далее, через декабристский бунт, до окончания первых десяти-пятнадцати лет самодержавия Николая Первого. Не только в практической жизни, но и в исторических параллелях архиграмотный дед Алексей Никифорович, единственный, с кем Гриша делился своими диссертационными докуками, как-то съязвил по части Николая Павловича: «Хм-м, история, Гриша, как тебе хорошо известно, идет по кругу. Обычно — порочному. Если в царской России интеллигенция, особенно разночинская, его иначе как Николаем Палкиным заглаза не именовала, а в советское время тож и печатно, то несколько лет назад в последнем, еще не закрывшемся тогда, книжном магазине города, увидел книгу, кстати, известного еще с прежних времен, писателя, чуть ли не в горьковской серии ЖЭЛ изданную, о Николае Первом — с названием «Рыцарь самодержавия»! Ни много, ни мало. Если так дело дальше пойдет, глядишь, как и его правнука с тем же именем, в святые

переквалифицируют... А потом в обратную сторону пойдет, вот круг и замкнется. Так-то, Григорий Батькович!»

...В чем же состояла эта специфика глухой провинциальной литературной жизни столь причудливо отграниченного исторического времени — этого Гриша пока еще не сумел четко сформулировать (еще одна причина «неразглашения»), но чутье и все более нарастающий объем изучаемых им архивных материалов — вроде по служебному делу, но и с пользой для себя — подсказывали: он напал на *тему!* Даже загадал про себя, вроде как шутейно, но с намерением точно это исполнить: как только тема будет сформулирована в четкой логике, так сразу же нитя на своей подруге с редкостным сейчас именем Тамара. Благо, как человек воспитанно порядочный, понимал: с этим затягивать не следует; уже два года они в отношениях, все испытательные сроки благополучно пройдены, взаимные чувства искренны. И хотя Томик моложе его на тройку лет, но и без намеков, которые она, впрочем, не позволяет себе, понятно: замуж приличествует выходить до двадцати пяти, которые не замедлят явиться.

◆ А почему историку по образованию и роду деятельности так импонирует литература? Хотя бы в том же историческом плане. Потому, что Григорий Неуспокоев безо всякого излишнего самомнения, но и не страдая притворно-ложной скромностью, полагал своим жизненным кредо писательский труд. Причем профессиональный — не в смысле, конечно, оплаты за него, что осталось далеко в прошедших временах, но в литературном качестве и добротности выходящего из-под его пера... в смысле набора на ноутбуке. Нет, не самомнение, но убежденность. Редкое ныне качество, конечно, если речь не идет о частнособственности, безудержном накопительстве или чиновной карьере... что, впрочем, то же самое, как

средство достижения алчной цели. И убежденность эта, как собственно качество, суть генофенотипическое наследство от деда и его пращуров, ибо в чекисты старого закала люди без такой наследственности не выходили. Понятно дело, размышлял Гриша, речь здесь идет не о пресловутой «идейно-партийной убежденности» или всяких хрестоматийных горячих сердцах, чистых руках и холодных головах, но об убежденности, как доминирующей черте характера, которую можно определить следующей: не иезуитское оправдание средств целью, но целеполагание доступными средствами. ...По своей молодости, еще не выбравшей разгона первых трех десятков лет, Гриша не приучился к логически выверенным формулам — преобладало чувство, которое редко обманывает.

Но ведь не только убежденность, как черта характера, есть выкристаллизованное наследство предков? А склонность к изящной словесности, выражаясь стародавним языком из читанных им во множестве томов русской классики, тем более должна иметь генетическую наследственность... пусть не так довлеющую, достаточно даже чего-то навроде генетического «намека»... Как всегда в таких «тонких материалах», намек отыскал дед Алексей Никифорович: «Ты, Григорий Батькович, раз в архивариусах подвизаешься, так отыщи в разделах нашего губернского земства с конца девятнадцатого века и до революции такого Неуспокоева Ефрема Аристарховича. Это мой дед, стало быть, и твой прапрадед. Я в сознательном возрасте его не застал; революции и Гражданская война с последующим бардаком, навроде наших «лихих девяностых», долголетию не способствуют. Но от отца своего Никифора Ефремовича знаю, что тот в земстве по части статистики служил. Из дьячковых детей, в семинарии учился, но бросил и окончил Землеустроительный институт. Поздний разно-

чинец, словом. Как человек образованный и не без мыслей в голове, в свободное от службы время писал заметки и очерки по земским делам, что печатал, вообще-то, как отец говорил, в серьезных питерских и московских журналах и газетах. Ты посмотри, поищи в своем архиве, наверняка найдешь эти издания, почитаешь!»

Гриша, заинтересовавшись, провел розыск: нашел и статистические отчеты губернского земства, подписанные пррапрадедом, и занятные публикации Ефрема Аристарховича в столичных «Русской мысли», «Петербургской газете», «Биржевых ведомостях», «Северном вестнике», «Новом времени», даже в солиднейших «Историческом вестнике», «Отечественных записках» и «Вестнике Европы». Нд-а-а, не так-то прост был скромный губернский земский статистик из «поздних разночинцев». Вот и генетический хвостик нарисовался! Коль скоро всякая неординарность характера передается через поколение, то таковой же должен обладать и дед Алексей Никифорович? На прямой вопрос внука тот ответил по-чекистски двусмысленно в том роде, что первую половину своей служебной деятельности был он в «оперативной специфике», где свободного времени для вольнолюбивого сочинительства не предусмотрено. Но когда с чинами и возрастом пришла остепененность кабинетной кадровой службы, то почувствовал «этакую эпистолярную склонность к сочинению чисто деловых бумаг, ха-ха, как-то раз наш генерал, что командовал тогда «Кленовым переулком», прочитав мой аналитический отчет по... ну это не важно, с искренним одобрением сказал, что ты, Алексей Никифорович, усердной службой поприжал в себе явные способности сочинителя». Вот теперь в голове Гриши все стало на свои места: природа в их роду по мужской линии соблюла-таки чрезпоколенное правило интереса к словесному самовыражению. А раз так, то сам

бог, или Дарвин с Ламарком, велели ему, Грише Неуспокоеву, продолжить наследственную традицию. Миновав вроде как обязательный раннеюношеский стихотворный угар, в смысле не поддавшись ему во все, даже в мыслях, уже в последних двух старших классах он начал обращать на себя внимание учителей по гуманитарным предметам. Осторожно, но намекали на некоторую его будущность. Правда, та же литераторша Евгения Наумовна, первая в нем что-то приметившая еще несколько пораньше по его урочным и домашним сочинениям, пару раз ненавязчиво, как очень опытная учительница, растолковывала ему, что сейчас если уж не совсем последние, то граничные к ним времена умаления и вообще «обнуления» роли художественной литературы в жизни человечества пришли. Тогда еще слово «глобализация» не было на слуху, поэтому Евгения Наумовна изъяснялась в несколько иной терминологии, но, как сейчас осознавал Гриша, в совершенно верном, провидческом ключе.

◆ «Литература в ее веками и даже тысячелетиями выработанном понятии,— неторопливо и выверено в словах говорила ему почти десять лет назад Евгения Наумовна,— возникла, развивалась и стала одним из важнейших общественных явлений именно как художественное отражение познаваемого мира. Ты понимаешь, Гриша, о чем я говорю? Хорошо, продолжу по сути. Помнишь, как я вам на уроках объясняла: при всей образности литературных произведений в них все строится на четкой логике, так сказать, теза и антитеза, то есть противопоставление. Значит, в классовом обществе это противостояние классов. Отсюда и метод критического реализма в великой русской литературе девятнадцатого и начала двадцатого веков. В советской стране классов не было, поэтому в методе социалистического реализма противопоставлялись новое сознание и еще сохра-

нившийся атавизм частнособственничества. ...За эти слова, скажу тебе, Гриша, как молодому умному человеку, не раз в учительской в мою сторону кривились, мол, совково все еще мыслите, уважаемая Евгения Наумовна! Так бы спровадили на пенсию, но... национальность спасла. Поопасались пожилую, хотя и советскую по духу, еврейку трогать. Вот так-то, Гриша, порой бывает. Ладно — к литературе вернемся. Да и осталось немного сказать. Сейчас мир становится единым, в основном, олигархически единым. Как говорят в американских фильмах, впрочем, в наших телесериалах тоже, «ничего личного, только бизнес». Главное, что в такой всемирной олигархии со временем, а оно уже на дворе стоит! понятие государственной обособленности исчезнет. Также во всепланетной олигархократии не будет и классов. Понятно, не по советскому образу и подобию, скорее наоборот. Сформируется потребительская пирамида, а это не то что не классы, но непрерывная, размытая взаимосвязь между уровнями такой пирамиды. А раз так, то размываются и понятия тезы и антитезы, что означает ликвидацию базы литературы и, главное, ее невостребованность. Но ты не скорби заранее, еще застанешь некоторое подобие литературного процесса, увы, завершающего. Хочешь — запомни мои слова, а нет, так и выброси из головы... все равно, сам со временем к таковому же мнению придешь».

С цепкой юношеской памятью Гриша не то что запомнил дословно, но в последующие десять без малого лет убеждался в их по времени развертывающейся, все ускоряющейся, справедливости.

Итак, проскочив мимо юношеских стихов с их «розами-морозами», сочинять Гриша начал, пока сугубо тайно, «для себя», с последнего школьного года. В университете учась, вечерние часы, когда проводил их дома, делил между интернетом и «отцел-

киванием» сначала коротких зарисовок, потом рассказики пошли, а к окончанию уже и пара коротких повестей в загашнике имелась. Где-то с полгода ходил на семинары литобъединения — одного из нескольких в городе,— но скоро понял: надо литературным самообразованием заниматься... всю жизнь. А эти семинары? — привкус жеванной ваты во рту, как чтение многополосных статей в сохранившихся оппозиционных газетах: многословно, с благими намерениями, наставительно-воспитательно, но... как будто пишется для мамонтов, не то что обреченных, но уже вовсе вымерших. По здравому размышлению отверг он и возможную учебу в Литературном институте: и знающие люди посоветовали, опять же в интернете иногда разумные мысли проскаакивают. Главное он понял: если в советское время Литинститут даже организационно подчинялся Союзу писателей, то теперь это был вуз министерства образования. «Овчинка выделки не стоит,— кратко сказал ему руководитель литобъединения,— лучше самообразуйся. И главное, Гриша, не переставай читать русскую классику. Не только книжки издавай, сейчас это раз плонуть, но старайся как можно чаще видеть свою фамилию в литературных журналах, благо их сейчас пруд пруди».

Что Гриша и старался делать. На издание книжек принятым сиротским тиражом в сто экземпляров подбивал дед Алексей Никифорович. И «подбивку» сопровождал деньгами для издания, благо полковничья пенсия позволяла.

Руководитель литобъединения, известный не только в городе и области писатель еще советской формации, изрядный скептик в прежней, тем более в нынешней, жизни, не огорчился отходом Гриши от его семинаром. «Да, Григорий, тебе судьбой указан путь самостоятельный. И... тропи этот путь, а я чем могу, в смысле советом, всегда готов помочь. Дай

бог тебе пути верного. Как говорится, продолжим наше безнадежное дело!» Еще он посоветовал обзавестись членским билетом писательского союза: «Конечно, это сейчас совершенно мертвые, формальные союзы, но и принимают всех за умеренный якобы вступительный взнос. Других доходов у них нет. Впрочем, всего остального также нет. Их, союзов, сейчас два: основной и «апрелевский», как на момент образования его называли. Вступай в основной. Впрочем, по стране, ее городам и весям имеется еще с десяток всяких околописательских союзов, но ты их в голову не бери...» — «А почему «апрелевский»? — «Потому, Гриша, что образовался в апреле месяце где-то в самом начале бардака девяностых. Женя Евтушенко, весьма лавролюбивый, но сдерживаемый в писательских должностях в советское время, даже литинститутского диплома задарма не дали! решил быка за рога взять и сепаратно образовал свой союз. А чтобы сразу наполнить его нетленными талантами, то принимать начали едва ли не на улицах, то есть не по публикациям даже, а... по рукописям! Жене тотчас последовали раскольники и в областных организациях — тоже лавролюбивые наполеончики. Тошнотворно все это, Гриша, и смешно. Сам же Евтушенко вскоре от своей затеи отошел как от явно безденежной и отправился в Штаты ковать доллары преподаванием русской литературы в одном из провинциальных университетов».

◆ Гриша отчасти потому перестал ходить на семинары литобъединения, что его приметил после первой же публикации в литературном журнале «Срединная Россия» его главный редактор Андрей Матвеевич Бурцев. Журнал этот, из категории «толстых», хотя и издавался в их городе, но за полтора десятка лет с его основания неукротимой энергией и отменным художественным чутьем Андрея Матвеевича сумел уверенно поставить себя на «всероссий-

скую полку». Даже умудрился главред получить официальный статус издания под эгидой Союза писателей — который основной. И что особое изумление у всех вызывало — на издание ежеквартального журнала в триста страниц не имел Бурцев ни единой копейки финансирования: ни от областных властей по линии культуртргерства, ни от мифических меценатов-частников. Разумеется и полностью обнищавший еще в начале девяностых Союзпис вместо денег мог дать только благожелательное отношение. Когда Андрея Матвеевича нескромно спрашивали насчет «а как ты выкручиваешься с журналом-то», он только ухмылялся и дурашливо, под старорежимных лавочников и приказчиков, напевал: «Не счесть алмазов пламенных в лабазах каменных, не счесть жемчужин у купцовой дочки». Когда же намекали на таинственного спонсора, то обрывал любознательного гневной филиппикой о скупердяйстве торГОВО-спекулятивного сословия.

Андрей Матвеевич отменным своим литературным чутьем оценил не только своеобразную, хотя еще и не оформившуюся в стиль, манеру повествования Гриши, его молодость, физическую и творческую, серьезную архивную службу, но и прихваченную начинаящим автором на первую встречу бутылочку архистоящего, советских еще лет рóзлива, восхитительно-душистого марочного азербайджанского коньяка «Бакы». «Это откель такой раритет?» — вскричал в полном восторге Андрей Матвеевич, откусив первую стопку «за знакомство». Гриша охотно, деловито пояснил, что у его деда Алексея Никифоровича есть школьный дружбан, который в девяностые годы стал авторитетом и смотрящим за братвой в недальнем от облцентра промышленном городке. Зная пристрастие пахана к кавказским (впрочем и иным...) коньякам, на юбилей братва преподнесла ему где-то «прихватизированный»... вагон-товарняк с

сотней ящиков, а может и с двумя сотнями, марочного коньяка. Сейчас дружбан, давно и вовремя отошедший от хлопотных дел, живет на покое в загородной своей вилле, для развлечения завел для физкультурного развития внуков небольшую скаковую конюшню. Приезжая же к Алексею Никифоровичу, знакомством с которым, целиковым полковником из Кленового переулка, он гордился, поздравить с днем рождения, он непременно захватывал пяток раритетного «Бакы» из своего винного погреба...

Андрей Матвеевич, услышав про историю винного погребка, и вовсе в совершенный восторг пришел: «Вот они — настоящие русские характеры, которых сейчас даже близко не съшешь! Полковник в голубом мундире и братковский авторитет — вроде на социальной лестнице не то что на разных ступенях, но на различных сторонах этой лестницы стоят: один поднимается в нормальном вертикальном положении вверх, а другой, головой вниз, ногами цепляясь за обороты ступеней, спускается вниз, в моральную пропасть. Но — школьная дружба, дворовое детство с пением «кирпичиков», курением «примы» и «махорочных» за восемь копеек пачка, драками за девчонок с парнями соседнего двора, бутыльком «солнцедара» на троих — все сохранилось в душах и головах. И как бы не двигались в абсолютно противоположные стороны их социальные устремления и образы жизни, но вот встречаются раз-другой в год два пенсионера, один от «голубого ведомства», а другой от воровских понятий, и ничего иного друг к другу не испытывают, кроме как ностальгического тепла давних-предавших лет детства и взросления! Вот оно истинно советское, бесклассовое, с полнейшим презрением (даже с уворованным вагоном коньяка!) к накопительству и частнособственничеству... Спасибо, Гриша, за коньячное внимание и восхитительный рассказ — не сочиненный, но самой жизнью про-

шедшей написанный. Даже на сердце полегчало, хоть на миг да забыл про тошнотную мерзость нынешних реалий с их предельным лицемерием, бездуховностью... словом, как реклама в «ящике» долбит по ушам: *безалкогольное пиво с лимонным соком*. Только такое представишь — в блевотину потянет. Тебе, мой юный друг, на писательской стезе потруднее, нежели мне, старого закала сочинителю, придется. Чем совершеннее слогом будешь овладевать, то есть зорче отображать в словах и строках окружающую жизнь, тем больше и больше станешь ощущать в душе и голове своей двойственность, увы, неразделимую: творческое устремление к правде каждого написанного слова, с одной стороны, и четкое понимание того непреложного, что правота эта уже ни единому человеку, исключая самого себя и пятка-девятка собратьев по нынешнему несчастию ощущать себя писателями, не то что не нужна, но даже с похмелья в голову не полезет. Что-то навроде рвотной пилюли, которую пытаются всучить для приема во внутрь только что с аппетитом пообедавшему мужику — о бабах и вовсе речь не идет,— хотя бы и набил он утробу свою нынешним эрзацем пищевой химии. Мужайся наперед, мой юный сочинитель и бытописатель!»

♦ С самого начала общения Андрей Матвеевич четко, хотя и после второй стопки, определил их будущие взаимоотношения: «Ты парень самомыслящий, тебе в писательском становлении, так сказать, *за-руку-водитель* не требуется. Тем более и образование у тебя гуманитарное, близкое по духу и сути к художественному сочинительству. Ученого же учить, только портить. А вот проводником направляющим, что-то навроде Вергилия в бессмертном творении Данте Алигьери, по нынешним литературным кругам ада для творчества — готов быть-стать. Не без корысти... я не «Бакы» из бездонного погре-

ба твоего дедова дружбана-авторитета, конечно, имею в виду. Просто питаю надежду наблюдать по публикациям в «Срединной России» творческий рост нашего молодого постоянного автора. Ибо к своему детищу отношусь в крайней степени серьезно, то есть без шутовства и лавроискательства. Полагаю, а пример беру с Пушкина с его «Современником», оным же у Некрасова в продолжении-возобновлении издания, но особенно с некрасовских же «Отечественных записок», из которых вышла вся великая русская литература второй половины девятнадцатого века... словом, полагаю, что журнал литературный, в отличие от сборников, альманахов, антологий и прочего, есть воплощение в каждом номере законченного коллективного литературного произведения. И постоянные авторы у нас — не семейственность-компанейственность, не приют литературных пенсионеров — от «прапорщиков» до «генералов», но заинтересованные в качестве литературного оформления журнала члены такового коллектива. На том и стоим, аминь».

...И вот сейчас, завершая свою первую «серьезную» повесть, Гриша осознал: судьбе было угодно дать ему проводника по кругам современного глобалистского ада, что изощренно почище и поиздевательнее над человеком Дантового. Понимал — это сейчас редчайшее везение. Скуп на слова в трезвости (не все же баловаться неподдельным из погреба дедова дружбана-авторитета!) Андрей Матвеевич, но каждое его слово стоит иной лекции. Особенно в части той самой двойственности в душе и голове: «Пиши для души своей, а головой обращайся к читателям твоим... пока таковые вовсе не канули в небытие».

А тошнотное безалкогольное пиво с лимонным соком, пролившись с разверзнувшихся небес беспощадной эволюции на прежде оразумленную планету,

затуманило всю ее сущу густым туманистым миазмом оцифрованного расчеловечивания. Диктатура глобализации отменила творческое мышление, а из художественного прежде всего литературу, ибо та оперирует словом, а девиз этой диктатуры: *цифра вместо слова*. От того-то литературное творчество и есть главный враг глобализации, поэтому такой враг уничтожается первоочередно.

...Таковая подспудная мысль и была заложена Гришой в эту повесть, зашифрована в сугубо реальную, неприхотливую фабулу и сюжет. Главное, как ненавязчиво наставлял Андрей Матвеевич, «в русской литературной традиции секрет Полишинеля не должен просматриваться через прорехи Тришкиного кафтаны, ибо она, русская литература, ориентирована прежде всего на думающего читателя. И неверно старинные и современные западники либерального толка, подражая попке-попугаю, беспрестанно талдычат о том, что-де вот русская классическая и советская литература назойливо учит, а западная, вольнолюбивая и толерантно-ненавязчивая, дескать, дает читателю право самому выбирать в читаемом тексте: кому и за чем следовать. Свобода, мол, выбора. Хрена им с дегтем в печенки!» Еще при черновом прочтении Гришиной повести матерый главред похвалил автора за эзопов язык — существеннейшую особенность русской и советской литературы: «Это ты верно курс держишь. В нашей двухвековой традиции иносказательный язык — и власти придерживающей не обидно, и умному читателю все предельно ясно, и мастерство писателя все растет и растет! Вот наивный Радищев, набравшись в Германии либерализма западного, всю правду-матку открытым текстом в «Путешествии» высказал — и по воле матушки Екатерины в... ту же матушку Сибирь угодил. А действительный статский советник, уже девушка, Крылов еще похлеще высказывался, но толь-

ко баснями — в традиции Эзопа, Скалигера и Ланфонтена — и только успевал ордена от царицы и царей получать. Традиции завуалирования вообще в русле нашего мышления. Пример тебе: почему Генералиссимус именно двадцать четвертое июня выбрал для парада? — Конспирологи давно смекнули: в сорок пятом году на этот день пришлась Троица — символ торжества православия; в то же время день двадцать четвертого июня — праздничный для англо-саксонской масонской ложи. Выходит, что это был парад не только в честь победы над Германией, но и торжества русского православия над «англичанкой», как именовали Британию в дореволюционной нашей публицистике, ибо Англия и есть инициатор второй (впрочем и первой) мировой войны и особенно сталкивания нас с немцами. Вот так-то, Григорий, у Вождя есть чему поучиться!»

...Несмотря на эзопов язык, повесть Гриши, опубликованная в «Срединной России» и изданная им отдельной книжкой, на ежегодном конкурсе не получила одобрения жюри областной литературной премии. По разделу прозы ее удостоился более старший годами подполковник артиллерии в отставке за трехтомный автобиографический роман-эпопею «Яблоневые рассветы».

И с литераторами провинциальными простишься... до следующей книги, может быть: очень уж они по-своему колоритны. Вот ведь русский характер! Казалось бы, лавролюбив не по чину, вздорен сочинитель Омшанников; неуваживчив и несколько пакостлив по мелочам литератор Сухариков — но как без них представить себе губернскую писательскую братию? Совсем хорошо — уже не хорошо. А без Сухариковых и Омшанниковых совсем замрет внешняя писательская жизнь города, и без того уже тлеющая в маленьких комнатах Дома творческой интеллигентии, из которого в послереволюционные годы правил городом присланный из столицы комиссар в кожаной куртке, а до этого владел маленьким домиком-дворцом первогильдийский купец.

Добрые и хорошие люди эти провинциальные служители писательской музы, особенно если общаться с ними поодиночке и за пивком с вяле-

ным лещом. А еще лучше за водочкой в запо-
тевшем от холода графинчике под рыбное же ас-
сорти и бутерброды с красной икоркой. Думали
ли вы, горемычные, что на старости лет никто
не будет читать, тем более печатать задарма
 ваши книги, что лишитесь вы заслуженного
 летнего и зимнего отдыха в бывших санаториях
 и домах отдыха Литфонда? Переучиваться же
 на другую профессию и поздно и менталитет не
 позволяет. Мира вам и душевного спокойствия...
 и продолжайте творить, ибо рукописи не горят.

ВЗАИМОЗАЧЕТЫ

— А ежели тот закон исполняться не будет?

— Тогда надо внушение расpubликовать: лучше, дескать, совсем законов не издавать, ежели оные не исполнять.

М. Е. Салтыков-Щедрин «Карась-идеалист»

◆ Виктор Лонгинов женился к самому окончанию университета, где учился по востребованной сейчас *айтишной* специальности по защите информации. Он все делал, не в пример большинству безбашенных сверстников, обстоятельно и продуманно — «весь пошел наш Витюша в своего деда, такой же основательный по жизни с малых лет!» — добрея глазами, говорила о нем мать заглаза, беседуя с подругами и сослуживицами. Дед же Витин, то есть ее отец, недавно ушедший на вечный покой, служил по интендантству, и выйдя в отставку с приличной офицерской пенсией, до конца советской власти и первые почти два десятка лет новой трудился по снабжению не в последних должностях. Вот в него-то и вышел копией Лонгинов-внук: и по солидной основательности суждений и поведения, и даже в чем-то внешне — крепыш с округлостью, даже очки носил в такой же, как у дела, под «роговую» оправе. И тональность голоса — не различишь: этакий смешливый фальцет в разговоре, а в официальном общении близко к контр-тенору. И Лариса, учившаяся с ним на одном курсе и факультете, подстать ему, хозяйственная, потому и приглянулась. Опять же все деды и бабки Вити сельского произрастания, может потому, переселившись примаком в частный дом Ларисы, хотя родители и уговаривали остаться с молодой женой в солидной, в сталинском доме в центре

города «интендантской» квартире, он обнаружил в себе качество основательного крестьянина-собственника. Не то что потянуло тупо в земле копаться, грядки выравнивать и яблони со сливами окучивать — на такие дела рук Ларисы и тещи в самом расцвете последней молодости «бабе пятьдесят, баба ягодка опять» с избытком хватало (тестя, тоже примака в доме, несколько лет назад удалили из семьи — хронически запил после неудачного «предпринимательства»). Нет, именно крестьянская хозяйственность ожила в Вите в основательном доме с огородом и садом, даже с огромным, отдельно расположенным погребом с цилиндрически выложенными кирличными стенами трехметровой глубины — остатки собственной кузницы дореволюционного предка нынешних хозяек дома и участка, знатного мастерового-надомника, ковавшего на частные заказы железные фигурные ограды и ворота. Образец последних и посейчас украшал вход в домовладение.

Дела же хозяина многоразличны, требуют неусыпного внимания, растущих из нужного места рук и деловой сметки. Дом, раза три уже перестраивавшийся и подновлявшийся со времен основания этого крепкого строения знатным мастеровым-надомником, стоял на крепком фундаменте, что называется в полутора этажа — с полуподвалом под съестные заготовки, всякий хозяйственный скарб, ремонтные для дома материалы... мало ли что потребно в собственном домовладении? Уже по первому году хозяйствования (теща, явно на сравнении с неудавшимся супругом, души в зяте не чаяла) Витя из несколько захламленного подвала сделал конфетку: стройные ряды полок под банки с огурцами и помидорами, хитроумное кубастенькое картофелехранилище с автоматической регулировкой температуры — ведь электроник по профессии! Такое же для хранения «зимних» сортов яблок. В одном углу — целковая мас-

терская со столярным и слесарным верстаками, сверлильный настольный станочек, а на полочках разложен весь потребный инструмент. В другом — все для выделывания кальвадоса, то есть яблочной водки: от чана для браги с закрепленной на его борту электрической мясорубкой... в смысле яблокорубкой, до любовно изготовленного им самогонного аппарата со стеклянной витой трубкой Либиха, что используют для дистилляции в химических лабораториях, и сложного трехуровневого очистителя полученного продукта от сивушных масел.

Сам Витя по семейной традиции в трех поколениях почти не употреблял, но, справедливо полагая, что нынешние магазинные крепкие напитки фабрикуют на основе технического, из опилок с лесопилки, спирта, встречал гостей из родственников и знакомых только своей, экологически чистой. Тем более не доверял современным, сплошь порошковым из алжирского «виноматериала», что в черноморские порты танкерами привозят (как в советское время, но тогда это пойло как «алжирское» и продавалось) — бартер за поставки оружия, — «вином» с различными, как в пьесе Островского «какие хошь, барин, этикетки наклеим»; часть браги Витя перерабатывал, в смысле очищал и в бутылки разливал, в яблочное вино.

На второй год параллельно с кальвадосом и «яблочным», на поток была поставлена сливянка. Численность, «наполняемость», как говорят владельцы ресторанов и кафе, гостей неуклонно возрастила. С того же года к десятку традиционно содержащихся кур — казенные яйца химией и антибиотиками нашигованы! — с их командиром, большевистской, как либералы в девяностые именовали, красно-коричневой раскраски петухом Игнатом, радением Вити добавилось отделение сарая с кроликами в клетках. Траву для них он скашивал на недальнем за-

росшем пустыре — через десяток таких же частных домов не то что город заканчивался, но разделялся, незастроенным, шириной в пару километров, клином дикой природы между двумя районами областного центра.

Подвал, сам дом и его крыша — добрые, но требующие постоянного хозяйственного глаза, живность в сарае, погреб на месте старинной кузни, опиловка фруктовых деревьев и подправка ягодных кустов, все электрохозяйство, подведенные в последние советские пятилетки к дому — и по всей улице — газ и водопровод, банька и, пардон, туалет под общей с домом крышей... и миллион других забот, включая, вместе с женщинами, уборку урожая и зимние заготовки — другого современного бездельника в ужас бы при одном перечислении привели, но — Витя как будто очнулся от прежней, почти что сонной, монотонной городской квартирной жизни, почувствовав себя хозяином интересной и многоукладной жизни.

Сразу по получении диплома, испытывая осторожное недоверие к частным «лавочкам», с необременительной «для ответного добра» помощью боевых соратников деда-интенданта устроился на главпочтamt, в смысле в областное управление связи, по части компьютерного обслуживания. Сейчас, к описываемому времени, в свои двадцать восемь лет уже трудился заместителем начальника цеха с хорошей перспективой, как бесспорочный и квалифицированный специалист.

...Когда по табельным дням кто-то из ранее не бывавших в доме гостей, из молодых поколений, указывая на лежащий на угловом столике вроде как даже чуть запыленный ноутбук, интересовался причиной нахождения здесь, в доме «столь продвинутого айтишника», такой древней модели, то Витя кратко пояснял в том смысле, что возни с техникой ему и на работе хватает, а дома у него и без того серь-

езных дел невпроворот. «А как же с миром общаться? Социальные сети всякие, наконец, надо же знать, что там о нас думают и говорят?» На что Витя еще более резонно пояснял, что общаться с миром — это самообман; социальные сети — ловушка для лохов-простаков. А если вражеские мнения надо знать, то на это есть программа «Евроньюс», по утрам на телеканале «Культура». ...Когда же «Евроньюс» прикрыли на «Культуре», Витя спокойно резюмировал, мол, *партии и правительству* виднее, что народу надо знать или не знать.

...И хотя домохозяйственная Лариса, уже счастливая мать четырехлетнего карапуза — весь тот в отца! — регулярно смахивала пыль с нераскрывавшегося месяцами старинчатого ноутбука, уже подумывая перенести его, ввиду ненадобности в хозяйстве, в кладовку, как вдруг он понадобился хозяину. И фай-фай ему тотчас подвели за счет главпочтамта, мол, служебная надобность, соответствующая должности.

◆ Одногруппник Вити по университету Вячеслав Добжик имел по линии матери хотя и дальнюю, но ощутимее солидную родню, нежели Витин интендантский дед, потому начал трудовую деятельность в областной администрации, на должности специалиста в информационной службе департамента — с недавних пор министерства (это как в России последней трети девятнадцатого века в «столицах и университетских центрах» трактиры переименовались в рестораны — шутковал Славин отец) — по части экологии, природопользования и еще чего-то: Слава не запоминал, поскольку эта добавка «еще чего-то» раз в год переиначивалась.

На пятом году «министерского присутствия» (опять же веселый и умеренно-едкий по характеру его отец) на полтинный юбилей хозяйки семьи Добжиков была звана в почетные гости та самая благодетельница, какая-то троюродная родственница ма-

тери Вячеслава. В смягченной домашностью приема обстановке Аделаида Яновна — Добжики и их родня давних западнобелорусских корней — поинтересовалась успехами Вячеслава по службе, одобрила возрастание по должности до старшего специалиста, уже тройка человек в его подчинении, но наставительно заметила, что пора уже задуматься о переходе (троюродного) племянника из разряда сугубо технических специалистов в категорию государственных служащих: «...Там и перспективы шире, и общественный вес совсем иной, и круг занятий-обязанностей разнообразнее, наконец, хотя человек ты и молодой, а пенсионный возраст несколько сейчас повысился, впрочем, совершенно оправданно с позиций госстроительства и резкого увеличения благосостояния, а значит и средней продолжительности жизни наших сограждан (Аделаида Яновна испытующе повела взглядом по заскучавшим в един миг лицам гостей), но ведь дальномыслящий, серьезный человек должен заранее подумать и об уходе на заслуженный отдых. А у госслужащего, как вам известно, размер пенсии значительно поболее обычной. Конечно, не звание лишь такая существенная льгота, но чиновник, как сейчас принято говорить, тем и отличается от обычного работника того же областного министерства, что не ограничивает свою занятость восемь-напять, как опять же сейчас принято говорить, а думает о своей работе и за рамками служебного времени. Опять же какая ответственность в части принимаемых решений!»

Вячеслав, уже приобвыкший к административному политесу, скромно поблагодарил (троюродную) тетушку, полагая некорректным далее развивать эту тему, памятуя заповедь: выслушал — скажи спасибо за совет, намотай на ус, но не приставай с разъяснениями. Тем более на людях. Главное, мысль о переходе в разряд «полунеприкасаемых» (опять шуткова-

ные отца с продолжением: «Только со взятками будь осторожен») и без того в голове сидела не на последнем месте в оперативной и базовой памяти, как Слава определял их на компьютерный манер. Но сколько бы он не рассуждал на эту тему последний год, памятуя «правило Карнеги» из прочитанной книги этого знаменитого миллиардера об успехе в жизни и бизнесе, что каждый успешный человек раз в пять лет должен либо менять место работы, или в рамках ее переходить на качественно более высокий уровень, ничего толкового в голову не приходило. Анализ всех возможных ходов и ситуаций неизменно натыкался на стену, достаточно высокую, чтобы преодолеть ее без ступенек приставленной к ней лестницы. А Аделаида Яновна, как он и сам четко понимал, из той степени родства и характера, что ограничилась в его карьере только единственной, начальной ступенькой. Дескать, малец, помогла тебе без риска спрыгнуть в реку, так дальше сам плыви, выбирая стрежень поровнее и быстротечнее, но пуще остерегаясь как тихих прибрежных омутов и затоней, так и опасных порожистых перекатов...

Но благосклонное наставление Аделаиды Яновны пришлось на тот обычный переломный момент домашнего, без официоза чинопочтания, застолья, когда гостюющие уже достаточно напробовались из бутылочек с напитками всевозможных расцветок содержащего под старинную селедочку под шубой, традиционный оливье и новомодный греческий салат, корзиночки с красной (на черную хозяева не взошли!) икоркой, шпроты с лимонными дольками, холодную разнорыбницу и домашнюю (мать мастерица на кухне) буженину, даже закордонный санкционный «имменталь» и «камамбер», а хозяйка с помощницей из числа близких к дому гостей уже освобождает от опустевших тарелок стол под главное горячее блюдо сегодняшнего торжества, вызвавшее всеобщий вос-

торг у почтенных годами и знакомых по советским временам чтения русской классики: целиково запеченный в духовке («еле поместился!» — с торжественной скромностью как бы оправдывается хозяйка) месячный поросенок, фаршированный гречневой кашей и черносливом, а по лоснящейся, аппетитно хрустящей кожице щедро одетый в шубку хрена, под которой попервоначалу даже и не различишь, что перед этим вызванный на кухню хозяин длинным, отточенным до остроты боевой шашки Семена Михайловича Буденного, ножом разрезал это полезное сельскохозяйственное животное, нащупывая межпозвонковые хрящики на поперечные порционные ломти — как колбасу.

Восторг! Гости за именинницу! Стопки, рюмки и фужеры (по-нынешнему, американскому — бокалы) неприменимо наполняются до краев «с мениском»! Каждый стремится удостоиться части чокнуться с Аделаидой Яновной.

И на таком переломе торжества, хватанув «с мениском» под поросенка, когда даже архибдительная высокопоставленная гостья подобрела глазами и голосом — темперированным контральто, выкушав полфужера (эх, гулять так гулять!) патриотичной уже который сезон массандровской сухой мадеры, утратившие начальную политкорректность гости приступились по теме предыдущих ее слов к Аделаиде Яновне: а как это можно еще молодому, даже не достигшему «тридцатника», человеку перешагнуть порог от специалиста-исполнителя к госслужащему! Со всеми вытекающими обязанностями и правами, включая усиленный пенсион?

Матерая чиновница поначалу отбрыкивалась обычными казенными словами, мол, трудолюбие, постоянное повышение общего и конкретного уровня знания и опыта, устремленность, дотошное знание законов, стремление работать не за страх, но за

совесть... главное, особо выделила она, понимание того, что живем мы сейчас в новой стране, поражающей весь мир смелыми реформами, динамичностью и социальной направленностью развития. Гости поначалу слушали, но постепенно вновь переключились на бутылочки и поданные хозяйкой дополнюющие поросенка горячие блюда: котлеты по-киевски и пожарские, жареная курица с ткемалевым грузинским (один из гостей носил фамилию Киквадзе) соусом.

Окончив основные хлопоты, хозяйка-именинница подсела к высокопоставленной родственнице, уже по-женски доверительно, умащивая свои непрямые вопросы тонкой лестью, опять же перевела свой разговор на возможные шаги «нашего Славика» к возможенному переходу в разряд госслужащих. Не забывала и подливать в фужер гости патриотическую мадерцу.

Другой день был субботний, выходной, и мать все в подробностях, прямой речи Аделаиды Яновны и собственных комментариях, донесла сыну о предпочтительности его усилий по преодолению стены, по другую сторону которой неустанно трудится на всеобщее благо класс чиновников. Со своим, конечно, табелем о рангах. Главное, как понял Вячеслав, затвердить для начала свое имя в памяти тех небожителей губернского бомонда, от которых следует ожидать лестницы, что для него приставят к стене. Словом, нужны инициативы, которые войдут печатно в областные законы и указы.

◆ Витя Лонгинов и Слава Добжик после окончания университета, хотя бы они в студенчестве и не стали друзьями, скорее безобязательно приятельствовали, не теряли друг друга из виду не столько в части чисто деловых соображений, даже потенциально «на потом», хотя и это со счетов списывать не стоит, в наше деловое время, но... здесь каждый из них

для себя правильно определил: близкое видится на расстоянии, так и в людском многообразном и разноликом общении для анализа такого близкого явления большую помощь может оказать некоторый старый друг, даже просто знакомый, который, как известно, лучше новых двух. Ибо наиболее верный совет дается бескорыстно, а какая корысть Вите со Славой друг в друге? Не считая, конечно, мелочей житейских. Никакой, тем более, что по относительному карьерному статусу они примерно равны, как одинаковы по доходами и, так сказать, общественному реноме, семей, в которых они выросли.

Понятно, Слава был не то что гостем на свадьбе Виктора, но шафером; сам он женился два года спустя, позвав Виктора алаверды также свидетелем в ЗАГС. И на родительских квартирах друг у друга бывали, пару раз Славу зазывали в усадьбу — иначе у них и не именовалось — Лонгинова. Ответные визиты Виктор наносил по-деловому, без супруги, в двухкомнатную квартиру молодоженов Добжиков — совместный дар родителей с обеих сторон к свадьбе. Правда, последние год-полтора не виделись, а при необходимости созывались, когда требовалась помощь в этих самых «мелочах житейских». Например, звонит старший специалист Добжик замначальнику цеха, то есть отдела в управлении связи, Виктору, просит по старой дружбе переслать ему файл новой инструкции, касающейся обеспечения информационной безопасности. Понятно, что документ этот Слава может получить в служебном порядке, но это требует времени, согласований, запросов... словом, обычая административная рутинка. А здесь позвонил — и то что нужно уже по «мылу» получено, и принтер весело отшлепывает страницу за страницей пространной инструкции. Через пару недель, коль скоро долг платежом красен, в трубке Добжика характерный голос, с вежливым подкашиванием (хотя здо-

ровье в полнейшем порядке): просит Витя Лонгинов, не в службу, а в дружбу, поинтересоваться в департ... то есть в министерстве связи, телекоммуникаций и еще чего-то (тоже год от года хвостик изменяется) насчет их запроса о квотах по части рабочего оборудования. Можно, конечно, официальным путем справку получить... но время-то сколько уйдет? И необременительно для Славы Добжика, вовсе не надо одолживаться у кого-либо информацией, тем более что-то просить, значит стать обязанным, в долг... нет, достаточно подойти к знакомцу равного должностности-звания в этом связном министерстве, благо всего этажом выше, и попросить пощелкать на клавиатуре, найти нужный документ, вроде как по своей служебной докуке, и подсмотреть требуемое Виктору. А почему, спросит дотошный читатель, Витя и Слава, без обременяющих звонков друг другу, сами нужное в интернете не найдут? А потому, что документы эти внутренние, для служебного пользования, для сети всеобщей не предназначены.

Так бывшие однокашники и решали обоюдно мелочи жизни по методу взаимозачетов. Но зачет зачету рознь не только у студентов: случилось, что Виктор и Вячеслав, каждый порознь, но в одно время попали в более сложные ситуации, не меловые, когда старая дружба, которая не ржавеет, взаимозачетом помогла им в очень даже, можно сказать, жизненно важных, сложных делах. Хотя бы собственно «вещественное» содержание взаимной помощи всего-то и выглядело как ненавязчивые советы. Ну, это для непосвященных. Дальше почти детектив.

◆ Служебный телефон в кабинете, на двоих с другим замом, застал Виктора Лонгина только что вернувшимся с обеда в учрежденческой столовой. Все друзья, знакомые и коллеги Виктора знали его «телефонную иерархию»: если звонящий пользуется кабинетным городским телефоном, то значит он под-

спудно проявляет уважение к абоненту. Мобильники же Виктор полагал баловством, хотя бы в своей должности и курировал по технической части от областного управления связи действовавшие в области компаний сотовой связи. «Пусть бабы всех возрастов, школьники и студенты безотрывно трандычат по этим гэджикам, работая на частный капитал», — так он объяснял в узком кругу свое пренебрежение к мобилам. Поэтому, услышав голос Славы Добжика, тотчас сообразил: какая-то нужда во мне возникла. Слава же, ссылаясь на хорошую погоду и «давно не виделись, вспомним студенческие вольные времена, как посиживали когда-то компашкой в нашей славной «Наливай-ке!» А? Давай встретимся после службы в «Оливье», знаешь — немного вверх по проспекту. И тебе от главпочтамта, и мне от администрации в одну сторону всего-то с четвертой часа идти. Как ты?» Виктор, поддержав предложение однокашника, еще раз убедился, услышав в трубке невольную интонацию если не радости, то удовлетворения, что у Славы Добжика явный интерес к нему. Что ж, помочь хорошему человеку — и себе добро сделать.

...В уютном кафе «Оливье» на высоком, с подъемом по лестнице в полтора десятка ступеней, первом этаже дома сталинской еще постройки, прохладном без всяких кондиционеров в самые жаркие летние дни, рассчитанном на приличных, деловых посетителей, обычно завсегдатаев, приходивших самдвое, реже троем-четвером, Виктор и Вячеслав с приятностью провели полтора часа. Угощал пригласивший с деловой ненавязчивостью: коньячок «Старый Кахети» гарантированного грузинского розлива под фирменный оливье — настоящий, с икоркой, рыбное ассорти. Обменявшись общими впечатлениями о текущем житье-бытье, малых служебных радостях и неизбежных огорчениях, Слава Добжик не то что издалека, но с необходимой предысторией, с

подходцем перешел к цели затребованной им «у старого друга и коллеги по студенческим шалостям» встречи. Уже дома Виктор еще раз прокрутил в памяти — по давно выработавшейся привычке — случившийся разговор. «...Зная тебя, друг мой Витя, как редкостного в наше... ну-у, скажем так, стремительное в действиях время человека с обстоятельным мышлением, умеющего аналитически взвесить ситуацию и подсказать правильное решение, решил просить своего совета. Конкретнее говоря: что можешь посоветовать насчет инициативы, о желательности которой, как только что тебе рассказал, рекомендовала Аделаида Яновна? Сам я вроде и не дурак полный, но уже с месяц голову ломаю, все проблемные ситуации в нашем министерстве и пересекающиеся с нами по пограничным вопросам минздраве, так называемые по советской традиции «темники узких мест»^{*} просмотрел, и ни на чем глаза так и не смогли остановиться. Все уже до последних мелочей схвачено и отображено в губернских законах, указах, распоряжениях. Ведь не зря же почти тридцать лет сотни чиновников в обладминистрации свой оклад и грядущую повышенную пенсию оправдывают при пяти последовательно правивших губернаторах. А ведь каждый из них в первые год-полтора строго работу спрашивает! Как ты раньше любил повторять? э-э, вроде как близкое с расстояния видится, правильно?»

Чокнувшись и закусив рыбкой, политой лимонным соком, оба дипломатично взяли паузу. «Если не сейчас, то может со временем что в голову придет?» — прервал молчание Добжик. «Отчего же,

* Действительно, это официальное название подобных документов, которые на заводах и фабриках, учреждениях и исследовательских организациях ежеквартально доводились до сведения всех сотрудников, например, вывешивая на досках объявлений.— Прим. авт.

Слава, для начала сузим, так сказать, тематику поиска. Раз все серьезное и наущное уже в законах и других административных актах отражено, то следует обратиться... как бы это пополиткорректнее выражаться, к популистским темам. Вот, к примеру, ты ведь в студентах курил, помнился мне? Понятно, пришлось бросить это дело при поступлении на службу в администрацию...» — «Но ведь здесь уже все застолблено, я сверял по областным дополнениям к общегосударственному закону о курении... в смысле ограничении его». — «Не торопись, Слава, для всякой мышки есть своя лазейка. Скажи, когда дома курил, например, летом, то где ты с сигаретой медитировал?» — «Обычно на балконе летом, зимой и в непогоду в сортире. Мои-то родичи не курят». — «Вот-вот, на балконе... А есть в губернских актах разрешение или запрещение курить на балконах многоэтажных, то есть не собственных, домов? Нет? Ну и давай быка за рога. И неважно, что балкон есть часть квартиры, где владелец волен хоть в три сигареты, трубки или кальяна дымить круглые сутки. Тем более, балкон — это и улица уже, где дымить не запрещено основным законом. Еще более неважно, что почти стопроцентно все балконы застеклены, черт глазастый не рассмотрит: курят там или водку пьют! Главное, дорогой Вячеслав, поторопись, пока конкуренты не опередили».

При расставании — Добжику до дома двадцать минут ходьбы вверх по проспекту и чуток, свернув направо, а Виктору перейти проспект и на автолайне в свою усадьбу в заречной части города — Вячеслав, с сердца которого упал давящий камень, а в голове уже лихорадило перебором возможных административных ходов действия, долго и с чувством пожимал руку приятеля своими двумя: «За мною не задержится, коль выпадет возможность и тебе помочь».

♦ И не задержалось. Спустя пару недель после достопамятной беседы в «Оливье», Виктор Лонгинов официальным письмом был приглашен в администрацию своего городского района, округа по нынешней американской мове. Принял его заместитель руководителя отдела строительства (с неизменным «и еще чего-то»), пожилой, явно еще в советском райисполкоме, в этом же здании, трудившийся. Усадив посетителя, он обратил внимание на его своеобразную фамилию*:

— А вот, помнится, в восьмидесятые годы на Механическом заводе снабжением заведовал Николай Игнатович Лонгинов, из интендантских офицеров. Мы с ним по райисполкомовской линии тесно сотрудничали, многому он меня, молодого и начинающего, научил. Так он...

— Это дед мой.

Приятно удивившись, ушлый чиновник, откинув административный полетес, перешел на доверительность и обычными словами огорчил посетителя, что-де строительная компания, главный застройщик их района по сооружениям общественной инфраструктуры, сейчас согласовывает с администрацией района же строительство торгового центра рядом с трамвайным кольцом, где имеется пустырь, к которому одной стороной примыкает домовладение Лонгина, а вместе — как раз под стройку.

— Понимаю, Виктор Сергеевич, и сочувствую.

* Лонгин — римский сотник (центурион), распоряжавшийся распятием Христа и проткнувший его на кресте, чтобы прекратить мучения Иисуса. Вскоре он стал христианином и сам был казнен римлянами. Его имя, как святого-страстотерпца, вошло в Византию в православные святцы; отсюда и распространенность имени Лонгин в России до XX века (автор имел знакомого с отчеством Лонгинович). Копье Лонгина, церковн. копие, один из главных атрибутов пасхальных служб.— Прим. авт.

Но с компанией этого генерального застройщика сложно сражаться. И хозяин ее, Артур Есаян, вес в городе и области имеет, и, между нами говоря — все равно всем известно — пайщики в компании не совсем простые люди. Словом, помня твоего деда добрыми словами, советую, пока еще несколько месяцев в запасе имеется, от полюбовного соглашения, конечно, откажитесь, продумайте все возможные варианты. Нам эта компания тоже не кума родная, многое в нахалку стали делать. Может у вас, Виктор Сергеевич, какие связи в городской или областной администрации имеются? Словом, думайте, не опускайте руки!

...Уже не в «Оливье» с ее казенной деловитостью, но у себя дома, мол, «люди мы, Слава, простые, не роскошествуем, чем бог послал из хлеба-соли отобедаем», принимал Виктор должника-взаимозачетника Славу Добжика. Под домашний кальвадос специальной тройной очистки (куда там с ним сравнивать «Старый Кахетии» нынешней скороспелой выдержанки!), тягучую десертную сливянку умелая на кухне Лариса подала салаты из овощей с грядки и изумительно приготовленный рулет из кролика. А к самому приходу Вячеслава (дело в выходной день, чтобы не торопиться) хозяин усадьбы на дворовом мангale довел до зрелости шашлык по-карски из настоящей баранины — единственное, что для гостевого обеда было не свое, но на ближнем рынке прикупленное.

Соответственно домашней обстановке, обедали истово, от двух часов пополудни до начала летнего вечера. Добжик совершенно искренно признался, что теперь-то понимает купцов из романов русской классики и ранних рассказов Чехова (имел он в виду, конечно, снятые по ним фильмы...), что после «закуски» в трактире из горки блинов с икрой, тарелки осетрины или семги, целикового расстегая и ухи из

налима шли на именинный ужин к хлебосолу Потапу Сильчу.

За обедом Виктор получил и конкретный «зачетный» совет, а уже на следующий день захлопотал о вай-фае для домашнего интернета, в котором и копался по вечерам и все выходные последующую пару недель, попутно расспрашивая тещу Нину Тимофеевну о семейных преданиях в части дальнего ее дареволюционного предка, мастерового кузнеца-надомника Пантелеймона Исидоровича Горнового. Имя это во всей полноте сохранилось по надписи выщветшими, пожелтевшими железисто-галусовыми чернилами на шмутц-титульном листке* наследственной семейной библии, которую, судя по карандашным отметкам, внимательно читал кузнец в воскресные дни. Одновременно, при всем неуважении к гэджикам, фотографировал на Ларисин смартфон узорчатые ворота, сам дом в различных ракурсах, особенно — кирпичный цилиндрический кузничный под, не поленясь сначала освободить его от всей рухляди, а после съемки восстановить хозяйственное *status quo*. Подготовленный материал через Славу Добжику попал прямо на стол «культурной министерши», которая недавно объявила варваром строительную компанию Артура Есаяна — при сооружении очередного супермаркета строители снесли остатки ограды какого-то мемориального особняка... Одновременно минкульт области инициировал публикации в областных и городских газетах, в том числе в архичитаемой «Толоке». Словом, в этой ситуации друзей поневоле нашли коса на камень. Как назло (для себя) очень уж самоуверившийся в себе Есаян забыл «занести» куда положено.

* То есть чистый лист между обложкой книги и титульным листом, на котором обычно надписывалась фамилия владельца или ставился штамп экслибриса.— Прим. авт.

◆ Закончилось боевое для наших героев лето, завершилась и слякотная осень. На последнем в уходящем году заседании облдума приняла постановление о запрете курения на балконах, а компания Артура Есаяна перенесла строительство торгово-развлекательного центра на другой пустырь района за рекой. Вот и оптимистичный 2020-й год! К концу февраля Вячеслав Добжик праздновал первый чин госслужащего (с грядущей повышенной пенсией), а домовладелец Виктор Лонгинов, понимая, что впереди еще много Есаянов случится, получил в областном минкульте право на охранную грамоту и уже любовно прорисовывал — в детстве полтора года мать водила его в художественную школу — эскиз таблички, которая скоро украсит фасадную уличную стену его дома: «*Охраняется государством. Памятник надомной мастеровой культуры XIX — начала XX вв. Кузнечная усадьба мастера П. И. Горнового*».

В виртуальном мире навроде того, в котором мы сейчас имеем счастье жить и творить, все делается наоборот от противного. Как в математических доказательствах. Особенно ярко это видно в провинции. Ведь теперь в каждой губернии куча департаментов, а то и просто местные министерства, и все они уже полтора десятка лет занимаются местным же законотворчеством. А люди-то разные в творцы губернских законоположений попадают, разными путями. Потом надо учесть, что при каждой смене губернатора обновляется и состав законотворцев, хотя они вроде как по линии думы идут, но... противостояние законодательной и исполнительной властей — это уже далекие 90-е годы. Народ и партия вновь едины! И так получается: чем больше губернаторов сменяется, тем меньше простора для законотворчества. Куда не кинешь взор — уже предшественник целых десять законов на одну тему насочинял!

И вот сидит, дымится-парится молодой чиновник-законник: надо до конца месяца выдать

на-гора хоть один закон, а то переведут на ни-жеоплачиваемую должность. И придумал-таки, сам часто гуляя в выходные по парку. И ввели должность паркового кормителя парковых же птичек, а в отчетных ведомостях для финорганов получили эти птички статус муниципальных уничтожителей насекомых.

В прежние времена за такой закон самого бы его сочинителя и отправили кормить птичек. Но его повысили в должности.

СЕМЕНА НА ВЕТРУ

*Скучно, тяжко и вокруг столь подло и столь глупо, что не знаешь, где и дух перевести... Все истинно честное и благородное сникло,— оно вредно и отстраняется,— люди, достойные одного презрения, идут в гору... Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?*³

Н. С. Лесков. Из писем к С. Н. Щубинскому
от 17 и 20 августа 1883 г.

♦ Николай Андреевич, бывший конструктор ракетно-пушечного научно-производственного объединения «Меткость», на пенсионном переломе лет перешедший доцентом кафедры ракетостроения на военно-технический факультет, «пентагон» по общегородскому прозвищу, Тулуповского университета, свой двухмесячный «преподский» отпуск проводил дома, как любил говорить товарищ Ким Ир Сен, «не завидя никому на свете». Куда-то ехать, жить среди чужих людей в том же санатории... да пропади оно все (не люди, конечно — наш доцент гуманист). Как замечательно прогуляться свежим утром в центральном городском парке с тремя прудами, заполненными одомашнившейся дикой ранее птицей, что ровно в пяти минутах ходьбы от дома. Перед обедом принять наркомовские — ведь почти сорок лет на оборонку трудился! — сто граммов коньячку, дескать, ея же и монаси приемлют, часок-другой вздремнуть, а затем усесться на табуреточке на открытом, принципиально не застекляемом, приятно обдуваемом предвечерним ветерком балконе. Здесь же на супротивной табуретке «пара чая», то есть литровый заварной чайник, укутанный махровым по-

лотенчиком, стакан тонкого стекла в мельхиоровом подстаканнике в узорах сканью, блюдечко с тонко порезанным лимоном. А в руках, как у истинного, с советских читательских времен, библиофила, что-нибудь из нового пополнения личной библиотеки. Что же лучшего себе желать? Кр-р-расота! — как по такому же поводу по-армейски громыхает с соседнего, тоже — и принципиально — незастекленного балкона отставной полковник Михаил Евстратыч Груденюк.

...Тем более, отпуск только начался: все *впереди*, как назвал свой роман очень уважаемый Николаем Андреяновичем Василий Белов. Как и все шестидесятники-деревенщики, с подтекстом назвал, чем вызвал неудовольствие уже готовящихся на исходе советской власти к реваншу столичных либералов. С давним, еще со времени «Меткости» тех же советских времен, приятелем, ныне заслуженным профессором биофизики Игорем Васильевичем Скородумовым, тож ныне трудящимся в Тулуповском университете, и опять же страстным книгоочеем, у Николая Андреяновича образовалась привычка: к различным негромким датам и событиям одаривать друг друга каким-либо книжным раритетом, что называется, не по цене, а по занимательности, словом — кунштюкам. И вот пару дней назад забежал на биофак к профессору*, выпил с ним по паре стопок под традиционный тост «за окончание годовой трудовой катоги» и презентовал недавно купленный в единственном в городе букинистическом магазине перепле-

* О том как инженер-радиолокаторщик Скородумов трансформировался в профессора биофизики читай в книге: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреяновича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).— Прим. авт.

тенный номер «Журнала министерства народного просвещения», часть ССХХIII, СПб за 1882-й год. «Ты профессор — вот и читай своих коллег позапрошлого века!» — сыронизировал даритель. И обратил внимание на первую фразу открывающего номер раздела правительственные распоряжений, гласящую, что император Александр III соизволил, согласно прошению руководства Императорского Московского университета, разрешить (своему родственнику, значит) великому князю Павлу Александровичу принять звание почетного члена такового университета. «Ничто не ново под луной в нашем отечестве,— усмехнулся Игорь Васильевич,— прямо как сейчас в нашем университете: поставят в область нового губернатора, так ректор его тотчас в почетные профессора. А как снимут того с посадкой в училище, так тихонечко и снимут фото с «почетной галереи!»

«А мы алаверды, как говорится, тем же, но другим концом!» — и Игорь Васильевич протянул другу книжку тоже в потертом временем переплете. Раскрыв титул, Николай Андреянович приятно изумился: вот кунштюк так кунштюк! Это были «Педагогические лекции о преподавании в школах для солдат», изданные в Казани аж в 1869-м году. В подзаголовке значилось, что оные лекции читались в Казанском пехотном юнкерском училище. Мало того — что особенно ценится библиофилами, на титуле книжки сразу два библиотечных штампа значились: зачеркнутый Иркутской учительской семинарии, то есть царской еще, и новый советский «Библиотека Читпединститута». «Не иначе как колчаковский минпросвещения, отступая, библиотеку из Иркутска в Читу перевез? — предположил Николай Андреянович, но тут же спохватился,— постой, постой, а не моя... в смысле теперь на твоей книге чей штамп?» — «Той же библиотеки Читпединститута,— рассмеялся Игорь Васильевич,— так что мы, друг мой ситный,

порознь в букмаге отоварились книгами, сданным одним и тем же человеком... явно освобождавшим свою квартиру под евроремонт от книжных полок и шкафов своего деда, заслуженного учителя, а может и полного профессора!»

...Сегодня на балконе, за чайком, дошли у Николая Андреяновича руки и глаза до старинчатой книжки, в которой очень толково объяснялось юнкерам, будущим пехотным прaporщикам — и далее по карьере! — как им обучать в своих взводах и ротах солдатушек бравых ребятушек грамоте и самым общим сведениям по истории и географии Российской империи, тогда, уже без только что проданной американским амурским косам в 1867-м году Аляски, даже поболее 1/6 части земной суши... С учетом успешно завоевываемой Средней Азии. С особым интересом прочитал Николай Андреянович, что «Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное и призвание его быть грозою света...» Эк ведь правильно кадетов географии обучали тогда! Оно вроде как и сейчас к месту, если иметь привычку телевизор смотреть, но — это уже политика, а таковая в нынешнюю эпоху глобализации, как обычно садится на своего конька профессор Скородумов, сугубо гибридная и столь зашифрована, что и человеку о семи пядях во лбу даже не стоит задумываться. Принимай все в мире происходящее как должное и кем-то данное. Возможно, что и тайным мировым правительством. Словом, трудись, ешь — лучше закусывай подо что надо, ночью спи спокойно, а за человечество и каждого отдельного индивидуума и без тебя кто надо думает. Может быть уже и сверхмощная компьютерная система, распределенная по 1/1 земной суши... Так убедительно говорит Игорь Васильевич на посиделках сам-двоем в его уютном кабинете на биофаке — особенно после второй стопки, разгонной, как ее называли старинные русские ямщики.

В пару часов внимательно просмотрев, а пару лекций и вовсе прочитав, Николай Андреянович, сам себе пообещав еще вернуться к наставлению для кадетов второй трети позапрошлого века, в очередной раз наполнив стакан чаем с опущенной долькой лимона, прошелся к книжным полкам, поставил в отведенное место «Педагогические лекции» и забрал с собою на балкон предпоследний том единственного изданного в советское время, а значит и посейчас, во второй половине пятидесятых годов одиннадцатомного собрания сочинений (без антиигилистического романа «На ножах») его любимого писателя Лескова. Надо сказать, что в последний предшкольный год, когда семья проживала на крохотном маячном островке на выходе из Кольского залива в арктическое Баренцево море, мальчуган Николка учился читать по книгам Николая Семеновича, три книги рассказов и повестей которого имелись в отцовской библиотечке... Собрание сочинений в темно-красном переплете с красным же обрезом верха блоков книг Николай Андреянович приобрел в той же тулуповской буккниге в первые годы инженерства. И с тех пор раз в пяток лет полностью его перечитывал. В этот раз добрался до последнего тома — с письмами писателя, не менее интересными, чем те же «Соболяне», «Сказ о Левше» и «Запечатленный ангел». По крайней мере для умудренного жизненным опытом Николая Андреяновича.

...Прихлебывая чай, он читал письма Лескова своему постоянному корреспонденту и неизменному приятелю Шубинскому. Жалобы Николая Семеновича на гнетущую скуку и глупость современной ему жизни, отвержение обществом благородной честности, преуспеяния в чинах и званиях людей посредственных и хитромудрых — понятно дело, смело можно переносить через все прошедшие года на нынешнее глобалистское безвременье. Здесь ничего с исто-

рией не поделаешь, не попишешь. Но вот строка из письма «Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?» заставила Николая Андреяновича отложить книгу на колени и тревожно задуматься.

И было отчего. Сыновья-то выросли и в наше нелегкое время, что называется, уверенно встали на ноги. Тем более детским краешком советское время застали, воспитывались в советской же семье, не открестившейся от коллективистской морали с отрицанием частнособственничества. И сами посейчас иными не стали и уже не изменят традиции воспитанной. Тем более профессии основательные, социально-государственные, не болтологические. Но вот внуки подрастают, вплотную к школе приблизились. И какие испытания грядут глобализованному человечеству? Как они подготовятся к ним? И возьмут ли они что-либо существенное от своих «полусоветских» родителей, тем более от полного «совка» деда? Когда-то лорд и писатель Честерфилд, передавая опыт своей жизни потомкам, создал великолепные свои «Письма к сыну». Но вот уже рожденные в эпоху глобализации, в самый паскудный и античеловеческий ее начальный этап, разве испытают необходимость и возможность руководствоваться такими «письмами»? Николай Андреянович махнул рукой.

◆ Глобализм, как авторитетно пояснял Игорь Васильевич, отводит человеку роль составляющей человека-вейника, это как муравью в муравейнике. Индивидуумы им не востребованы, то есть «и один в поле воин» — девиз прошедших времен. Здесь профессор Скородумов усился на одного из своих коньков: подобно покойному эстрадному сатирику Мише Задорнову, он уважал любительски трактовать этимологию русского языка. Так он полагал, что пословицу эту со временем изменили по смыслу, а при переходе Руси от язычества к православию, когда корен-

ное население тесно перемеживалось с рюриковыми викингами, пословица эта звучала как «и Один в поле воин», то есть главный у норманнов бог войны Один при необходимости покидал свою запредельную для смертных Валгаллу и на поле битвы в качестве воина помогал подопечным ему викингам одерживать победы... Так Николай Андреевич и не сумел в ту беседу перевести увлекающуюся мысль своего друга на довлеющую в последние год-два, когда внуки начали активно оразумляться, в его голове тему о будущем новейших поколений. Но ведь и самому полезно подумать на досуге, проанализировать? Вот лето и обзор с балкона четвертого этажа собственного двора многое могут подсказать.

А квартал их хотя не в историческом центре города, но изустно именуется центром. Скорее всего в смысле культурном. С одной стороны — главный проспект города, рассекающий его от кремля до южной окраины. С другой — великолепный, огромной площади центральный городской парк. По линии север-юг квартал торцами четырех домов упирается в сквер с внушительным памятником классику русской литературы — с балкона Николаю Андреевичу виден,— а с другого окончания граничит с внушительным, в сорок с лишним корпусов, общежитий, служб, «городом в городе» — университетским хозяйством. Да еще наискосок через проспект МТС, как говорят в городе — милиция, в смысле сталинской постройки здание областного УВД, тюрьма и центральный стадион. В культурном этом центре нет наглой рекламы, торговые точки в необходимо-достаточном минимуме, их помещения все унаследованы от советских времен. Как и две школы. Причин для праздного столпотворения не имеется.

И люди приличные в квартале проживают. В доме Николая Андреевича двое со званием заслуженных: профессор по науке и театральная артистка.

В доме напротив, с общим двором, родилась и выросла (мать ее только недавно к дочери убыла) вроде как белорусская министерша. Там же проживают родители известного московского шоу-телеведущего. Когда он навещает отца с матерью, дворовые младшие школьницы за ним бегут с криками: такой-то (называют фамилию) приехал! В следующем доме вырос известный советский космонавт. Профессора, доценты и преподаватели университета и других вузов города в достаточном числе в квартале живут. Николай Андреевич тож. Квартал застроен аккуратными кирпичными пятиэтажками, даже с торцевыми эркерами на сторону севера, поэтому большой торговой, чиновной, из братков девяностых годов перевоспитанной знати здесь нет. Так называемый средний класс пропорционально перемешан рабочими, служащими, разной интелигенцией. Даже в те же самые «лихие девяностые» если порой и постреливали по вечерам и ночам, то только в бывшем, единственном в районе ресторане, где братва сводила свои профессиональные счеты... Ну-у, каждая профессия имеет свои тонкости.

Еще их двор, общий с домом насупротив, с десятком тенистых деревьев, особенно конских каштанов, выросших повыше крыш, желанием и хлопотами жильцов по периметру тротуаров недавно огражден от постоя частнособственных авто. Изгородь металлическая, надежная. Правда, веселую зеленую травку во дворе регулярно, до самой земли скашивают китайскими бензиновыми косами гастарбайтеры от ЖКХ, функционеры которого на возмущение жильцов отвечают, что-де «сверху велено». Узбекским же арабайтерам эта монотонная работа по душе. И оплата по выходу, по площади остриженной земли. Но самое радующее глаз во дворе — изобилие, на заботливом прикорме у доброхотных пожилых жиличек, общественных кошек и котов, регулярно появ-

ляющихся на свет котят. Четвероногие не бомжи, проживают в подвалах обоих домов, для чего в вентиляционных подвальных окошках заботливо предусмотрены лазы. Иначе, без котов, но особенно кошек, мыши жильцов одолеют, ибо пятиэтажки времен великого хрущевского квартирного строительства имеют систему вертикальных вентиляционных (естественных, разумеется) ходов, а мышки — известные в животном мире альпинисты-верхолазы.

Что еще? — Ах, да-а, дети, конечно, как одуванченный предмет размышлений Николая Андреяновича: в возрасте от колясочного младенчества до самостоятельного утверждения в жизни. И двор — место их взросления и самоопределения.

◆ Только Николай Андреянович, сидячи на балконе и попивая чаек, вспомнил в цепи своих размышлений о лучших друзьях человека (собака может и укусить), тут и они, переждав пик раннеиюльской дневной жары в прохладных подвалах, объявились на травке под деревьями двора. Чепрачной окраски Тайсон, которого жильцы первого подъезда, самостийщики не хуже хохлов, называют Котофеем, направился вдоль двора к торцу их домов с винным магазином «Красное & белое». Садится на боевое дежурство: то один благодетель вынесет пакетик вискаса, то другой; мир не без добрых людей даже в наше частнособственническое время. Его классовый враг, пятнистый бело-черный Барсик, уселся в травке посередине двора и зачем-то внимательно наблюдает за сорокой, обучающей еще воспитываемых в гнезде на самом высоком дереве двора сорочат стрекотать при опасности. Вернется с магазинной кормежкой Тайсон-Котофей, и Барсик, забыв о занимательной сороке, затеет с ним драку. Из окошка подвала супротивного дома, как раз напротив подъезда Николая Андреяновича, выскочила кошка Маруся, за ней, джигитуя и вертя хвостиками, уже подросшие четве-

ро котят майского приплода. Мыкается ошарашенный новым для него миром тоже подросший котенок, явно домашний, только сегодня утром подброшенный злодейской рукой на их двор. Подкидыши, с густой черно-лаковой лоснящейся шерстью, имеет все шансы быть водворенным на счастливое и долголетнее (как узнал Николай Андреевич от биологического профессора Скородумова, естественный срок жизни у кошек аж двадцать четыре года!) проживание. К шести вечера, по расписанию, выходят из домов кормилицы. Они идут к торцу супротивного дома, где в берлоге под трубами отопления наружной прокладки кошачья база, она же и столовая. Добротельниц возглавляет Люся. Она окончила в Ленинграде высшую партийную школу немного поздновато, успела к завершению родной советской власти дорасты лишь до инструктора обкома партии с правами замзавсектора культуры. Из двоих других штатных кормилиц одна — бывшая начальница заводского планового отдела, другая тоже в высоких чинах была. Каких? — Николай Андреевич все забывает поинтересоваться у супруги, хорошо знающей дворовый быт.

К этому же табельному часу из их и соседнего — по линии тротуарно-проездной дороги — дворов выводят владельцы на вечерний променад собак, мелкую квартирную сволочь. Некоторые на веере поводков ведут две-три особи. Между давно примелькавшимися друг другу домашними собаками и общественными котами и кошками осторожный нейтралитет. Как между нашей страной и Японией в войну. Матерые же коты, навроде Тайсона-Котофей и Барсика, вовсе собачонок не замечают, презрительно глядя на них, пробегающих мимо. Понятно, что по общему мнению выгуливать собак на своем дворе, тем более на соседнем! есть верх неприличия, поэтому со всей окрестности их ведут в сквер с па-

мятником корифею русской литературной мысли, где по муниципальному закону выгул собак строжайше запрещен. Но ведь тому же немцу или англичанину и вовсе не сообразить, что в России граждане (о, этот загадочный русский характер!) и неособокарательные законы существуют в параллельных мирах. Не соприкасающихся даже в пространстве Лобачевского — Минковского.

Наблюдая с балконной высоты жизненный кругооборот двора в ранний вечерний час оживления, Николай Андреянович добро заулыбался: *всюду жизнь!* Или как тонко, с подтекстом иронизирует умеренно, по советской еще традиции, диссидентствующий русский патриот профессор Скородумов: «*Всюду жизнь*»* — акцентируя на закавычивании.

Жизнь, жизнь... Ее дарят семена на ветру, разлетаясь, опадая на землю и давая всходы. Затем все повторяется уже три миллиарда дет земной жизни. Тож и люди-человеки. И как непохож на невинное семя на ветру выросший из него могучий ли дуб, человек со своеобразием своего характера? Николай Андреянович про себя прочитал шутливый по форме, но очень даже глубокий по мысли стишок, некогда, в юные годы, когда память еще не заполнена равно умью и дурью и потому очень цепка, где-то вычитанный:

*Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как ревятся вокруг него ребята,
И думает: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»***

* Имеется в виду картина Ярошенко, иллюстрация с которой непременно наличествовала в советских школьных учебниках истории.— Прим. авт.

** Это шутливое четверостишие принадлежит петербургскому литератору последней трети XIX века (и вроде бы издателю?) Шумахеру и обращено к известному памятнику И. А. Крылова со зверями-персонажами его басен на пьедестале.— Прим. авт.

♦ Но вот с «милыми зверятами» на дворе пусто-
вато. С колен задумавшегося Николая Андреянови-
ча, заставив его вздрогнуть, как вздрагивает чем-то
внезапно разбуженный человек, упал на балконный
коврик-дорожку под ногами том Лескова, раскрытый
на письмах к Шубинскому. Тотчас вспомнилась до
того прочитанная фраза о подлости времени и бедной
родине с оттесненными на самый задний план людь-
ми честными и благородными. И все это прочитан-
ное перечеркнула молнией мысль о том, что времена
Лескова и нынешние уже не связаны той непрерыв-
ной цепью, которая тянется из прошлого. А она по-
рвалась — не на далеком расстоянии почти в полто-
ра века, но на близкой памяти ныне живущих. И с
этим разрывом ушли со двора и «милые зверята». Нет их в часы утренние и дневные, даже в летние
вечерние, когда в наступившую к склону солнца над
горизонтом прохладу народ выходит из квартир или
приходит с работы и в этой, колеблемой налетавшим
ветерком прохладе не торопится покинуть двор и
разойтись по своим домам. Даже пожилые женщины
в такой вечер подзабывают о телеэкранах с тупей-
шими отечественными сериалами, по сравнению с
которыми зарубежные мыльные оперы и спагетти-
вестерны, господствовавшие у нас в девяностые го-
ды, сейчас воспринимаются едва ли не высокой клас-
сикой. И солидные мужики, закупившиеся пивком в
дворовом «Красном & белом», тоже призадержались
у подъездных ступенек, покуривают, отодвигая на
полчаса смотрение в «ящике» последних известий и
«новостей-старостей», уже не обращая внимания на
нелепости слов дикторов навроде «советская эконо-
мика держалась только продажей энергоносителей» и
прочее. Где же дошкольники и школьники, студенты,
рабочая молодежь? И хорошо ли им живется-
можется при разорванной цепи времен?

Вот поколению Николая Андреяновича неуютно чувствуется. Словно на середине сознательной жизни попали в иной мир, некое Алисино Зазеркалье. А если говорить в главном и основном, то был мир бесклассового колLECTивизма, к тому же социально ориентированный. Стал же обиталищем и господством искусственно и насильно возвращенного атавизма частнособственничества. Не путать с собственностью личной, без эксплуатации человека человеком, без капитала, приносящего прибавочную стоимость. Молодым же генерациям все это представляется пофигизмом, отжившим свое время. Здесь они архиправы; как в телерекламе: пейте «лонгидазу» — не будет капать... в смысле не будет давить молодым на мозги назойливым напоминанием о некогда бывших временах, когда вода была мокрее, деревья были выше и сахар слаше... Впрочем, оговорился Николай Андреянович, насчет сахара-то как раз все наоборот. Вспомнил он, что в девяностые годы во всех продмагах и ларьках-сникерсных продавали какую-то южноафриканскую дрянь, что слаше сахара в тридцать раз. На предприятиях общепита, в смысле в столовых, пакетика хватало на ослаждивание ведра чая. Потом очухавшийся к началу нового века и тысячелетия минздрав запретил к употреблению. По давности времени название этого снадобья Николай Андреянович запамятаовал. Но вот сейчас оно, как лыко в строку, хорошо проассоциировался с молодым поколением: вроде парни и девицы как прежние, исключая одежонку, макияж и птичий язык, но в то же время и другие, все в них пересахарено, причем в хороших качествах — лицемерно и приторно, но уже на бессознательном уровне автоматизма, а в дурных — столь же бессознательно, но вылощено политкорректностью, толерантностью и прочими американализмами. Как голливудская приклеенная к губам американская белозубая улыбка: изви-

ни, мол, Джон, должен тебя пристрелить — ничего личного, дружище, только бизнес!

Дойдя в мыслях своих горестных до американской улыбки, Николай Андреянович внезапно для себя громко расхохотался. Так что две пенсионерки с соседского двора, с мелкими собачками на поводках, возвращавшиеся с выгула в литературном сквере и остановившиеся перекинуться парой слов (у женщин это с полчаса занимает) напротив балкона почтенного доцента, с легким испугом посмотрели снизу на него. Николай же Андреянович вспомнил некогда коллегу по работе в «Меткости», молодого, что в девяностые годы подался в частники «купи-продай», желательно родину — оптом и в розницу. Словом, его торгово-спекулятивное ООО что-то американским из неприметных металлических с оборонных заводов Тулуповска, вроде как нержавейку, по дешевке сплавляло. Понадобилось ему слетать в Штаты что-то там утрясти и подписать... Далее, при случайной встрече на улице с бывшим старшим коллегой, так живописно рассказывал.

«...Прилетел я в Нью-Йорк. Контора наших американских контрагентов там же. У меня на руках их адрес. Такси брать — деньги на ветер. Я же не владелец фирмочки нашей, где-то на третьих-четвертых ролях, командировочные в обрез дали, одним днем в Нью-Йорке обернуться — и в обрат лететь. Разговаривать по-английски, тем более на «пиджин-инглише», американском упрощенном диалекте (доллар, бизнес, ноу проблем, надрать зад и еще пара десятков слов), я могу. Поэтому расспросил в аэропорту как по адресу на общественном транспорте добраться. Оказывается, всего на двух автобусах, с пересадкой, за неполный час можно. Доехал, в час другой все порешал, вышел, размышляю: билет на обратный рейс что ближе к ночи. Надо бы с пользой полдня провести, что-то посмотреть, пожрать в

недорогом ресторанчике. А как ехал сюда, видел в окно автобуса небоскребы, ну, думаю, снова на нем же, выйду, осмотрюсь. Опять же к аэропорту близко, не опоздаю в случае чего. Сел в обратный «бус», как там называется, а как небоскребы завиделись, к выходу двинулся. Передо мной толстенная, центнера за два (у нас таких баб нет) негритянка. От массы такой с трудом по ступенькам спускается. Я обок ее на тротуар спрыгнул, протянул руку помочь, дескать, плиз миссис, серве ву, и нечаянно ее толстущей, в бревно, ручищи коснулся. А она как заорет утробно, мол, эмергенси секс! Словом, сексуальное насилие, на помощь! Полисмен! И гляжу — все на меня злобно уставились, народ на остановке сгруппировался, а поверх голов вижу — точно полицай американский заинтересовался. Мордой на наш автобус уставился, носом вертит — след берет.

Вспомнил я рассказы бывавших в Америке про осторожность с бабами, что по дури своей, а чаще на бабки разводят, запросто мужика за решетку могут упрятать, особенно иностранца. И принял единственно правильное решение: рванул мимо толпы на остановке, забежал за угол, далее по прямой метров триста, за другой свернул, вскочил в какой-то автобус, с полчаса проехал, сошел у метро, на метро еще с пяток остановок, вышел — напротив кинотеатра, туда сунулся. У них фильмы по кольцу идут: один сеанс закончился, следующий сразу начинается. Так до вечера какую-то мутоту несколько раз смотрел, с дрожью еле справился: а вдруг уже всей городской полиции мои приметы растиражированы? Вышел уже в темноте, остановил такси, потом еще в аэропорту с час, забившись в уголок и отвернувшись к стене, мандражировал. При посадке в дьюти-фри взял полулитровку виски. Только сев в аэрофлотовский самолет, отошел душой и телом. Тогда еще на самолетах, особенно наших, гестаповских порядков не было,

попросил стюардессу пожрать принести (извини, уважаемая, сутки не ел, по делам обегал весь Нью-Йорк), под закуску эту весь пузырь засадил, только в Домодедово проснулся. Больше в эту хренову заграницу ни шагу! Тем более, ООО наше кинули. Сейчас по мелочи кручусь, Андреяныч».

♦ Но как же молодежь? — чувствует ли она произошедший незадолго до их появления на свет коренной перелом? Это как бы на смену непревзойденному белькантисту Муслиму Магомаеву явился шоуменистый... впрочем, любого бери — все под одну гребенку с технически синтезированными «голосами»; на эстраде разодеты петухами, бабы ниже пояса в одних трусах. Как раз мимо балкона, огибая огороженный двор, проехала машина Семенова из дома напротив, из опущенных по летнему времени окон которой неслись эти самые эстрадно-электронные вопли.

Но как нынешние, что от школьных лет до тридцати, парни и девицы могут чувствовать то, чего они уже не застали? И то, что Николаю Андреевичу тошнотворно в нынешнем человейнике-муравейнике, облепившем экраны интернетовских «компов», так им, молодым, как будто так все и было от времен пирамиды Хеопса! Профессор Скородумов, на то он и сверхзаслуженный и почетный (но только не в глазах университетского чиновничества), объясняет с прямотой и логикой римлянина: «Человек давно уже не подчиняется законам биологической эволюции, поэтому приобрел качество сверхадаптивности и к доброму и, особенно, к негативному. Это как полу-диссидент Губерман давно еще в своих «губариках» иронизировал: «Умом Россию не понять»... дальше малоцензурно. На что биоэволюции требовалось миллиарды лет для переиначивания приспособляемости, то человеку достаточно жизни одного поколения, то есть четверти века. То есть не надо, Андреяныч,

расpusкать сопли жалости, дескать, несчастные молодые дети-внуки, как вам тяжко живется придатками к интернету и прочие мерехлюндии. Живется им сейчас не хуже, чем нам с тобой в оны годы. В смысле они, так же как и мы с тобой в их годы, совершенно не ощущают какого-то мрачного давления, угнетения мыслей и пр. Особенno в части мысли, мышления — оно у них полностью отсутствует в обычном смысле, они «мысят» компьютерно. Еще это кликовым мышлением называют. А ведь человеку без собственных усилий мышления и живется-то намного легче, а? По пословице: дуракам закон не писан. Про девиц нынешних и вовсе что сказать? Впрочем, их выручает все же сохранившееся женское биологическое естество. Если та же русская пословица, палочка-выручалочка во всяких объяснениях истин, говорит, что столько мужик возами не навозит, сколько баба горшками натаскает, то это в части расчеловечивания современного глобалистского мироустройства означает: мужчина сдает свои человеческие позиции в пользу кликового мышления и утраты исторического своего естества, так сказать, оптом — сразу, с потерей памяти о прошлом. Но женщина через рождение и начальное, младенческое воспитание детей такой переход растягивает, что-то до поры, до времени сохраняя в себе от человека биологического».

...Эк хватанул Игорь Васильевич! Впрочем, все правильно, как бы это жестоко не звучало, сказал.

На дворе кинематографически кадр сменялся кадром. Шли люди свои и мимоходящие, собачонки на поводках вежливо погавкивают друг на друга. Коты вальяжничают, кошки опекают подрастающих котят. Все, люди, собаки, кошки с котами — друг друга знают. Миром и покоем веет от вечернего — еще до захода солнца — двора. Заулыбался Николай Андриянович, прочувствовался, сходил на кухню, достал

из холодильника бутылочку запотевшей, выкушал с наслаждением стопку, вернулся на балкон.

Но где же «милые зверята», взросшие от семян на ветру быстропеременной жизни современного человека? Лето в разгаре все же, неужели можно сутки напролет в душных квартирах растворяться в интернете? А если не в квартирах они заточены, то где сейчас обитают? — Одни вопросы самому себе задает Николай Андреянович. Предположить, что вся молодь их двора и всего квартала, почти интеллигентного, но небогатого (ух-х! как ненавидит он эти слова про богачество...), все летние вечера проводит в клубах, лётает на курорты бывших «не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна»*, — маловероятно. Полеты дороги, клубы, показываемые в сериалах, в Тулуповске, насколько понимал Николай Андреянович, отсутствуют. Бывший городской центр молодежного общения, напротив их дома, но с другой стороны, располагавшийся в бывшем же Доме культуры профсоюзов, уже пару лет как снесен под коммерческое актуальное строительство аквапарка. Да где же они, черти оцифрованные!

Вот и отставной полковник Груденюк вышел на балкон, кивнул Николаю Андреяновичу, привыкши ми к оценке диспозиций глазами осмотрел двор и тоже отметил непорядок: «А чего это пацанты не видно? И бабы молодые только на сносях или уже с колясками прогуливаются... Да-а, непорядок». Впрочем, грубый армеец Михал Евстратыч долго на бал-

* Существует мнение (изустно слышал поциальному радио в девяностых годах, в печати читал), что эти знакомые всем слова песни в дореволюционные времена, то есть в оригинале текста, звучали «не нужен нам берег тунисский, вся Африка нам не нужна»... Что ж, вполне отвечает экспансии России на рубеже XIX и XX вв. в северо-восточной Африке: в арабском Тунисе и православной Эфиопии состояли на службе русские военные советники.— Прим. авт.

коне не задержался: и у него запотевшая бутылочка в холодильнике дозревает.

...В конце концов всюду *жизнь* пока продолжается — в форме биологической, еще не перешедшей в мир бездушных автоматов. Для молодых нынешних прошлого нет — хотя сомнительно и будущее. Новый мир для них свычен, худо-бедно чему-то учатся, где-то работают, даже если с видимым отвращением, и вовсе не с худшей стороны показывают себя в нескончаемых гибридных войнах глобализма. А там — не судите да не судимы будем.

Николай Андреянович по причине наступивших сумерек захлопнул том писем Лескова, тоже по жизни своей человека неуспокоенного, все требовавшего от своего семейного и литературного окружения нравственного самоусовершенствования.

«Держись, сынок, за заводскую трубу, с ней не пропадешь!» — некогда наставляли молодых петеушников седоусые пролетарские деды, сами выигравшие свою скромную жизненную шахматную партию. Бог любит тру́дящихся людей, но тру́дящихся не мамоны ради, развратающего богатства, а для обретения душевного покоя и гармонии с миром. Это основная заповедь христианства, которое уже умерло в XX веке, но которая была подхвачена великой социальной идеей нашей страны. Но и эта идея была разрушена, что вовсе не является основанием для вселенского пессимизма: ход истории не остановишь; это лишь времененная реставрация давно отжившего.

ПАРАНОЙЯ ЗА КЛАВИАТУРОЙ

В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождению великого порога запредельных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атмического развития.

Джеймс Джойс «Улисс».
Часть II. Эпизод 12

◆ Аспирант экономического факультета тулуповского филиала столичного частноплатного университета, что в девяностых годах развелось как собак нерезаных и в наглую «кующих» за плату дипломы юристов, экономистов и всяких менеджментеров, Денис Охлопкин семичасовой электричкой «Тулуповск — Москва» ехал на родительскую дачу в кооперативе «Геофизик». Путь недолгий, всего пол-часа, а за вагонным окном расчудесное июньское утро, но все это давно отрешено от него, равно как и хорошее место работы в офисе посреднической компании, куда после получения диплома устроил отец по старым, еще с времен инструкторских в обкоме комсомола, связям, аспирантура для круглого отличника-выпускника, даже молодая красивая жена, тоже только что по окончанию тулуповского университета, бывшего политеха, поступившая инженером в ЦКБ агрегатостроения — рядом с домом. Самое существенное, что в начавшемся пару лет назад постепенным «размораживании» военно-промышленного комплекса ЦКБ загружено заказами, даже рядовым молодым специалистам грех жаловаться на размер зарплаты — повыше иных офисников! — Дело немыслимое с начала девяностых годов...

Только иногда, проснувшись посредине ночи — за компьютером допоздна просидел, пропустил ужин и с пробудившимся голодом наевшись, улегся в постель с обиженно спящей женой,— с набитым желудком, он возвращался на короткое время к реальной жизни: денежная работа, учеба в аспирантуре просто пустяк при его-то голове, очаровательная супруга, квартира в центре города — подарок молодым от сложившихся на божескую ипотеку родителей с обеих сторон. Чего на судьбу роптать, все один-к-одному гладко и спокойно. Засыпал с таким же ощущением покойного счастья, что испытывал обычно, распутав хитро сплетенную компьютерную игру-головоломку. Но в дневной жизни все это гладкое и неторопкое как бы смешалось в голове в некий чуланчик, отгороженный полупрозрачной кисеей: вроде слышно вполуха, видно, если зрение напрячь, а все одно — где-то сбоку, в стороне.

Так и сейчас в электричке. Отец на весь свой отпуск перебрался на дачу, приличную, двухуровневую, почти коттедж, если бы не шесть соток и соседство малоприглядных дачных домиков еще советской постройки. Отец вообще хорошо обустроился в девяностые годы, прочно заняв все по тем же обкомовским знакомствам депутатское кресло в городской думе. И сейчас все поддерживал в порядке, хотя и «упал», как говорили в их кругу, до невидной должности замзавотделом в носковской районной управе. «Молодым надо место уступать, а мы постариковски от родной госслужбы ни на шаг»,— подмигивал гостям, собравшимся на его пятидесятилетие, Охлопкин-старший, средней матерости — подстать должности, отменного здоровья, с неседой еще шевелюрой, которой в молодости с первого захода покорял сердца красоток из комсомольского обкома, да и теперь не собирался угоманиваться...

Денис даже доволен был, что отец вызвонил его

на субботу-воскресенье на дачу. Работать его никто не станет заниматься, далек он от дел рукотворных. Самому Охлопкину надоело сам-один проводить отпуск в поместительном доме. Супруга по воскресеньям приезжает, суббота — рабочая по ее учительским докукам. Но и Денису порой хотелось за город.

Жена даже не напрашивалась в попутчицы: все одно Дэн на даче не оторвется от ноутбука и планшета, ему тамошние красоты пофигу. К тому же сразу две студенческие еще подруги возвратились из вояжей: одна с Кипра, другая из Таиланда. Всласть за выходные пообщается с ними. Никак она своего Дэна не уговорит, как все люди, слетать на отдых в престижном месте...

Денис проехал бы свою остановку, не отрываясь от планшета, но его окликнул следовавший в том же вагоне дачник из их кооператива, знавший семейство Охлопкиных:

— Денис! Ты в столицу или к земле поближе?
А то наши места за окном уже.

Вздрогнув, тот на миг скосил глаза от планшета, увидев знакомое лицо, по привычке большим и средним пальцами правой руки раздвинул картинку на экране, как бы увеличивая изображение окликнувшего его, помотал головой, возвращаясь в скучный реальный мир, кивнул дачному соседу, узнав его, потянулся за чередой выходящих на остановке дачников, многочисленных по субботнему утру. Народ, сойдя с платформы, как в сказке о трех богатырях, растекался по трем утоптаным глинистым тропинкам: прямо, влево и вправо — каждый в сторону своего кооператива; их много, тулуповских и столичных, еще с восьмидесятых годов здесь образовалось. «Геофизик» на паритетных началах делили москвичи и тулуповцы.

Денису — вправо, шагать полтора километра в обратную привезшей электричке сторону тропой, от-

деленной от железнодорожной линии лесозащитной полосой. С левой стороны тоже редковатый лесок. Выждав, пока «геофизики», груженые мешками, сумками, а кое-кто и с тележкой дачного скарба, утянутся в лес — чтобы никто не мешал и не толкал,— Денис закинул за спину тощую рюкзачную сумку с ноутбуком и заказанными отцом бутылкой водки хорошего качества, палкой сыропопченки и парой банок рижских шпрот, оставил в руках планшет, и двинулся по тропе, время от времени отрываясь от экрана и коротко взглядывая поверх оправы очков на ближний десяток метров утоптанного суглинка. Пару-тройку раз, увлеченный действием на планшете, забывал это делать: споткнулся на колдобине, вляпался в непросохшую лужицу, а то и во все, когда стадо враждебных покемонов резко свернуло на экране влево, он сам последовал за ними, врезавшись в придорожный куст...

◆ Тропа и сама резко свернула влево, пересекла небольшую рощицу и расширилась до утрамбованной уже автомобильными колесами дороги между порядками домишек и домов кооператива «Геофизик». Опять же левый порядок начинался сразу за рощей водонапорной башней, бывшей для Дениса ориентиром по поиску своего участка. Но не было желания рыться в памяти, вспоминая: где и в какие переулки дачных кварталов нужно сворачивать. Нашел в планшете нужную функцию топографической привязки и пошел следом за стрелкой-курсором, не глядя, коротко отзываясь на приветствия дальних и ближних соседей и, особенно, соседок.— Женщины старшего возраста уважали молодого Охлопкина: хотя и рассеян малость, но совсем не пьет, некурящий, все больше молчит, не отрывается от планшета, а у себя на даче от ноутбука. Раз аспирант, то, должно быть, учится старательно по ним, задачки всякие решает. Главное — не пьет и не курит, как партия, прави-

тельство и дума всем советуют... «А мой-то Петька в городе все вечера и ночи на танцульках с девками лахудристыми проводит, под утро хмельной заявляется, по две пачки за день искуривает. Повезло же Охлопкиным с сынком! И жена его молодая да ладная такая, одета даже на даче по моде, вежливая — первой всегда поздоровается. Зазря глазастая соседка моя про нее сплетничает: мол, не пропустит ни одного встречного парня или крепкого мужика, чтобы исподтишка не окинуть его взглядом с головы до ног. Чего ей искать от такого-то мужа?»

Отец, готовясь к приезду сына, а назавтра с утра и супруги, готовил мангал к шашлыкам — жена обещалась мяса замаринованного привезти,— чистил от предыдущей копости, стругал лучину, мелко колол на полешки чурбаки, которыми весь их кооператив снабжал коммерческий дачник Кириллов, крепкий пенсионер по военному ведомству, обладатель бензопилы, которой потихоньку прореживал березовую рощицу, выбирая для трудов праведных ненастные будние дни, когда мало кто обитает на дачах.

Отдав Охлопкину-отцу его заказ, Денис, даже для вежливости не дослушав рассказни о новостях местной жизни — кто подрался, кто напился и жену поколотил,— поднялся на второй этаж в свою светлую со старым, винтажным, как сейчас говорят, еще мониторным компьютером, списанным на дачу наравне со всем тем, чему места не хватает в кладовке городской квартиры. Но Денис нежно любил этот громоздкий хламовник: именно на нем, еще будучи старшим школьником, он занял почетное место во втором десятке победителей в интернетовской игре «*Diabolos chiliasmós*», что в переводе с древнегреческого означает тысячелетие господства дьявола перед концом мира.— Это было еще в первое пришествие покемонов. В соцсетях гулял упорный слух, что в этой игре участвовал сам великий Билл Гейтс

под ником Майкр... Денис же тогда ловко загнал вражеского покемона в облако без возврата.

А сегодня он был невероятно близок в *пеш-покемоне* к завершению многоходовой и многомесячной партии в ареале условно ограниченного запретом «666» облака с принесением жертвы на престол короля Артура. Вот-вот и удача падет на него, станет ранее никем незнаемый Денис Охлопкин из страны рашей почетным оруженосцем рыцаря первой статьи из круга короля Артура. И тогда в королевском отеле облака навечно обозначится его именной виртуальный колчан стрел! Близка, совсем близка победа, надо только отсечь косой голову враждебному покемону № 1 бис.

Вошел отец, уже принявший для аппетита из привезенной бутылки, звать обедать. Денис раздраженно отмахнулся. Старший Охлопкин пожал плечами:

— Ну, как знаешь, а я в охотку поем и сосну пару часиков. Вечером знатный футбол по телеку. Впрочем, тебя это не интересует. Жаль, футбол для мужика, что для бабы... — Здесь он сбился с темы сравнения, поскольку вчера у него загостилась моложавая коллега из районной управы, временно незамужняя, оттого скучавшая сам-одна в домике ближнего, отделенного от «Геофизика» только проездом, кооператива «Система», заселенного бывшими работниками бывшего же тулуповского НИИ систем управления.

Ближе к трем часам пополудни Денис загнал же злодея № 1 бис в комнату без окон и с одной входной дверью, которую превратил в качество непроходимой для покемона. Но как он бешено не стучал по клавиатуре ноутбука, запараллеленного с давешним планшетом, не мог извлечь косу из хранилища инструментов преследователя. Затем и вовсе застонал, заметался, сорвав с головы наушники: помощники № 1 бис утащили-таки косу у него из-под носа и

забросили в самую дикую глубь облака, обрубив IP-адрес. Рушились итоги трехмесячной работы!

На счастье свое вспомнил, что в хозяйственном дачном сарае, впрочем, основательном, не какой-то развалюхе, имеется и коса, которой Охлопкин-старший в охотку два-три раза в сезон окашивал сорную траву по периметру забора. Спустился на первый этаж, пробежал через гостиную, где спал после обеда с парой стопок «очищенной» на своем любимом диване отец. Лежбище это еще пять лет назад, меняя мебель в городской квартире, хотели вынести к помойке, но глава семейства запротестовал: это, мол, семейная реликвия, еще бабуся моя сиживала на нем, носки шерстяные внучку вязала... В итоге диван нанятый мастер перетянул; так он и оказался на даче.

В сарае Денис снял со стены повешенную на гвоздик остро отточенную косу — как раз Охлопкин-старший, готовясь к очередному покосу, отбил ее и любовно отточил до бритвенной остроты. Денис задумался: покемон № 1 бис лежит на диване, рукоять длинная будет мешать. Не долго размышляя, он взял ножовку и на столярном самодельном верстаке отпилил рукоять у самой обечайки крепления полотнища; получилась почти испанская наваха. Ухватив за подобие рукояти — пятку с бородкой и кольцо-обечайку с отпиленным остатком рукояти,— он пару раз взмахнул этой навахой и побежал к входной в дом двери, не замечая любопытно-настороженных взглядов пары соседей — через решетчатый палисадниковый забор.

♦ Мужикам поздоровше удалось повалить на землю и связать Дениса, бегавшего по дачным проулкам со страшным окраиненным предметом в руке, мертвой хваткой зажавшей неседую еще шевелюру и выкрикивавшего: «Теперь я оруженоцец рыцаря круглого стола короля Артура!» Кроме вызванных райцентровской полиции и шестнадцатой бригады из

областной психиатрической, один из дачников, брат которого работал на тулуповском телевидении, позвонил и туда. Телевизионщики прибыли на запах жареных фактов первыми: психбригаде пришлось ехать долго, поскольку больница располагалась в районе на диаметрально противоположной стороне от Тулуповска. Что же касается лихих местных полицаев-ментов, то дачные кооперативы базировались на территории сельского района, в центре же на этот день выпал храмовый праздник. Поскольку сейчас партия и правительство крепко задержились с церковью, то и «красные шапки» приняли участие в праздновании. А дежурный по отделению и вовсе принял звонок из кооператива «Геофизик» за неприличную шутку: «Жиরуют городские! Перепились до чертиков. Ничего, мы управу на вас найдем. Вот с пожарниками и санэпидемстанцией нагрянем как-нибудь, штрафанем как следует!» И только мат-перемат из областного управления, куда информация уже поступила, образумила: наряд на воронке с мигалкой и сиреной помчался в «Геофизик». Для довершения большого сбора прибыли и тулуповские опера и следаки.

Служебные машины, мундирные люди, белые халаты, а главное — сбежавшийся народ из «Геофизика» и «Системы» заполонили все проезды и проулки вокруг дома Охлопкиных. Суетились меж ними телевизионщики: оператор с разных ракурсов снимал злосчастный коттедж, широким планом захватывая живописные виды окружающей природы с рощами, речкой с перекинутыми мостиками, холмистым горизонтом с неугасимым июньским солнцем, а шустрая молодая корреспондентша опрашивала словоохотливых дачниц. Обратилась и к бригадному врачу: «Часто ли вам приходится с такими... гм-м, клиентами общаться — которые из компьютерных оружносцев короля Артура (Денис не прекращал даже в машине сообщать о своем подвиге) и его рыцарей

круглого стола?» — «Не то слово — часто, впору профильное отделение открывать,— охотно пояснил осанистый врач, явно махнувший за дальнюю дорогу,— у нас в больничке один врач, из молодых да ранних, уже диссертацию сварганил по теме корсаковского синдрома* в сочетании с вялотекущей первичной шизофренией у пользователей игровых компьютерных сетей. В заведующие планируемого отделения метит, шельмец этакий. Вот к нему сейчас и повезем артуровского оруженосца!» — «Главное, даже не выпивши»,— озадаченно сказала корреспондентша, на что оживившийся психиатр совсем разохтился и прочел краткую лекцию, что-де человек нормальный выпивает, чтобы создать на время в своей голове искусственный, то есть ложный медиатор эйфории — отойти на время от неприятностей серой жизни. Шизофренику же, путь к которому лежит, как в данном случае, через страстное увлечение компьютером, этого не требуется: у него болезнь уже навечно и вовсе не ложный, а самый настоящий медиатор такой создает. «Так что, милая барышня,— осанистый врачища глазами маслянисто оглядил глубоко декольтированный по жаркому времени недурственныи бюст репортеши,— всегда надо настороже относиться к совершенно непьющим и некурящим людям. Если, конечно, они не ведут себя так по медицинским показаниям... не нашего профи!» — Директорша с декольтированным бюстом потопропила студийную команду и уже за час до местных вечерних новостей тулуповского телевидения прискакала кобылицей-однолеткой в кабинет директора: получить добро на показ сенсационного материала. Поглаживая окружную, слегка выющуюся бородку, ди-

* Особый вид расстройства памяти (мед.). Назван по имени первого исследователя этого заболевания, выдающегося русского ученого-психиатра Сергея Сергеевича Корсакова (1854—1900).— Прим. авт.

ректор, жестом пригласив пришедшую расположиться в гостевом кресле, молча просмотрел с принесенной флешки смонтированный материал, по-купечески крякнул и сделал наставление:

— Смотри, Наташа, ты хорошо загорела еще до середины лета. Декольте опять же... Вот только головка твоя перегрелась на солнышке!

— Что-нибудь не так, Николай Григорьевич?

— Все не так! Это сгодилось бы на ура в девяностых годах, когда ты еще в школе учились, а сейчас у нас в стране регламент и порядок. Народ русский и вообще россиянский, конечно, патриот, но и без того в массе своей в полунищете живет-может, так зачем его еще пугать и раздражать твоими отрезанными головами?

— Не моими, Николай Григорьевич, а...

— Не придирайся к словам. Вот у вашего поколения, впрочем, у женщин всегда, от сотворения мира, манера оборонительная: не по сути дела возражать, а к мелочам цепляться! Ладно, проехали. Но замуж тебе, извини, наши мужики все заняты, поскорее бы: тридцать лет — пограничная черта. Будешь потом по «инту» австралийских женихов искать, нарвешься на проходимца... Впрочем, давай к делу ближе. Канал наш государственный, потому и должен избегать всяких жареных уток, хотя бы они и правдой были. Как в советское время: и самолеты на экранах телевизоров не падали, чиновники — ангелы во плоти. Главное, избави господь бог и конкурировавшая с ним «наша партия», чтобы завелась такая мода: головы отцам отсекать! Учишь вас учишь старой школе, а у вас, молодых, все мимо глаз и ушей... ладно, не буду продолжать ниже пояса. Обидишься еще и мне голову «болгаркой» откочерижишь, как в позапрошлом году в тулуповском университете случилось... Шучу-шучу, моя очаровательная!

Общую мою вводную поняла. Но главное — текущий момент в первую очередь надо учитывать: на носу сентябрь месяц, день единых выборов — и в думу, а у нас в области и вовсе будут всенародно поддерживать нового, присланного Москвой губернатора. Тиши да гладь должна до дня *X*, как говорят военные, должна наблюдаваться в области и, конечно, в наших телепередачах. А вы все со своими, извinyaюсь, чужими головами... Кстати, сейчас во всем приветствуется серьезность, а верноподданический подхалимаж не в чести. Вот это надо изживать в репортажах. Не наша вина, что с предыдущими губернаторами нехорошо получалось: то на отсидку из «белого дома» прямиком, или с сомнительной статьей «по собственному желанию»... Вы же все, как только нового назначат, в смысле — сейчас изберут, начинаете на экране восторгаться до брызганья слюной: «Ох, мамочки, и повезло же нам с новым руководителем области!» Наш новый вроде как крепкий, правильный мужик — не о нем речь, а о предшественниках. Но все одно: время сейчас не то, не надо сопли умиления размазывать по микрофону и телекамере; все больше напирайте на трудовые будни и планов громадье. Учишь вас учишь... Самим пора конъюнктуру чувствовать!

И еще один момент. Почему в твоем репортаже бабы-дачницы все напирают на то, что головорез этот не пьет и не курит от рождения? Народ наш не даром всегда себе на уме, хотя и держится дураковатым с начальством всяkim,— мигом вывод из твоего репортажа сделает про непьющих и некурящих. И это в самый разгар госкампании борьбы с алкоголизмом и особенно с курением! Прошедшая дума не успевала законы о «травке никотиане» принимать. Новая догонит и перегонит. Пачка сигарет уже сотенную стоит, вроде как объявлен пожизненный запрет на курение родившимся после прошлого года!

Аполитично все это, дорогая Наташенька, надо государственно мыслить даже таким очаровашкам как ты. Иди, пожалуйста, а репортаж свой даже в архив не заноси, почисти флешку.

Наташа не очень огорчилась, передала начальственную отмашку новостной редакторше, созвонилась с подружкой из главной городской желтой газеты «Толока», сторговалась о гонораре и переслала ей по «мылу» репортаж. Из «Толоки», как частного издания, жители Тулуповска и узнали о происшествии в семье Охлопкиных из кооператива «Геофизик».

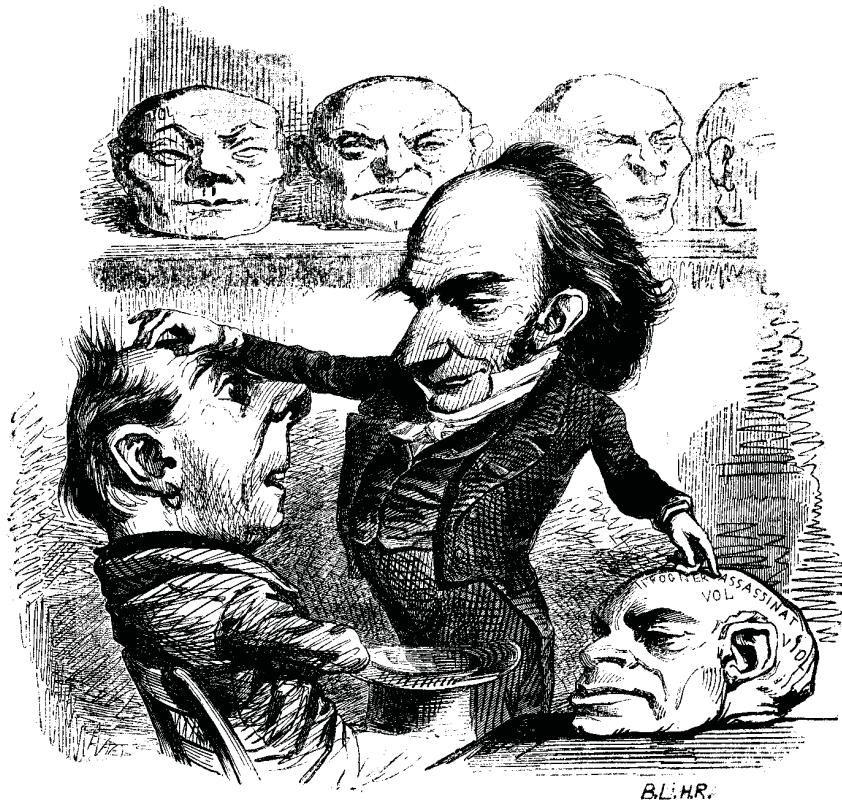
...Ближе к девяти вечера Николай Григорьевич пошабашил. Вышел он из здания телерадиокомпании, бывшего областного института марксизма-ленинизма, с неприятным ощущением неподавленного раздражения — все помимо желания всплывали фрагменты наташкинского репортажа: совсем не дура грудастая деваха, а надо же такое сотворить? Нет, летняя раслабленность поистине лишает человека осторожности. Самому пора в отпуск, а неприятное ощущение он сейчас снимет по народному рецепту.

Отпустив служебную машину — «погоды замечательные, пешком, Женек, пройдусь», — вышагивал к близкому началу — от кремля — проспекта, а там завернул в хорошо знакомую кафешку «Неаполь» со входом для приличных посетителей, где его поприветствовала официантка Вера, привычно подав без заказа маленький коньячный графинчик, рыбное ассорти и отдельно плошку с маслинами. Вкусы постоянных клиентов назубок знала.

В горку по проспекту до недальнего своего дома Николай Григорьевич поднимался уже со снятым раздражением. По теплому, ласковому летнему вечеру тротуар заполнен молодежью, оторвавшейся от своих компов. Никак не удавалось ему обогнать парочку, по всей видимости студентов — глаз у телевизионщика-профи наметанный: девица все хихикала,

то отскакивала, то прилипала к парню, явно демонстрируя свои ладные ножки в супермини и туфлях на высоченных каблуках. Спутник же ее размахивал руками, мешая Николаю Григорьевичу обогнать его. Поневоле уши ловили вдохновенный рассказ парня: «...Понимаешь, Настюха, полтора часа гонялся днем за покемоном, а тот шарит вправо, влево, вверх, ускользает. Почти нагнал и — раз-з! На лошадь вскочил и погнал. Делать нечего, пришлось два очка себе сбросить и вызвать палача с косой...» Николай Григорьевич, заскрипев зубами от вновь нахлынувшего раздражения, грубо протиснулся между победителем покемона и в очередной раз отскочившей девицей, уже целеустремленно взял курс на свой дом, держа в голове, что завтра выходной, а в кухонном шкафчике початая бутылка подаренного неподдельного французского «камю».

Если следовать учению Ломброзо о врожденной преступности, угадываемой по строению черепа, то страшно сейчас включать телевизор. Вообще говоря, животное тоже что-то знает, но только человек знает, что он знает (Джуллиан Хаксли). А что касается промежуточного состояния, то здесь биология отдыхает... Даже булгаковский профессор Преображенский не мог объяснить творение рук своих. Может именно от таких преображенских природы и сохраняет тайну эволюционного скачка от предгоминидов к *homo sapiens*?

ШАРЛОТТА КОРДЕ С БЕНЗОПИЛОЙ

— Ну, а у нас,— говорю,— верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела.

Н. С. Лесков «Запечатленный ангел»

◆ Беседуют два старинных приятеля, преподаватели Тулуповского университета профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент Николай Андреевич, вспоминают страшное происшествия в дачном кооперативе «Геофизика», когда сын, зациклившись в интернете, отрезал голову своему отцу, приняв его за игрового покемона.

— Кстати, Васильич, что там в «Толоке» в сообщении о случае в твоем «Геофизике» попутно вспомнили о похожем, случившемся в нашем университете пару лет назад?

— Не мой, не мой, Андреяныч, этот злосчастный «Геофизик»! Я туда почти перестал ездить после того, как добрые коллеги по факультету меня под монастырь подвели*, использовав как раз тему моей дачи. Последнего удовольствия летней жизни, собаки, лишили! История же эта потому в прессу и телевидение не попала, да и в самом университете лишь прошелестела — вишь, ты даже не знаешь, хотя в вашем «пентагоне» люди дикие, отшельниками от остальных факультетов живете... — что, во-первых, начальство университетское, а на носу очередная пятилетняя аккредитация, нажало где надо в чиновных верхах, ничего в СМИ не попало; во-

* См. «Административный восторг, или картинки с выставки»; новелла «Уж тем ты виноват... или в змеином гнезде». (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru). — Прим. авт.

вторых и в основных, так сказать, героем дня здесь была слегка перезрелая девица, поэтому основные вестовщицы-сплетницы университета, то есть бабы из главного корпуса, по женской солидарности и врожденной, инстинктивной злобе на мужиков (не своих... а может и своих) ограничились лишь перешептыванием между собой с выводом: так ему, подлецу, и следовало!

Коль скоро эта «героиня» — наподобии Шарлотты Корде, но только не в плане высокой политической мести, а сугубо в личном,— трудилась компьютерщицей, хотя не по увлечению, как мальчик Дэн, но по профилю своей работы в служебно-техническом отделе университета, возможно все те же «покемонные» персонажи и подсказали способ отмщения неверному другу. Вне всякого сомнения, даже компьютерщики по работе, но с играми этими знакомы... А дело обстояло следующим образом.

♦ Компьютерщица эта, имени не знаю, поэтому буду называть К., перезрела за третий десяток незамужней. А ведь все способствовало: обладательница собственной квартиры, какая-никакая, но зарплата повыше прожиточного минимума, родители среднеобеспеченные из района подкидывали на тряпки-помадки. Главное, совсем не дурнушка, все при ней, неглула в житейском плане, язык умеренно хорошо подвешен, опять же всегда по моде прикид. Видно, как все нынешние, долго выбирала, все принца из-за горы, где славны бубны, ждала... Словом, хорошо всем знакомый типаж, у меня в подъезде сразу две таких проживают.

Тут среди женского населения поветрие пошло: раз в год обязательно слетать на забугорный курорт даже при скромных доходах, как сейчас принято зарплату называть. Незамужних волновали перспективы познакомиться на жарких пляжах с начинающим миллионером, хотя бы в рублях, на худой случай — с папиком-содержателем; замужние же руко-

водствовались господствующим во всех умах принципом тусовки: Валька уже два раза в Таиланде побывала, а я чем хуже? Тянули за собой мужей, которым глубоко плевать на всю эту экзотику: «Что ты — турок что ли не видела? — Съезди в Москву, а то на наш рынок сходи: одни азербайджанцы за прилавками. А прочих черных и цветных толпами встретишь у корпусов общежитий политеха, то бишь сейчас университета!» Глупые они, мужья; у них весь принцип тусовки на машины направлен: у Васьки хотя и подержанный, но «мерин», а у меня дешевая азиатчина калужской сборки...

Так К. попала в Хургаду, где очаровала видного парня-египтянина на пять лет ее моложе, к тому же хорошо маракующего по-русски: учился в Новочеркасском техническом университете. Тоже компьютерщик и неженатый. Рыбак рыбака видит издалека. Так они под жарким солнцем бога Ра слюбились, что по приезду в Тулуповск уже через неделю К. пошла в женскую консультацию за направлением на аборт. Через пару месяцев, что ушли на оформление загранпаспорта, получения рабочей визы и прощания на долгое расставание с безутешными родственниками, египетский араб Ахмет прибыл в Тулуповск, поселился у возлюбленной и занялся оптовой торговлей, замыкая цепочку посредников по доставке родных египетских даров долины Нила и средиземноморского побережья в овощные и фруктовые лавки, магазины и рыночные ряды Тулуповска.

К. расцвела красотой завершения первой молодости, сияла счастьем за своим рабочим компьютером, уже снисходительно-милосердно посматривала на своих незамужних подруг. Ахмета заглаза она именовала «мой»: «Ах, девушки, не смогу я сегодня задержаться на наш предновогодний корпоративчик, мой с работы вот-вот голодный придет, ужин успеть бы разогреть!»

Бежала домой, разогревала жирный, хорошо пропарченный, как любил Ахмет, ужин как на бри-

гаду работяг. Неторопливо, от пузза поев, тот час-другой щелкал клавишами ноутбука, отправляя тор-говые ведомости в египетскую фирму-поставщик, затем до одури смотрел эротику по телевизору, под-ключенному на спутниковую антенну, купленную на деньги К., в то время как та до ночи кочегарила на кухне, готовя восточные яства на следующий трудо-вой день. Она постоянно не высыпалась, ибо Ахмет до утра демонстрировал преимущества секретов люб-ви древнеегипетского культа богини Изиды перед хваленой кама-суртой...

◆ Денег Ахмет ей не давал, поясняя, что все вы-платы от египетской торговой фирмы он вкладывает в расширение своего бизнеса — на светлое будущее. «Ах ты, мой добытчик!» — восхищалась К., все чаще обращаясь к районным родителям за вспомо-ществованием. Восточная пряная мясная пища стоила дорого, да и Ахмет, какуважаемый коммерсант, не должен одеждой падать в грязь.

Прошли осень, зима и весна. В начале лета К. начала робко, издалека заводить разговоры об узаконении их отношений: любовная необузданность избранника уже несколько раз заставляла посещать женскую консультацию за направлениями. Сам Ахмет презирал обычные мужские средства, не достой-ные правоверного, а ей пилюли, даже патентованные, не всегда помогали; казалось, сама физиология не в силах противостоять неистовой мужской силе восточ-ного человека...

Но как-то в летний воскресный, выходной для обоих, день К. отважилась на серьезный разговор. Намеренно продлив почти до полудня любовные упражнения и накормив Ахмета особо изысканным и обильным обедом, она подсела на диван к задремав-шему от такого удовольствия спутнику жизни и пря-мо спросила о дне свадьбы. И где она будет: в Ту-луповске или в его семейном кругу в Египте?

Блаженствовавший в сладостном полуслне-полуяви

Ахмет, без того уже привыкший особо не выбирать слова в обращении с дармовой любовницей, кухаркой и прислугой, с простодушной прямотой потомка бедуинов, не раскрывая обленившиеся веки глаз, досадуя на помеху все более сковывавшему его мускулистой, но уже оплывающее жирком тело сну, выругался чисто по-русски. Затем добавил по существу: «Какая свадьба! И зачем мне она? И так хорошо: жратва дома всегда готова, проживание дармовое, русская мягкая баба всегда под боком. Вот еще пару годков поживу здесь, денег подкоплю, заведу побольше знакомств в торговых сетях в Тулуповске и в Москве, потом вернусь в Египет и открою свою фирму. Даже название придумал уже: «Рашен поток: Ахмет и сыновья». — «Какие сыновья?» — К. все еще лелеяла мечту о замужестве; может их будущие сыновья? — «Какие какие, у меня ведь дома жена и двое маленьких сыновей. Подрастут — будут папе в торговле помогать...»

Ахмет окончательно заснул, откинув на низенькой диванной подушке-валике голову, так что онемевшая К. видела только мощный кадык и подбородок, заросшие кучеревистой черной бородкой «а ля моджахед», уже третий год бренд номер один во всем мусульманском и европейском мире.

К. никогда не страдала гипертонией, поэтому не могла понять: отчего это в голове застучало, сердце забилось, неведомая раньше легкость и невесомость овладели телом. А сознание как-то раздвоилось, словно шумно бегущая река наткнулась на песчаный островок и побежала вправо и влево, огибая препятствие. Она встала на не ощущаемые, но крепко держащие ее ноги, по привычке сняла со спинки дивана плед с арабскими витиеватыми узорами и бережно укрыла под самый заросший кадык возлюбленного. В голове лейтмотивом зазвучала, бесконечно повторяясь, песенка про город Сочи, часто исполняемая музыкальными эфэм-радиостанциями: «...А впереди

еще три дня и три ночи, и шашлычок под коньячок вкусно очень».

Подпевая о Сочи засевшему где-то между затылком и теменем популярному певцу, К. отправилась на кухню, достала из заветного ящичка все имевшиеся деньги, положила в свою сумочку, подумала: «Если мало окажется?» — Прошла в прихожую и впервые в жизни обшарила чужие карманы — рабочий пиджак Ахмета. Переодевшись в уличное, вышла из квартиры, тихонько притворив дверь.

Ноги сами по себе несли ее — куда им надо. Некстати вспомнила, что мужики, крепко выпившие, называют это автопилотом. Пилот? — С какими тайными надеждами и суеверным страхом летела она когда-то на «боинге» в Хургаду... Магазин инструментов «Подмастерье» располагался в их квартале через пару дворов. Когда расплачивалась за «болгарку», хорошо знакомую ей — у хозяйственного отца в их собственном доме все имелось; даже дочери пару раз урок пользования преподал, — заигравший парень-продавец поинтересовался: зачем, мол, такой красотке грубый мужской механизм? — «В Сочи еду», — ошарашила она любознательного и вышла из магазина; правую руку оттягивала тяжелая коробка. Несмотря на тяжесть, она торопилась: Ахмет может проснуться, а ее дома нет. Кто же ему на диван подаст полдник с кофе и ракат-лукумом?

...Через пару часов ее увезла специальная санитарная машина.

◆ Истинно сказано в «Поучениях Владимира Мономаха», что жену свою должно любить, но не давать ей власти над собой. А Андрей Лесков как-то записал слова своего знаменитого отца: «Каждому человеку суждено погибнуть так или иначе. Иному от денег, другому от безденежья, третьему от жены, четвертому от любовницы...» Что в данном случае и сбылось.

Собрались три давние подружки и устроили посиделки-перемойки, то есть кости перемывают всем — от мужей и любовников до... аж страшно вымолвить! Перемыли и легче на душе у каждой стало. О чем еще потолковать? Тут Глафира, как на бывшем партсобрании, слово взяла: глупые мы, бабы, не можем всю жизнь мужиков своих около себя держать, то есть чтобы они обязанности свои мужскиеправляли все время. Как лет пять проживут с нами, так и на сторону их, кобелей, тянет. А надо, как в Америке; вот недавно по ошибке вместо «Дома-2» на ТНТ включила какую-то лекцию американской активистки, как его? Да, гендерного движения за права женщин и сексуальных меньшинств. Так она такого порассказала! Оказывается, при регистрации брака у них женщина заключает с будущим мужем брачный контракт, где все оговорено. Не выполнил, допустим, муж

в какую-то ночь свою обязанность — плати ей поутру сто долларов. Заснул во время этого самого дела, не завершив его — двести гони! Против ее воли совершил, так и вовсе — либо в отсидку, или неустойку в агромадную сумму. Вот бы нам такой закон думал, или кто там их пишет, принял?

Федосья промолчала, что-то считая на пальцах, а Христя потупила глазки, поерзала на скамье и все же выпалила: «Я пробовала со своим так-то, без всяких контрактов и гендеров, так он, паразит, деньги-то давал, хотя и с матом, но в получку их же и вычел. Здесь, мол, тебе не Америка! И вообще, она нам не указ, сказал».

ЗИМНЯЯ РЕЗИНА

Отнеслись намедни в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньги уметь зашибить.

Ф. М. Достоевский «Бедные люди»

◆ Антон Котелкин в позапрошлом году с грехом пополам окончил школу. Впрочем у него и родителей и мысли не промелькнуло о поступлении на дальнейшую учебу. В роду у семейства, в третьем поколении проживавшем в окраинном Косолучье в двухэтажном, восьмиквартирном шлакоблочном доме предвоенной постройки, поползновений на «верхнее образование» не наблюдалось. И родители Антона, и дед с бабкой по отцовской линии (по материнской деревенские) — все рабочая косточка. И место их работы одно и то же — металлургический завод, из поселка при котором образовалось нынешнее Косолучье, несколько обособленная часть городского района. Мужчины Котелкины в горячем цеху, женщины во вспомогательных службах.

В их большом дворе из шестерки однотипных домов, переделанных в квартирные из первоначальных бараков для рабсилы новостроящегося металлзавода, а затем в школе Антоху дразнили присказкой, исстари бытавшей в соседней с Косолучьем, через Гнилой ручей, Лентяевкой: «Да ну — котелки гну, погну-погну, еще найду». Взрослеющего парня это злило, не любил он афишировать легкомысленную свою фамилию, хотя бы дед, Котелкин-старший, и объяснил еще начальному школьнику Антону, что ничего зазорного в их родовом поименовании нет: «Ребята дразнятся — а ты мимо ушёй их слова пущай. А фамилия наша очень даже почтенная. Еще

мой дед в бубличной артели трудился, что в Лентяевке располагалась при НЭПе. Их различно пекут, а в дедовой артели на паях бублики творили в специальных котлах. Отсюда и название бубликов и работающих их: котёлки и котёльщики, от чего и фамилия наша».

Антон был поздним по рождению. Замужняя сестра, дядька и две тетки по отцу — все жили своими семьями, в том же Косолучье, но только в многоэтажках, которые несколько улиц понастроил металлургический завод для своих работяг к исходу советской власти. Сейчас проживал с родителями и бабкой, отцовой матерью. Дед немного не дотянул до окончания внуком школы. «Ты, Антоха, парень не дурак, а по нынешним деньголюбивым временам и вовсе в масть попал. И рабочая хватка в тебе по нашей линии замечается, но еще больше куркульная — от твоей матери из деревенских,— необидно поучал старшего школьника Антона дед, выпив в выходной день свою законную (горновым был!) пенсионную чекушку,— сейчас не работа до седьмого пота в чести, но умение деньги зашибить, особо не утруждаясь. Так что не зря ты еще в первом классе копилку себе завел — все же в нынешние времена родился, в новый век и в новые порядки, так что с малолетства силу денег уважаешь. Действуй так и дальше; хотя это не по мне, но сила солому ломит, не нами придумано, не нами введено. Но смотри, деньги штука опасная, с поделдычиной: вложишь в их накопление годы, ан они у тебя обратятся в совершенно ненужную хреновину». Как в воду дед глядел, после смерти своей уже накаркал внуку.

◆ Памятуя, что трудовые династии ныне не в чести, опять же трудом праведным не наживешь палат каменных, Антон не пошел на завод, но устроился, по совету и замолвленному словечку более старших дворовых приятелей, в оптовку по продаже

холодильной техники: кем-то средним между грузчиком и экспедитором. Здесь же в Косолучье, недалеко от дома. Как он объяснял знакомым ребятам, родителям тож, «это для приучки; годика полтора здесь прокантуюсь, войду в курс дела, потом подберу что-либо посеръезннее». Главное, в оптовке диплом о «вышке» не спрашивали, а сам Антон вырос крепким, жилистым, как говорил дед, никакой работой не гнушался — лишь бы деньга шла аккуратно. Пил очень умеренно, не курил, на девок красивых не тратился — дурнушки ничем не хуже, в сумерках все кошки серые... Жениться твердо планировал на работающей по дому девице, попригляднее конечно, желательно из семьи только что перебравшихся на косолученскую окраину деревенских, то есть не опасавшей в городской жизни. И жениться только через три года, а до того исполнить главную, еще со старших школьных лет, мечту: купить машину среднеприличной марки. Причем новую, не поддержанную развалюху. И гараж под нее из числа тех, что с советских времен полукилометровой длины кооперативом располагались позади их дома — через дорогу на завод.

Худо-бедно, но счет деньгам, хотя бы небольшим, в холодильной оптовке пошел. Трат почти никаких, даже на невидных окраинных девок, кормежка от родителей, понимающих, что сейчас молодой, видный собой парень без машины все одно как кавказец без усов (на косолученском рынке) или поп на всемошной без рясы.

По врожденному косолученскому пролетарскому недоверию ко всему на свете, счета в банке Антон не открывал. Поначалу хранил на пластиковой карточке, что заставили завести в оптовке для перечисления зарплаты. Как-то до него сразу не дошло, что это все тот же банк, что может рухнуть в одночасье (телевизор хоть редко, но доводилось смотреть) вме-

сте с тоннами пластика, отштампованного карточками. Раз вернувшись из оптовки затемно — задержали с приемкой новой партии белорусских холодильников, — попридержался домой идти, присев с устатку к стоявшему в углу двора доминошному столику, за которым в тот час ребята, сверстники и однокашники его по школе, что-то о долларах гомонили, попивая пиво из полторашек из соседнего с двором магазина. Подсел как раз вовремя: Григ по дворовому и школьному, то есть Гриша Тетерин, одноклассник Антона, член косолученского райкома комсомола, яростный коммунист и с этого года студент Тулуповского университета, проводил агитбеседу с ребятами — и как раз по части хитрости финансового олигархата по обирианию доверчивых, а значит глупых, граждан с помощью пластиковых карточек. Во-первых, хорошо поставленным голосом партийного оратора объяснял Гриша, пластиковая карточка — это современное воплощение Старшего Брата из гениального провидческого романа «1984» Джорджа Оруэлла, который, само собой, никто из вас не читал и читать не будет, а поэтому проще говоря, по этой на вид безобидной карточке каждый ваш шаг и рубль контролируются кем надо, то есть все вы под постоянным круглосуточным надзором. Но, во-вторых и в главных, своими карточками вы, дорогие мои, добровольно и бесплатно приумножаете капиталы банковских финансовых олигархов. Как? — А просто, ведь олигархат наращивает свой капитал, как старуха-процентщица из «Преступления и наказания», о котором-то в школе вам говорили, то есть дают деньги в рост под проценты. Если человек снимает со своей карточки хоть рубль, то этот целковый, к огорчению банка, у него выпадает из роста. А вот все что на карточке хранится, то пускается банком в оборот. Понятно? Вот поэтому, используя вовсю лоббистов, и где надо и примитивные откаты,

всех вас и перевели на карточную систему, которую во всяких супермаркетах поощряют скидками при покупке на карточку. Для миллионов же лохов, жертв телепропаганды, введение карточек объясняют, мол, удобством для граждан и защитой своих карманов от мелкого ворья. Крупные же воры с карточками кидают...

...После ужина, прилегши в своей комнатке отдохнуть на диване, Антон переварил услышанное от комсомолиста Грига. Всеобщий надзор его особо не беспокоил: деньги не ворованные, честно заработанные. А где он находится, снимая карманную мелочевку на пиво и автолайн, так плевать ему: пусть фиксируют, не в бегах он с кича. Но что он, Антон, своими мозолистыми трудовыми бесплатно и добровольно обогащает и без того распухших от денег банкиров, разворовавших, как говорил дед, все народные достояние, это его предельно возмутило. Не потому что родину продали.— «Не надо было самим в стороне стоять, нужно воров бить спервоначалу»,— так тогда и говорил смущавшемуся от правоты слов школьника-внука деду Антоха. Нет, продали так продали, разворовали тож. Не первый раз в тысячелетней истории. Но вот самому еще обогащать банкиров! — На те, выкусите!

На другой же день после политбеседы Гриши Тетерина Антон обнулил карточку и далее в каждый зарплатный день стал то же самое делать. Наличку хранил по-куркульски дома, в своей комнате. Вспомнив слышанное, что-де лучшее место хранения — на самом виду, отыскал в кладовке старый, давно не работавший приемник «Альпинист», на который сейчас и дитя неразумное не польстится, вытащил все его внутренности, а в корпус складывал деньги, снимаемые с карточки. Лже-приемник вроде как небрежно поставил на полочку со всякой мелочью. Покражи не опасался в принципе: еще бодрая бабу-

ся, хлопотунья на кухне, весь день дома, все хозяйство на ней. Дверь в квартиру входную по принятой сейчас моде отец еще три года назад бронировал, да в их дворе с автономными порядками, взаимной бдительностью с советских времен своих не баловали, дескать, не воруй где живешь, а чужаку и спьяну не придет в голову сунуться сюда подломить чего: кулаки у жителей домов с общим двором еще сохранили пролетарскую ядреность.

◆ Не то что гром с ясного неба, не на луне живем, но повестка из военкомата неприятно поразила Антона. Это-то на год целиковый рушить свои выверенные планы с машиной и женитьбой? — Нехорошо их ломать по чужой воле. Задумался Антон. И бабка, нарочито подслеповато прочитав казенный документ, как-то загадочно, по-деревенски, вроде как в сторону только и сказала: «По нужде и закону перемена бывает».

Покойный дед, кладезь житейской мудрости, охочий для воспитания внука, выйдя на пенсию из доменного цеха, имея досуг времени и честно заслуженную чекушку к обеду, словоохотливо посвящал Антошку в нравы старого Тулуповска и их рабочего поселка при заводе в особенности. В царские времена, еще с допетровских, в рекруты на солдатскую службу из их города, славного своим металлическим делом на пользу государеву, не забивали мастеровых. Казюки, то есть работающие по казенной надобности, имели и другие вольности, не только в службу их не брали, но и налоги не взимали, чем и разбаловали местный трудовой народ. Поэтому когда с приходом советской власти казюков уравняли со всем иным народом страны по части обязательной воинской повинности, то есть почетной обязанности, то разбалованное население города встретило это с неодобрением. Понятно, что в довоенные годы сталинских пятилеток дело ограничивалось глухим вор-

чанием. Затем вся страна воевала. Тулуповск в ней трудовым и воинским подвигом отличился. Не до старинных вольностей было. Но потом, особенно с хрущевских послабленческих времен, о вольности прежних вспомнили, но, как это принято в русском народе с древности дотатарской, исполнять ее начали явочным порядком, с ног на голову поставив. В городе, особенно на рабочих окраинах, где с послевоенных времен блатняк во многом эти самые головы молодежи допризывной задуривал, установилось мнение, что лучше год-другой на киче за какую-нибудь мелочевку отбыть, нежели тройбан в пехотуре маршировать, а морячить и вовсе четыре года. К тому же в армии ничему полезному для дальнейшей жизни не выучат, а в зоне, крытке или лучше лагере общего режима, мигом из вчерашнего школьера или фабзайца после седьмого класса воспитают человека с понятием. Да и ремеслу заодно в цехах промки обучат — все на пользу. Работяги, особенно на тяжелых производствах, всегда нужны, поэтому после освобождения в отделах кадров заводов ненужных вопросов не задавали. И кадровики не с другой планеты, понимали побудительную причину отсидки. Словом, исправленному верить, как в одноименной кинокартине.

После сокращения сроков службы в армии и на флоте, особенно в «золотые» брежневские годы, когда и дедовщина^{*} притихла, маятник общественного мнения качнулся от отсидки к службе. В нынешние же времена с годичной срочной службой традиция заместительной отсидки и вовсе сгинула, тем более,

* Дедовщина появилась в армии в одночасье при сокращении срока службы в шестидесятые, когда пересеклись служившие с прежним, трехлетним сроком и с новым двухлетним (соответственно, во флоте годковщина — для четырех- и трехлетнего сроков), как выражение обиды первых на вторых. Народ наш любит справедливость... но своеобразно.— Прим. авт.

что с официально признаваемой безработицей и кратным сокращением промышленности иметь судимость — самый безысходный волчий билет. Так завершилась традиция тулуповской вольности. Но на смену ей, уже в масштабах страны, в девяностые годы массово расплодились уклонисты, протянувшиеся и в двухтысячные. Однако в последние десять-пять лет и уклонисты в числе сократились. Причина столь позитивного явления понятна: численность армии сократилась до мобильной, оптимальной, высокоточной и пр. ее современной организации. В то же время постоянно возрастает, особенно во флоте и спецподразделениях, численность сверхсрочников, именуемых по-американски контрактниками. Наконец, в многомиллионные структуры так называемых силовых ведомств, охранников частных лавочек, вроде как уже и чиновников с депутатами на службу предпочтительно принимаются (у депутатов — избираются) отслужившие в армии.

Таким образом, пропал смысл уклонения, тем более, что при названном раскладе далеко не каждый допризывник без права отсрочки и повестку-то получал. Великая вещь бесплатная организация общества — не только рыночная экономика. Все сама собой к лучшему устроению этого общества решается.

Вообще говоря, Антон — не ботаник, не полный дурак и по фигуре плотный — отслужил бы свой год, но... это рушило его трехгодичный план. А их, планы, рушить нельзя — Антон к своему самооправданию припомнил рассуждения деда о безусловном выполнении сталинских пятилеток и хрущевской семилетки. Посоветовался, поставив пару бутылок дешевой водки, во дворе с молодыми мужиками, откосившими в девяностые-две тысячи от армии. Те советовали по нынешнему времени, когда все с младенческого возраста занесены во всевозможные базы данных служб и ведомств, косячить исключительно

по линии медкомиссии. Поскольку здесь откупорили второй бутылек, то советов столько надавали, что, прия домой, Антон записал их для верности памяти. Еще пару вечеров пошарил по инту — здесь уже ребята со двора помоложе подсказали нужные сайты. К явке на медкомиссию основательно подготовился и высказал ей свои опасения в части здоровья сразу по трем нозологиям, как выразился на медицинском языке председатель комиссии. Белохалатники понимающие ухмыльнулись, но — демократия, права личности — так и выдали три направления в различные медучреждения.

Пока он ходил неторопясь по ним, козыряя в оптовке перед начальством повесткой из военкомата и направлениями, срок призыва закончился. Везде ему дали отказ, а в военкомате принесенные им справки-отношения подшили куда надо и отпустили Антона до следующего призыва. Но то ли его учетную карточку, как сейчас положено оцифрованную, куда-то в дальний угол памяти компьютера загнали, может к следующему призыву затребованное от военкомата число рекрутов сократилось, или потенциально большого в своем воображении призывника зачислили по категории «сомнительных», но в последующие три года исполнение личного плана Антона более повестками не беспокоили. Впрочем, как и далее до окончания призывного возраста.

◆ Деньги копились. Со временем корпус «Альпиниста» стал маловат для тысячных и пятисоток. Антон обменял их на пятитысячные и купюры с видами дальневосточного космодрома, выполненные под кредитки евро. Издалека и к будущей супруге из деревенских присматриваться стал, в смысле отбирать круг кандидаток. Начал с приобретения гаража из советского еще кооператива, что через дорогу от их двора с домами. Кооператив обычный, как в шестидесятие-семидесятые годы строили: в длинную сплош-

ную линию вдоль дороги. Сами коробки секций сварные железные с кирпичными стенками-перегородками между ними. В «золотые» семидесятые народ начал приобщаться к солидной автомобильной собственности, тем паче косолученские металлурги горячих цехов с профессорской^{*} зарплатой. Поэтому в кооперативе напротив через дорогу к Антонову двору чередовались секции-гаражи заводского начальства и работяг. В новейшие времена, со сменой поколений, часть гаражей принадлежала самим заводским или их детям, а поболее половины были заняты иномарками совсем уж посторонних людей, проживавших в этом районе и купивших под них стойла в девяностые и немного поздние годы. Хотя завод и в те годы работал на Запад, войдя в американскую metallurgическую компанию, но в целом народ нищал, продавая все что можно.

Когда Антон начал «вентилировать» насчет гаража, то все во дворе недоуменно спрашивали: «Чудишь, Антоха, барствуешь! Зачем тебе эта возня с гаражом? Сейчас у всех машины, оглянись: все дворы, тупики, помоечные площадки ими забиты, никто о них особо не волнуется, давно уже никто машины не угоняет — что с ними делать, на запчасти они не годятся, так сделаны, да и кто сейчас сам ремонтировать умеет? Опять же продать ворованную сложно, гайцы все на своих компах видят...». Антон отмахивался. Не будет же он в открытую говорить, что не поддержанную машину собирается брать и из тех, что клепают в соседней Калуге на заводике отверточной сборки... да и в их области, в районном городке, пышно именуемом в телевидении «индустриальным технополисом», вот-вот начнут отвертывать-

* Чтобы не напугать читателя: речь идет о советской профессуре с окладами в 400—500 и (порой) более рублей.— Прим. авт.

завертывать какую-то китайщину. Нет, Антон нацелился в своей трехлетней программе жизни на родную «тойоту», хотя и не высшего класса, но из тех, при взгляде на которую дворовые парни поцокивают во рту языками, а незамужние девки и бабы помоложе о чем-то задумываются. Но главное — воспитанный в коренной рабочей семье и вообще среде, уважал он основательность и порядок в своих делах. И хотя бы в их доме только два автовладельца, так что для его грядущей «ласточки» найдется постоянное личное место для парковки под стенами квартиры, но вид собственной машины, брошенной на ночь под открытым небом с его дождем и снегопадами, хотя бы пока вид в мыслях, оскорблял его чистоплюйный до брезгливости к непорядку характер. Не воруют — не воруют, но на новенькую фирменную «маде ин джапан» машину могут и покуситься. Тоже не исключено.

Расспросив дворовых ребят, получил Антон наводку на отдаленно им знаемого, как все друг друга в лицо, часто и по именам, в их автономном дворе с шестью малоквартирными домами ведают, пожилого, только-только успевшего оформить себе пенсию по советской еще возрастной шкале, но продолжающего работать на заводе в плановом отделе Сергея Ильи-ча Фирюлина. А Антонов батя и вовсе хорошо его знал: оказался Фирюлин в свои тридцать лет последним парторгом доменного цеха — а это поболее трети всего завода! Тогда же, на скончании советской власти, на скопленные работой от инженера до зама начальника цеха по плановой части купил жигулена новой модели и приобрел кооперативный пай, то есть гаражную секцию. Сам он пользовался машиной только отвозя на выходные дни супругу на дачные работы — ей от родителей со временем достался дом с участком в ближней, за заводом, деревне Осиновая гора. К окончанию девяностых годов

подросший сын, занявшийся каким-то разъездным «бизнесом», в считанные лета доконал нежный продукт советского автопрома. Когда в первую половину двухтысячных сынок завел себе иномарку, занявшую в гараже место отслужившего свое жигуленка, то последнего перегнали на Осиновую гору, где она скоро доржавела в сарае и была за копейки отдана кому-то из местных на запчасти. Еще через пяток лет сын бывшего парторга удачно вписался в более крупное предпринимательство, приобрел квартиру поближе к Москве, кажется (отец Антона точно не знал) в Подольске, куда и убыл со своей иномаркой, молодой женой и народившимся дитем.

На опустевший тогда гараж Фирюлина сразу нашлись охотники, но бывший парторг, во-первых, став в девяностые истовым коммунистом-ортодоксом (может обиделся на неудачу с партийной карьерой?), презирал частнособственнические нравы соседей, заполнивших своими «самодвижущимися железками» весь двор, и напрочь отказывал; во-вторых же, этого не позволяла домовитая супруга: за лето в Осиновой горе, особенно после выхода на пенсию, она умудрилась затаить сельхозпродукцией на зиму до сотни трехлитровых банок, которыми уставляли полки всех стен гаража. А в тамошний погреб, первоначально предназначавшийся под смотровую — для починки и регламента автомобиля — яму, на ту же зиму загружались мешки с картошкой, капустой, морковкой, даже с антоновкой. Добираться до своей избы в Осиновой горе и без собственной машины проще простого: впритык к деревне располагался заводской дачный кооператив, куда и доставлял за полчаса рейсовый заводской автобус, сохранившийся даже при переходе завода в частные руки. «Сволочи эти работяги,— добродушно по этому поводу говорил директор от компании-владельца,— автобус им подавай! — и, чуть подумав, вспомнив схожие рассу-

ждения давнего американского президента, добавлял — но ведь *свои сволочи!*» Перевозил же осенний сбор урожая в мешках и банках в гараж Антонов дядька, отцов младший брат, шофер в заводском автохозяйстве. Ему же доставались и излишки собранной картошки и яблок.

◆ Зная от отца и всеведущих дворовых ребят и мужиков о коммунистических чудачествах Фирюлина, Антон начал издалека подъезжать к Сергею Ильичу, по давней парторговской привычке полагавшем необходимым общаться по выходным с народом за дворовым доминошным столом. Не пренебрегая и принятой в таком действе «водочкой под селедочку». Хотя Антон водовкой из экономии не увлекался, а «забивать козла» полагал глупейшим занятием, но для пользы задуманного дела перестал пренебрегать стучанием костяшками, стараясь играть в паре с Фирюлинным. Услышав от него, что антикоммунисты во власти запретили подписку на наши газеты, Антон мигом сообразился. Отловив во дворе комсомолиста Гришу Тетерина, разговорил того, сообщил о проявившемся у него интересе к идеям современного коммунистического движения, пожаловался на отсутствие в вольной продаже соответствующей газетной периодики. Расчувствовавшийся Гриша стал регулярно, раз в неделю-две, приносить ему «из райкома» свежие номера областной «Тулуповской правды». Иногда и столичные «правды» (их сейчас несколько издается...) вручал неофиту самого верного в мире учения. Пару-тройку раз дарил и брошюры Зюганова. «Вчера из столицы несколько пачек из ЦК в обком для распространения привезли», — пояснял Гриша.

Понятно, время деньги, опять же не должен будущий автомобилист глаза портить, Антон газеты и брошюры даже не пробовал читать, а передавал Сергею Ильичу: сначала вроде как случайно встре-

чая во дворе (за доминошным столом не хотел себя афишировать — мало ли что?) живем-то в мире стремительно меняющемся...), затем получил приглашение заходить к нему домой: не только прессу передать, но «про жизнь нашу нелегкую поговорить». Порой по часу-полтору, изображая на лице понятливость и сочувствие, терпеливо выслушивал лекции Сергея Ильича о временном поражении коммунизма в стране, советовал прочитать «Капитал» и присматриваться к китайскому опыту.

В один летний день начальник Антона послал его в центр города в один из хоэбытовских магазинов, в который оптовка поставляла холодильники: подписать договор, дескать, все у нас сегодня в разгоне, ты уж прогуляйся, больше некого послать. Антон задание выполнил, решил действительно прогуляться вниз по проспекту, внимательно разглядывал мчащиеся дорогие иномарки, что только в центре и увидишь. Июльская погода, тем более сейчас, в глобальное потепление (приходилось по телевизору слышать), коварна и быстропеременчива. Не успел он дойти до конца проспекта, как полнеба заволокло зловещей тучей, загромыхало, вдарило тропический ливень. Еле успел Антон вскочить в дверь первого попавшегося магазина в полуподвале. Оглянувшись окруж, обнаружил полную пустоту — только пожилая продавщица и какие-то книжные завалы вдоль стен. «Да-а, редкие нынче посетители в нашем букинистическом магазине,— заметила скучавшая продавщица,— тем более такие молодые. Что вас интересует из литературы?» Вспомнив к случаю жалобы экс-парторга Фирюлина на недоступность книг Генералиссимуса — «чертов Кукурузник из библиотек и продажи все велел изъять; надо как-нибудь доехать в центр до букинистического»,— Антон и выпалил о своем интересе к наследию Сталина. «О-о, молодой человек, как раз вчера принесли первые

пять томов его собрания сочинений в подарочном малоформатном издании начала пятидесятых годов. Вот, смотрите».

Антон даже залюбовался изящными томиками «под карман» в тисненых золотом красных переплетах, новехонькими на вид, несмотря на их семидесятилетний возраст, с шелковыми закладками. Поинтересовался ценой. «Да смешная за такое-то издание, всего шестьсот за все пять томиков, но я вам еще и скидочку сто рублей сделаю, берите!» Пятихатка, конечно, тоже деньги, но, как говорил Фирюлин словами иезуитов, правда, по другому поводу, великая цель оправдывает средства. Вечером того же дня Антон преподнес роскошные томики Сергею Ильину, попервоначалу даже на миг онемевшему, но затем пришедшему в неподдельный восторг. Партийный дар обмывали на кухне полубутылкой коньяка. «Вот так в жизни и бывает,— говорил немного захмелевший хозяин гостю и благодетелю,— родной сын в буржуазию торговую с головой подался, а вот ты, сам рабочий и из семьи потомственных пролетариев, совсем молодой еще, вместо танцулек в клубах этих с наркотой, после работы, по вечерам читаешь партийную литературу. Нет, зря клевещут по радио и телевидению на нашу молодежь, дескать, совсем пропаща, безыдейная и бездуховная. Пока такие вот Антоны есть — будет и будущее у нас... разумеется, светлое коммунистическое!»

...Где-то ближе к наполнению корпуса от «Альпиниста» требуемой трехлетним планом суммой Антон вроде как случайно оговорился в гостях у Фирюлина, что вот собирается приобрести автомобиль. Уловив внезапную настороженность в глазах собеседника, пояснил: машина-то ему и даром не нужна, нет в его характере стремления к собственности, но требуется для работы: иногда ему дают старшие товарищи задание доставлять по адресам партийную

печать. Общественный транспорт совсем развалился, все на свои автомобили пересели. «Так что, Сергей Ильич, как говорил Ленин, приходится бить врага его же оружием». Фирюлин облегченно обмяк и уже сам предложил пользоваться его гаражом, когда Антон высказал опасение, что будет опасаться оставлять во дворе машину с *литературой*. «Будем, Антон, совместно пользоваться гаражом. А чтобы фискалы всякие и инспекции к тебе не придирались, так я тебя официально совладельцем впишу в кооперативные ведомости. Чтобы Степановна моя — баба она и есть баба, даже интеллигентская, бывшая учительша — не ворчала, ведь не трудно будет тебе ее летом пару раз в *месяц* до Осиновой горы домчать? Вот и договорились».

◆ С гаражом дело на мази. С деньгами с середины второго года в оптовке и вовсе замечательно пошло. Не стахановскими, конечно, темпами, но без сомнения в исполнении трехлетнего плана. А все просто: наемному директору базы (хозяин с обилем таковых проживал в столице) приглянулся парень с потомственной рабочей косточкой, хотя и себе на уме, как все нынешние молодые, но добросовестный и аккуратный. Так Антон стал бригадиром, старшим менеджером по официальной записи. Под его началом пять мужиков грузчиков-экспедиторов и его ровесница, кстати из деревенских, в первом поколении перебравшихся на косолученскую окраину города, миловидная, дальняя свойственница директора оптовки. В ее обязанности входит вся бригадирская канцелярия — в крохотной комнатушке: стол с компьютером, стул, полка с папками и отсутствие окон.

То ли от несколько суеверной бабки ему передалось, а может от ранних детских впечатлений, застолбивших в голове сумятицу двухтысячных годов — прямых наследниц «лихих девяностых», понятно дело, не из газет и радиотелевидения, но из

опасливо-нервического поведения своих семейных... словом, некоторая мнительность в Антоне присутствовала. Сам себя стыдясь, вроде как по делу останавливался на тротуаре, увидев впереди себя перебежавшую его черную кошку — пока кто-то другой эту черту не перейдет. Вот по этой причине, мол, по приметам неродившемуся еще младенцу коляску и другое приданье не покупают, Антон твердо решил оформлять права только после покупки машины. Тем более, что соседские дружбаны с машинами давно научили его ездить — не только за городом, но и по окраинным косолученским улочкам, отродясь не видавших гаишников. И матчасть, очень понятную рабочему человеку, выучил по руководствам на автомобильных сайтах. То есть после покупки авто заплатит за курсы, объяснив все руководителю, сдаст экзамены и оформит права у гаишников. Расходы на курсы, а также на *комплект зимней резины*, он плюсовал в «Альпинисте» к базовой стоимости «тойоты».

Человек полагает, а бог располагает, Наступил день, когда новехонькая, *маде ин джапан*, «тойота» под восхищенные присвисты дворовых ребят и мужиков вкатила в совместный гараж Фирюлина и Антона. Дома он опростал «Альпинист» от оставшихся купюр, которые разделил на две части: одну за курсы водителей и гаишные оформительские поборы, другую — на зимнюю резину, что собирался приобрести ближе к зиме, чтобы не торопясь, поискать подешевле.

Время курсов пробежало скоро, остались формальности гаишного оформления. ...На всю дальнейшую жизнь Антон запомнил тот день, когда он получил отказ в правах. Ему разъяснили без лицемерий: права ему выдать не могут по существующим узаконениям, поскольку гражданин Котелкин Антон Николаевич состоит на условном, без осмотров,

профилактическом учете городского психоневрологического диспансера, в каковой названный гражданин обращался <дата> по направлению горвоенкомата <подпись, печать>. И помета: «Выдана по квалификационному запросу ГИБДД для оформления водительских прав».

Малопьющий Антон сорвался, в запое растратил деньги на зимнюю резину. Хорошо запил в отпуске, а то бы уволили из оптовки. Радости единичны, а беды толпами ходят. Пока Антон гудел в запое, приехал разгневанный сын-бизнесмен Фирюлин, выгнал из гаража Антонову «тойоту», бросив ее прямо у дороги перед кооперативом. В первую же ночь ее, еще не застрахованную, угнали. С концами. Отрезвев и погоревав скучно, по-мужски, Антон женился на своей подчиненной-учетчице, а через пять лет заменил на посту наемного директора оптовки, ушедшего на пенсию (по малому, не дошедшему до наказания, воровскому делу) дальнего собственника своей супруги. Она же готовится подарить Антону второго сына.— По показаниям УЗИ. Сам же Антон ездит только на положенной ему по должности служебной машине, а вечерами иногда читает «Капитал», купленный в «Буккниге», заходит по выходным к Сергею Ильичу Фирюлину, извинившемуся за гаражное самоуправство сына: «Бог с ним, с жертвой буржуазного потребительства. Правильно старина Маркс сказал, что нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист за десять процентов прибыли, а за двадцать и мать родную удовлит... что-то, Антон, в этом роде».

Накануне уикенда, когда уже пошабашили и наработанное за день инкассатору сдали, зашел в лавку хозяин Матвей Силич, присел, не раздеваясь, повел неторопливую беседу с приказчиками-менеджерами:

— Вот в газетах пишут, по радио и телевизору все о пользе малого бизнеса говорят, дескать, только он и подымет Россию на недосягаемую высоту. А вы, полупочтенные, как мыслите?

— Да-а, Матвей Силич, так-то оно так, да вот в Америке и передовой Европе этот самый малый всего лишь на побегушках у крупных фирм, ведь им самим авианосцев и марсовых не осилить. А в какой-нибудь Мали или Таиланде, где все торгуют, действительно, до 90 % помалу бизнесменствуют. Что ж нам на них равняться?

— Ты, Недошлепкин, особо-то не умничай, даром что на родительские деньги частный университет, что за углом, окончил. Мы тоже не лыком шиты, я вот в советское время аспирантуру по философии прошел и диссертацию защитил. Так вот, есть такая философия стоицизма, еще в Древнем Риме созданная на основе учения Платона и ионийской школы. И согласно этому учению, путь к личному самоусовершенствованию пролегает через стойкое, терпеливое отношение к самым нелепым обстоятельствам окружающего мира. Будем терпеть и мы. А как выйдет рескрипт авианосцы строить, так бросим эту чертову лавку, засучим рукава... Эх, давай, ребята, выпьем!

«КАМО ГРЯДЕШИ?»* — КТО ДАСТ ОТВЕТ...

На Руси все православные знают, что кто библию прочитал и «до Христа дочитался», с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди что юродивые,— они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся.

Н. С. Лесков «Однодум»

◆ Петр Елшин, перешедший на последний курс семинарии в Сергиевом Посаде, с прицелом дальнейшего поступления в академию, размещавшуюся за теми же лаврскими крепостными стенами МДАиС, то есть Московской духовной академии и семинарии, отпущеный на летние вакации, ехал домой. Понятно, в цивильной одежде. Как то и принято у семинаристов вне стен Лавры, особенно при выезде из Сергиева Посада, когда-то, в советское время, имевшавшегося Загорском — в честь большевика и партийного функционера в послереволюционные годы Загорского. Не потому что какое-то стеснение испытывали семинаристы в своих форменных кителях в двадцать первом веке, но не всегда приятно излишнее внимание досужих встречных на улицах и попутчиков на транспорте. А то иной подвыпивший,

* По принятой литературной традиции, если название произведения уже ранее было использовано в таком же качестве, то оно закавычивается. «Камо градеши?» — церковнославянское название в русском переводе «нобелевского» романа Генриха Сенкевича «*Quo vadis*» («Куда идешь?» — лат.)... Как это ни странно, но ни разу и нигде не встречал упоминания, что Сенкевич — первый российский нобелевский лауреат по литературе, поскольку жил и работал он в Царстве Польском, входившем до 1917-го года в состав Российской империи, а значит являлся российским подданным.— Прим. авт.

хотя их год от года все меньше на публике встречается, мужик пристанет с расспросами, в основном о «зарплате попов» и платят ли им пенсию от государства, от которого церковь отделена.

Академический профессор отец Алексей Прозоров, преподающий в семинарии гомилетику, а в академии патристику, как-то оказался попутчиком в проходящей alexandrovskой электричке Петру с его однокашником и приятелем Мишой Раменским: под выходной день у всех трех нашлись дела в Москве. Что касается семинаристов, то москвич Миша зазвал друга в гости, «отдохнуть от бурсацкой дисциплины и постного едова», как ловкий на язык столичный житель сыронизировал. Поскольку и профессор в сане священника, и его воспитанники, понятно дело, в гражданской зимней одежде путь-дорогу держали, то, кратко, по-учительски, справившись у семинаристов о цели поездки в Москву (ответили, конечно, не ироничной присказкой про бурсу, но желанием родителей Миши увидеть его приятеля), отец Алексей Прозоров сам, прилично его сану, ученному званию и официальной должности, пощуковал старинной бурсацкой присказкой: «Ну-у, молодые люди, смотрю, в штатском, принаряженные как на свадьбу к архиерею!» Семинаристы изобразили конфузливые смешки. А отец Алексей по словоохотливой преподавательской привычке дальше развивал, скрашивая скучу темной, вечерне-зимней полуторачасовой дороги в почти пустом вагоне, ухваченную тему одежды священно- и церковнослужителей: при службе и исполнении треб вне храма и в мирской среде причта и окормляемой паствы. После Хотьково профессор уже вошел в лекционный ритм, а когда электричка миновала Софрино, то уже до конца пути отец Алексей методически и церковно-догматически выверено развел свой взгляд на одеяние служителя всевышнего и носителя сокровенного знания. Особенно профессор

останавливался на сложном положении русского православного духовенства, на протяжении прошлого века не один и не два раза испытавшего на себе переменчивость в отношении властей к церкви.

По всему было видно, что такая с виду узкая, частная тема, причем в сугубо обрядовом толковании, уже не раз заставляла профессора всесторонне продумывать ее. Отсюда и ворох дословных ссылок на книги Ветхого и Нового Заветов, особенно из последнего — Деяний Апостолов, а также из трудов и поучений отцов церкви византийского православия, что отец Алексей обронил на головы заскучавших семинаристов, решивших на сутки вежливо отодвинуть «родную бурсу» в сторону. Электричка им попалась неудачная, «сборная», то есть с остановками на самых крохотных полустанках. На одном из них, сразу после Софрино, в вагон вошел и уселся неподалеку от профессора и семинаристов редкостный в наше дисциплинарно-строгое время запьянцовский мужичонка под ощутимым градусом «от кумы». Заслушавшись рассуждений осанистого бородатого профессора на церковные темы, мужичонка истово перекрестился, но вскоре задремал. Это-то и спасло его от проследовавшего по вагону полицейского наряда: приняли за просто уставшего работягу, возвращающегося после трудового дня к дому, к семье — супруге и малым деткам...

Распрощавшись после входа на станцию метро Ленинградского вокзала со своим преподавателем, Петр с Мишей взяли курс на дом последнего, а это через весь город в юго-западном направлении. Посмеявшись незлобиво над увлеченностью профессора, кстати, за свое добродушие уважаемого семинаристами и академистами, «униформизмом», Миша, в пятом уже поколении по отцовской линии ведший род от крещеного купца из ветхозаветного народа из Рамони Воронежской губернии — отсюда и фами-

лия, где со временем буква «о» заменилась на «е», — поэтому многое чего знаяший по части своих, давно русифицировавшихся предков, скрашивая долгий и монотонный путь, проиллюстрировал лекцию отца Алексея забавным историческим примером. Со слов деда, московского священника.

...Когда в двадцатых-тридцатых годах Америка погрузилась в великую экономическую депрессию, раздосадованный безработицей и безденежьем народ, по обычаю и нравам всех других простолюдинов в мире, обратил свое неудовольствие не против власть имущих, как советовали ему социалисты и коммунисты, впрочем, малочисленные в Америке, но в отношении банков, своими финансовыми спекуляциями и создавшими кризис перепроизводства. Понятно, не они одни его вызвали, здесь вся капиталистическая структура сработала, но народу-то особенно банки с их хеопсовыми пирамидами долларов не нравились. А кто банками за океаном владеет? — По одним фамилиям понятно. Вот и начался антисемитизм, вообще говоря, не свойственный Америке, причем на улично-бытовом уровне. Евреям из числа верующих ортодоксов, что должны всегда иметь на голове ермолку, вовсе из дома выходить стало опасно. Вот тогда-то, собравшись, раввины Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии и городов других северо-восточных штатов, где значительна еврейская прослойка, и приняли соломоново решение: заменить при выходе на улицу традиционные ермолки на спортивные бейсболки, отличие которых только в козырьке у последних.

Надо заметить, что до этого соломонова решения ермолки с утиными козырьками надевали только бейсболисты и исключительно на время матчей любимой американской игры. Появиться в таком головном уборе вне стадиона было все одно, как бы про дефилировать пешком по авеню или перпендикулярному ему стриту в мотоциклетном шлеме, а в сосед-

ней Канаде — в хоккейном. Но после появления в городах северо-восточных штатов многочисленных людей в доселе чисто спортивных бейсболках тотчас привило моду на них. Вскоре вся Америка щеголяла в таковых, вовсе и не помышляя о причинах популярности такого фасона головных уборов. Затем американская армия в них, цвета хаки, облачилась, а во второй половине прошлого века и весь мир. Даже в Израиле модифицированные ермолки заметно потеснили ветхозаветную модель. «Вот тебе, дорогой тезка главного Христова апостола, классический пример того, чем питаются мифы о мировом сионистском заговоре,— рассмеялся Миша,— захотели они и одели весь мир в свои национальные шапочки; козырьки не в счет. Как мой батя на эту тему рассуждает: советские-то высшие партайгеноссе вовсе не дураками от сохи были, далеко в корень смотрели, знали предысторию бейсболок, поэтому те в Советском Союзе не приветствовались, ширпотреб их не строчил, если только закавказские цеховики на них стартовый капитал не стригли. Тем более ни в какой уставной форме они не значились. Наоборот,— Миша и вовсе расхохотался,— явно не без черного юмора вариант бейсболки ввели в качестве головного убора в комплект одежды ээков! Точно также и с субботой случилось, хотя бы в облегченном варианте, о котором Маймонид* сказал, что не человек для субботы, но суббота для человека. Опять же конспирологи убеждают: они, мол, заставили весь шар земной соблюдать шабад! Хотя, конечно, причина-то в другом: человечество все плодится, а машины-автоматы все более и более ликвидируют рабочие места. Отсюда по необходимости и

* Самый известный в истории древнееврейский врач и учений, своими действиями и высказываниями восстановивший против себя ортодоксальную иудейскую верхушку.— Прим. авт.

второй выходной. Сейчас же на полном серьезе в СМИ — а они во всем мире по-гебельсовски сначала прощупывают возможный отклик и готовят почву — вовсю разглагольствуют о трех выходных днях. Поскольку же это стопроцентно будет пятница, то конспирологи с сожалением оставят на время всемирный сионистский заговор и перейдут к прогибанию мира перед воинственным исламским фундаментализмом...».

«Да-да,— оживился и Петр,— мой двоюродный дед, офицер, воевал, понятно на египетской стороне, военным советником невысокого ранга в одной из арабо-израильских стычек. Так у них присказка ходила: воюем четыре дня в неделю; в пятницу арабы намаз творят, просят аллаха и русских друзей помочь одолеть врагов; в субботу правоверный их противник тяжелее стопки водки не имеет права ничего поднять рукой, а в воскресенье — войнавойной, но обед вовремя — вынь да положь выходной для советского бойца».

«Кстати, и насчет субботы в Союзе тянули сколько можно, а в ГДР и на Кубе вовсе она рабочей была до крушения соцлагеря»,— добавил Миша и, хотя по его подсчетам еврейской крови в нем присутствовало не более одной шестнадцатой, но анекдотов в этой части знал он немеренно — от деда-священника, учившегося в одесской семинарии. Чем он и развлекал приятеля до конечной юго-западной станции метро.

♦ Эту полуторагодовой давности поездку с Мишней Раменским Петр вспомнил в электричке, начиная путь домой — с тремя пересадками, на двух электричках и двух автобусах, с утра до наступления вечера. Не то что утомительно для его возраста, но день-то теряется! А на пороге юности и молодости дни счетны, ибо не стали еще обыденностью. За годы семинарской жизни выработал и временнóй

график таких поездок: чтобы не засиживаться на пересадках. Поэтому начинал ее вот этой самой электричкой, ко всему — полезному-прочему проскакивающей малоизначающие остановки. Воспоминание же о той дневной поездке в компании с Мишней и профессором Прозоровым случилось по ассоциации: как тогда в вагоне оказался запьянировый мужичонка, так и сейчас в Софрино вошел и сел наискосок через проход от него мужчина средних лет, явно командированный в этот городок, а теперь возвращающийся домой. По всему видно было, что накануне он достаточно «принял» в компании, а утром умеренно опохмелился: несколько помятое, хотя и тщательно выбритое лицо выдавало. «Царский офицер всегда слегка пьян и до синевы выбрит, а советский слегка выбрит и до синевы пьян», — усмехнувшись, вспомнил двоюродного деда во время приездов — навестить родню — с его неисчислимыми офицерскими байками и присказками, запомнившимися Петру с младшесклассных лет. Хотя и был тот уже давно в отставке.

Прибыв на «северную» — с Ленинградским и Ярославским — сторону площади трех вокзалов, уже через полчаса Петр сидел в другой электричке, заранее настроившись на трехчасовой путь, даже усилием воли нагнал на себя чуткую дремоту. Но вот и их областной город. Сойдя с платформы, прошел мимо основательного, постройки позапрошлого века вокзала с рядом табличек на стене в сторону путей с именами русских писателей, по широкой лестнице спустился на привокзальную площадь, немногого прошел в сторону троллейбусной остановки и сел в удачно подкативший нужный маршрут. Обогнув по западной окраине центральную, в три района, часть города, троллейбус довез нашего путешественника к междугороднему автовокзалу. И снова два часа пути до райцентра с его теплоэлектростанцией, с каскадом промышленных прудов при ней. Тоже историческое

место: бывшее некогда поселение отставных — по сроку службы, болезням и ранениям — солдат, что устроил для своих «чудо-богатырей» генералиссимус Суворов. И, наконец, полчаса с небольшим на местном автобусе до родного городка: сначала лес, перемеживаемый деревнями и рабочим поселком при «ликерке», затем, после оставленного справа очень известного санатория с минеральным источником, а напротив слева — железнодорожной станции, где останавливаются пассажирские поезда, связывающие Южный Урал с Минском и Калининградом, многокилометровая пойменная равнина — бывшее владение образцового, уже давно разрушенного совхоза.

Тпр-р-у! Вот и докатились по равнине: смешной мост через Оку, кем только в области и за ее пределами не карикатуризованный, спроектированный таким, что в половодье он скрывается под разлившейся водой, а всякое сообщение берегов на неделю-полторы прерывается. В это время попасть в родной городок можно только через соседнюю область, в территорию которой, с границей по реке, по левому берегу городок вклинивается, как плацдарм при форсировании, с сосновым лесным массивом и засеянными полями. Сразу за спешным, экономно построенным мостом («Экономика должна быть экономной», — как припечатал Леонид Ильич в свое время на плакатах по всей стране) крутейший левый берег, так что автобус по-кавказски взирается по косогору, где дорога даже делает серпантинный поворот. На верхушке родной крохотный городок, именуемый таковым явно в уважительную память о славном его историческом прошлом, как пограничной крепости между Русью и Литвой. И название он тогда носил неуютное. В советское время переименован в честь юного героя-партизана. Выходя из автобуса, Петр услышал негромкий колокольный звон со стороны близко стоящей церкви — к вечерней службе. Цер-

ковь тоже небольшая, с колокольней-времянкой вместо разрушенной в войну. Несколько двухэтажных зданий, все остальное — частные дома. И его такой же в немногих минутах ходьбы от крохотной городской площади с автобусной остановкой.

Слава богу — путь необременительный, но — дома!

◆ Наутро, день будний, Петр заспался — вакационная воля в родном доме! — и не слышал как родители ушли на работу. Мать, учительница биологии и химии — в единственную в городе школу, приземистую, но стена которой у входа обрамлена несколькими мраморными табличками выпускников, героев Отечественной войны — сейчас там самое хлопотное время, экзаменационное, что сами учителя малоодобрительно именуют «егешным». Отец же трудится на теплоэлектростанции по инженерной части, замначальником цеха, поэтому и выходит из дома раньше матери — на первый автобус до района. Отец местный, а с матерью познакомились, учась в областном городе: он в университете, бывшем политехническом институте, она в педвузе. И бабушка, отцова мать, тоже отсутствовала — церковной старости хе надлежит с заутрени «общественный трудодень», как добродушно острит отец, начинать. Ее покойный супруг, Петров дед, в этой же церкви дьяконом состоял. Как правильно в русских романах наши классики позапрошлого века любовно описывали представителей этой славной профессии, уважал дед «для густоты баса» не единожды на дню пропустить и магазинной, и соседской самогоновки, и церковного причастного кагора. Впрочем, богу душу отдал, сильно простудившись — оттого что трезвым был... Так и сама бабушка порой говорила.

Съев оставленный для него еще теплый завтрак, по-крестьянски (их городок по нравам мало чем от села отличается) основательный — до вечернего

едова, когда все в сборе, Петр по погоде, в джинсах и майке-безрукавке, прихватив взятый на лето из лаврской библиотеки изящный, издательства «*Academia*» тридцатых годов, толстенький томик Гвиччардини*, потрепав по густой шерсти кота Сеньку, поутру вернувшегося с гулянки, вышел на улицу, прошел проулком до близкого дома старшей его замужней сестры Ольги. Застав ее с трехлетней племянницей, доложился о прибытии на каникулы, за короткой беседой угостился чаем с малиновым прошлогодним вареньем, сделал козу дитенку, отсалютовал сестре и взял направление на «утес Стеньки Разина» — в паре километров от города по течению Оки, где та делала резкий поворот на восток, потому гористый берег резко снижался до луговой низменности, а противоположный, наоборот, из низины бывшего совхоза возрастал до береговой возвышенности.

С утеса, окаймленного сосновым бором, открывался великолепный вид на излучину реки: справа их городок над Окой, а слева и до горизонта свежезасеянное пшеницей пространство с дальним полевым станом и по какой-то нужде тарахтящим трактором. Истинная ширь и воля для взгляда — так он определял свои ощущения на утесе. Сразу ему вспоминалось чудесное описание схожего уголка среднерусской равнины, данное Гоголем в одной из уцелевших черновых глав второго тома «Мертвых душ». А одна москвичка среднестарших лет, которую Петр из года в год летом встречал на утесе — и на улицах городка также,— в завязавшейся как-то беседе поведала ему, что она «со средствами», но вместо всяких эк-

* Как и Никколо Макьявелли, автор «Государя», его современник (XVI век) Франческо Гвиччардини, что из флорентийского знатного рода Гвиччардини, автор «Рассуждений», о книге которого здесь идет речь, виднейший средневековый историк и моралист.— Прим. авт.

зотических заграничных островов приезжает только сюда, к дальней своей родственнице, субсидируя ремонт и частичную перестройку ее домика обок церкви, только для того, чтобы в хорошую солнечную погоду любоваться таким великолепным видом. «Даже не видом,— поправилась она,— но зреющим, где все замерло в извечном русском ожидании ответа на вопрос: «Куда идешь, Русь?» Даже Ока здесь, на повороте, расширяясь, замедляет свое течение, задумывается...» Дама московская не только «со средствами» была, но и с отменным образованием и чувственной душой, что не могут испортить в ином человеке даже мешки долларов и евро.— Так определил Петр свою случившуюся соседку по утесу. Но сегодня ее не замечалось, хотя бабуся вчера за поздним — к его приезду — ужином оговорилась, что ежелетняя москвичка, что к Филипповым приезжает, уже прибыла в город.

Узнав в том разговоре, что ее молодой собеседник учится в семинарии, москвичка очень тактично, не в лоб, не сразу, а через четверть часа, как умеют умные женщины, подвела его к пояснению причин такого устремления Петра. «Может наследственное воцерковление?» — уточнила она. На что тот совершенно искренне ответил, что вряд ли дед-дьякон и бабуся — церковная старостиха на пенсии сколь-либо движители выбора им не совсем ординарного образования и возможного рода деятельности в будущей жизни. Просто общее впечатление от современного течения жизни, что в их крохотном городке, или в областном центре, где, учась в старших школьных классах, он на каникулах часто гостевал у живущих там родственников, дядек и теток отца и матери с детьми, сверстниками Петра, не внушает ему чего-либо «отчаянно позитивного», как он выразился. Собственно не священничество, хотя бы и украшенное постановочной пышностью византийского

православия, есть цель его выбора, но уютность воцерковленных, приходских мирков, как спасение от полнейшей бездуховности и волчьего себя-индивидуализма современного глобализованного мира. Опять же духовное, церковное образование — семинария с прицелом на академию — в сочетании с литературным, историческим, психологическим и так далее дополняющим самообразованием позволяют ему в дальнейшем мыслить системно, что недостижимо в современном университетском эрзац-образовании с его цифровым утилитаризмом, подменой подлинного, творческого знания набором гигабайтов информационного шума... и то не в голове, а на дисках и флешках.

«Понимаете, Наталья Леонидовна (они обменялись именами), я получился динозавром нашего времени, а именно — внешне воцерковленный гуманист, даже гуманистический естественник, если возможно такое словосочетание». Услышав о духовной академии для продолжения учебы, москвичка столь же ненавязчиво поинтересовалась: не собирается ли он перейти в черное духовенство, наметив путь к епископской, а может и митропольичей кафедре. «Нет-нет, Наталья Леонидовна, монашеское служение — и вообще возрастание в церковных чинах — меня совершенно не прельщает. Это другой уровень духовной и душевной, не считите за тавтологию, человеческой организации. Тем более вопрос о карьерном росте... Как это ни печально и скорбно, но верна здесь историей семижды семи подтвержденная истина: всякий народ заслуживает имманентных его умственному, нравственному и гражданскому состоянию правителей, армию, науку и так далее — до церкви, как учреждения, так и веры. Я и здесь динозавр. Может в генах и советский колLECTИВИзм и отрицание карьеризма со всякой частнособственностью закрепились». Разговор этот состоялся прошлым летом. Петр — к вопросу о монашестве — не счел

тогда необходимым и возможным в беседе в полузнакомым человеком сказать, что у него есть невеста Светлана, знакомая со школьной парты, как и он выпускница-медалистка. Учится в престижном столичном гуманитарном вузе. И что этим летом они собираются обручиться по-церковному, а через год здесь же, в городской церкви, повенчаться перед последними курсами их учебы. «Не для получения прихода, конечно, тем более на академию серьезно настроен, но — мы состоявшаяся и неразменная пара».

◆ Устроившись на «личном», прогретом солнцем, отшлифованном в великое оледенение валуне на краю утеса — ощущение, что Ока глубоко внизу под ногами разворачивает свои воды на восток, в сторону Волги,— Петр («Будешь ты, Петр — камень веры» — из Писания), теребя в ладонях томик хитроумного флорентийца в дизайнерском, как бы сейчас сказали, холстинковом переплете с выштампованным цветным портретом, вспомнил о сегодняшнем утреннем, как проснулся, звонке Светлане. Сообщил о приезде домой. За неделю до этого, встретившись в Москве, обговорили, что она после учебной практики в подольском архиве тоже приедет: будут готовиться к венчанию и свадьбе. Пока же Петру полмесяца выпало время пофилософствовать на утесе.

А рассуждения, в отличие от тех же *Ricordi* Гвиччардини, на утесе у него попрвоначалу сводились к одной и той же ассоциации: среднерусская красота открывающегося отсюда вида — простора и воли — и византийская обрядовость русского православия. Именно не нынешнего греческого, других балканских стран, не эфиопского, всех остальных без России почти полутора десятков православных автокефалий. Кажется, на что основателен Афон, в котором Петр побывал, как отличник, включенный в группу от МДАиС, но разве он сравнится с их Лаврой, Новым Иерусалимом, а особенно с Опти-

ной Пустынью, до которой отсюда, из их городка, рукой подать: прошлым детом в хорошую погоду пешком до нее ходил. Обратно, правда, подъехал на экскурсионном автобусе от санатория с минводами... Вполне возможно, что «двойного» язычника — от славян и варягов — князя Владимира* поразила и привлекла византийская пышность их храмов и обрядов, например, по сравнению с сухостью того же у католиков. Тож в иудаизме и исламе.

Неоглядные русские просторы, географическая разобщенность древних русичей, трудность выживания и национальное одиночество в стороне от многолюдной и пестрой Европы, с одной стороны, и кочевые воинственные племена на востоке и юге, безликие, с самыми крохотными зачатками цивилизации, с другой — все это для веселения жизни (не одно Владимиово «питие есть веселье Руси!»), ее скращивание в селах и крохотных городах в окружении непроходимых лесов (Петру представился его городок, что в паре километров от утеса), требовало зрелищности, а в общении с приходом — не умозрительных проповедей, еще не воспринимаемых лесным народом, недавними язычниками, для которых втайне Христос еще не заменил Перуна, но торжества действия песнопениями, с сверкающим золотом облачением священнослужителей.

Наверное, этими атрибутами византийское православие пришлось поначалу по душе людям Древней Руси. Именно поначалу и внешне. Мудрый князь Владимир с подсказки воспитанно проницательных, одновременно государственно мыслящих греческих священников-миссионеров, принимая для Руси пра-

* Известны изображения князя Владимира до принятия им христианства и после крещения Руси. На первом — типичный варяг с бритым подбородком и висячими норманнскими усами (у нас они называются «хохлацкими»), на втором — уже с византийской бородой.— Прим. авт.

вославие, понимал, что в считанные годы, пусть десятилетия, но никак не в века, в части становления новой веры Руши предстоит пройти путь, что в Европе для полного торжества христианства, как западного, так и восточного византийского, занял тысячу лет без малого. Итак, поразив воображение лесных, отчасти предстепных, язычников пышностью строений и обрядов, греческие миссионеры и подготовленные ими «местные кадры» священно- и церковнослужителей приступили к внедрению норм христианской морали, что есть базис Христова учения, изложенного им в Нагорной проповеди и далее оформленного его учениками и последователями в Заповедях блаженств Нового Завета. И опять здесь не акцент католицизма на проповеди, но сочетание увещевательности и обрядности византийского православия пришлось по душе русскому человеку, который до времени от Никонова раскола (именно он, а не Аввакум с подвижниками породил раскол!) к церковной реформе Петра Первого с упразднением патриаршества понимал и воспринимал Христовы заповеди в их евангельской конкретности: от *не укради* и *не убий* до верблюда в игольном ушке — полное неприятие неправедного богатства, по сути — отрицания богатств неправедных. Разумеется, никаких подобий торговым папским индульгенциям, а когда Лютер с Кальвиным, восстав против них, отделили от Рима протестантскую северную и северо-восточную Европу, то и вовсе (хотели как лучше, получилось намного хуже) сделали церковь полной служанкой нарождающегося капитализма — полного царства социального неравенства и господства капитализации.

...Не зря первые семьсот лет от крещения Руши — где-то читал Петр — православие являлось первой любовью русского человека в его морали и социализации.

Нет, резюмировал Петр, было бы дико ему смотреть с утеса на эту спокойную роскошь среднерусского мира («Спасибо, сторона родная, за твой чарующий...» Да!), возвышенные места которого утыканы готическими костелами или «гражданского покроя» кирхами. Тем более мечетями или синагогами — им свое место в России имеется. Для русского человека православие не столько место «отправления культа», но за тысячелетие генофенотипически выработанное в цепи сорока предшествующих поколений миросозерцания с его теплом общности и *вещным* символом действенности норм христианской морали — высшей в этом качестве в мире социумной организации. А корреляция с государственностью? — Опять по Христовым заповедям: «Кесарю кесарево, а Богу богово».

♦ Но вот прошли эти века православия — первой любви Руси-России. Страна наша, волею мировой истории распрошавшись с духом Третьего Рима последних царей-рюриковичей и первых Романовых, постепенно утратила эту первую любовь. Но — это слишком хорошо изучено, растолковано и оттиснуто в тысячах томов. А к окончанию позапрошлого века все происходящее в России как бы вторило горестным словам протоиерея Савелия Туберозова из «Соборян» Лескова, недавно прочитанных Петром, что-де насколько еще хватит православию времени для оскудения его в русской душе?

Он, Петр, намеревающийся не за страх, понынешнему не для карьеры и куска пожирнее, но за свою совесть служить православной идее, стоит сейчас перед евангельским вопросом, заданным на Аплиевой дороге при встрече вернувшегося вновь на землю Христа и его любимого апостола Петра, в ужасе удаляющегося от Рима с избиваемыми цезарскими воинами христианами: «Камо грядеши?» А куда ему, Петру Елшину, идти? — Кто даст ответ...

Но ведь жить, трудиться, не предполагая ответа — это значит не иметь цели. История же учит непреложно, что без определения, хотя бы в самой слабой степени вероятности, цели человека, социум ожидает тупик. Тому примеров тьма. Как революционер Троцкий — главное ввязаться в мировую революцию, а там кривая вывезет. Вот и вывезла в войне с Польшей; только Сталин со временем вернул потерянный запад страны в той позорной по результатам войне... под водительством Тухачевского. Или рыночная экономика, о которой мечтали все российские либералы — вот и дождались ее, родимую! Здесь кривая без цели, исключая, конечно, обогащение любой ценой, в тупик завела, из которого, из кризиса, общество выходит величайшим напряжением сил и предельным обнищанием масс. Нет, либерализм не для русского православия; Петр цепкой семинарской памятью сразу вспомнил слова* Евгения Павловича из «Идиота». Западный католицизм показал, что либерализм есть размыкающий смягчитель христианской морали. При этом странным образом он идет в полной параллели с казалось бы противоположным — иезуитским девизом Игната Лойолы: «Цель оправдывает средства!» И итогом такого странного симбиоза явился нынешний глобализм, в структуре которого вовсе нет места Христовой морали, тем более в ее русской православной доктринальной и жизненно-практической полноте.

* «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А. Я.) либерал, а есть *не* русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую». — Прим. авт.

Так куда идешь вступающий во взрослую жизнь Петр?

Выбор пути, что есть сомнение в правильности означенной себе цели, есть прямая дорога в ад — хотя это из догматов католицизма, но из постановлений четвертого вселенского собора (Петр по нему писал курсовое сочинение) следует его общехристианская, евангельская, точнее новозаветная правота. Итак — без сомнений. Раз ты избрал стезю православного священства, возможно, имел в виду грядущий академический курс, и вероучительство в расширенном понимании, то путь твой в наступившие времена не то что каменист и неторен, но есть пре-возможение доселе незнаемых христианской, тем паче русской православной, верой препятствий. Причем препятствий не случайных, но «законных вред», как означалось в средневековом рыцарском праве, которыми глобализм планомерно, системно, гибридно — на современном языке говоря, добивается уже *своей* цели: упразднение Христовой морали, оставляя лишь ее искаженные артефакты *морали по вызову*. Грубо-вально звучит, но ведь это так!

Если понимать это как личное руководство в жизненном занятии, то звучит если не оптимистично, то как апология своей востребованности социумом — хотя бы в пастве своего прихода, если судьбе будет угодно назначить его церковным священнослужителем. Но ведь всякое жизнеутверждающее начало в самом добром деле, к каковому всенепременно относится священнослужительство, рушится, когда осознаешь: человек сейчас, да-да, именно на наших глазах, переходит в иное эволюционное качество — винтика Молоха глобализма, родного, но более изощренного брата Великого инквизитора Достоевского из «Братьев Карамазовых», а таковому субъекту, как винтику-шпунтику, Христовы моральные заповеди, что сильно пьющему человеку лекции о вреде алкоголизма...

Итак, если исключить академическое толкование истории христианства, то остается приходское общение со своей немногочисленной, все более и более тающей паствой, из которых почти все, разочаровавшись в жизни или устав от нее многотрудной и несчастливой, ищут в церкви утешения, преимущественно в торжественности храмового действия, через лицезрение и участие в котором они через катарсис приходят к временному умиротворению. Как древние греки в своем театре с богами — изображаемыми действующими лицами — и, конечно, с хором, как основой античного театра. И проповеди, без того неакцентируемые в православной церкви, им особенно не потребны, ибо они без того всю жизнь следовали в достижимой полноте Христовым заповедям. Потому в жизни и не преуспели. Добродетель всегда бедна и малоутешна в земной жизни. Вся надежда на всеобщее воскрешение в Судный день, в коем они предстанут в первых рядах правых — даже не из жизненной богообязни получат они эти почетные места, но из впитанного с кровью сорока поколений предков безусловного следования нормам Христовой морали — высшей, выработанной человечеством.

...Петр раскрыл изящно изданный девяносто лет назад томик Гвиччардини на заложенной закладкой странице и продолжил начатое вчера в электричках и автобусах долгого дневного пути чтение средневекового исторического умницы и хитреца, уже и не вспоминая особо: почему во времена московского Третьего Рима «латинян» иначе как еретиками не называли? От Великого инквизитора до сегодняшнего Великого глобализатора.

Господи! Сколько же соблазнов на пути к познанию истины: женщины и вино, кальян и эполеты воина, мирская слава и покой домашнего очага... Все и вся сговорились против подвижника науки. Тем не менее — это суть диалектики познания: сопротивление нарастает по мере приближения к истине. А последняя, словно дразня, все дальше и дальше отбегает от своего преследователя...

ЕЖЕ ПИСАХ, ПИСАХ: ЭПИЛОГ К ПАНОПТИКУМУ МОЛОДЫХ ХАРАКТЕРОВ

Что хочешь, говорю, Фома, все для тебя сделаю. Вот ты велел мне сбрить бакенбарды, потому что в них мало патриотизма,— я сбрил, поморщился, а сбрил.

Ф. М. Достоевский
«Село Степанчиково и его обитатели»

...Порадуемся хоть тому, что мы еще умели всю жизнь оставаться литераторами (выд. Н. С. Лесковым.— А. Я.) и, питаясь тощими литературными опресноками, не продавали себя ни за большие деньги, ни за малые, как это начинается у других, похваляющихся своею бесстрастностью...

Н. С. Лесков.
Из письма к А. С. Суворину
от 7 марта 1873 г.

◆ Паноптикум вовсе не обидное слово в его историко-традиционной этимологии. Просто слова изменяют свое, так сказать, общественное звучание — особенно в нынешнее стремительное время. Но у нас оно использовано в первозданном смысле: обозрение, в данном сочинении — молодых характеров эпохи развертывания глобализма. Вы только что прочитали (слава богу, читающие еще остались!) о хозяйственном Викторе Лонгинове и его приятеле, начинаящем чиновнике Славе Добжике, как и о его коллеге Вове Шевлякове — только по другому областному департаменту, или, как их сейчас по принципу словесно измухи слона сотворять нарекли, министерству. Тьма

тьмущая у нас сейчас якобы министерств, университетов, профессоров, долларовых и рублевых миллиардеров... уже не говорим об инфляционных миллионерах, только маловато осталось совести, нравственности и, особенно, исконной православной морали, которой все же собирается служить заканчивающий семинарию симпатичный наш герой Петр Елшин. А чем не типичны Игорь Редькин с Олей Ладковой? Кроме умного апологета православной морали Петра Елшина таковыми представлены в чем-то схожие персонажи: архивист Гриша Неуспокоев и проходящий срочную на Крайнем Севере сухопутный матрос Кирилл Федорищев.

Вроде бы не на «главных ролях» в рассказах современные комсомольские функционеры Петя Подшибякин и Гриша Тетерин — во многом наивные по современному бытию ребята; увы, прошло безвозвратно их время. А каков вам медицинский студент Серега Евсюков, непроизвольно «зацепивший» новоявленную областную врачебную министершу Надежду Семеновну? А вот и представители самых что ни на есть современных профессий: копящий в корпусе старорежимного радиоприемника «Альпинист» на покупку «тойоты» торговец из оптовки Антон Котелкин и профессиональная содержанка для «вышесреднеклассных папиков» Катенька Мисюрина.

Не пренебрегли мы и приемом взгляда со стороны на современную молодую поросль: наши постоянные, «непреходящие» герои Николай Андреевич и Игорь Васильевич Скородумов очень даже обеспокоены явным непорядком с мыслями и делами этой поросли. Отсюда «пейзажи» с балкона у первого и внимательный взгляд второго на студентов его «универса»; тот же староста группы Шелудякин.

...И конечно же перепутавшие реальную жизнь с виртуальной компьютерной Кликов и Недолайкин, в мире Юрец Клюквин и Макс Недолазов. Ладно, они в конце концов в фантасмагорическом доме, за-

жатом двумя дорогами, без дворов (дом-вставка), волею случая обрели взаимное, без интернета, знакомство. Но вот Дениса Охлопкина погоня за покемонами привела к сумасшествию через кровавое проишествие. Как и компьютерщицу К.— эту, правда, не покемоны завели в безумие, но египтянин Ахмет, заведший себе временную русскую жену со всеми удобствами. Юрист Димон Третьюхин, корреспондент областной газеты «Толока» Дэн Кóрвин (в миру Денис Коротин), весельчак Жора, Гена и Стас, Миша Веселов и Света Тринберг...

◆ Круг персонажей широк: главных во многом дополняют эпизодические. Как то и принято в русском классическом повествовании, неважно, романе ли, рассказе или цикле вполне «автономных» новелл — как представленный читателю выше. «Позвольте,— воскликнет иной из них, по характеру склонный к критиканству — ловле блох, как говорили у нас в Литературном институте (ему бы самокритикой заняться, но она сейчас из обихода вышла...),— но где у вас, господин-товарищ сочинитель, представители, с одной стороны, официально признанных героических профессий, с другой — предосудительных, но столь привлекательных для рядового гражданина, особенно гражданок, на экранах телевизора, родов занятий в «ментовских» сериалах: проституток (содержанки не в счет), воров криминальных, «бизнесментеров» легальных и пр.? Где они, столь востребованные зрителем-читателем? Недоработочка, гражданин-товарищ!»

Ответим любознательному: во-первых, это паноптикум характеров, но не релиз, портфолио или резюме, говоря на современном американо-нижегородском диалекте, в части расписания профессий; во-вторых, молодых представителей официально-героических номинаций автор наблюдает только на телевизорах. Честно и искренне, безо всяких подковырок в стиле диссидентствующих право- или левого тол-

ков, говорю: наш город суть типичный областной, даже совсем недалекий от столицы, но как-то не доводилось встречать таковых «вживую», даже волонтеров различного рода занятий. А наша установка в данном цикле новелл — описывать только виденное или достоверно изустно слышанное. Даже трагические случаи сумасшествия (есть здесь два рассказа об этом) — взяты с натуры, со случайно знаемых людей. До помещения в известные учреждения, конечно. Уж пусть меня извинит дотошный критический — по поводу и без оного — мыслящий читатель. Эх, где бы вообще отыскать сейчас читателей?!

Наконец, писать о представителях предосудительного рода занятий (см. перечень выше) просто скучно и неинтересно. Как и о жизни богемно-артистической, олигархеро-мажорной и прочих сред. Ничего в них занимательно-сюжетного, фабульного нет по той причине, то вся их серая — при внешнем «блеске и нищете куртизанок» — жизнь есть накопительство денег, желательно в конвертируемой валюте, и их проматывание. Словом, жизнь на золотых бобах.

Ответив же достаточно аргументированно на вопрос скептика, заключим эпилог следующим соображением.

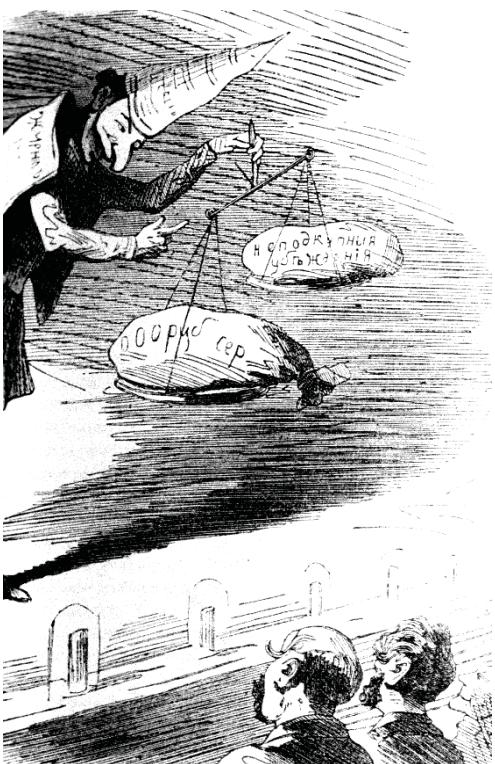
С позиции мышления человека старшего возраста, даже и среднестаршего, если он соображает самодостаточно (без руководящей подсказки телевидца и «инта»), особенно взросшего в доглобалистскую эпоху, то есть до девяностых годов, современный молодой человек, то есть от старшеклассника до осваивающего азы своей профессии, видится неким внешним подобием человека разумного (*homo sapiens sapiens* — высшее развитие, вершина биологической и социумной эволюции), хотя бы у него сейчас выраженно антипатриотическая, даже если он и состоит в каком-либо патриотическим «фронте» или «гвардии», растительность на голове: прически под холмский оселедец с выбритыми висками и игиловская борода на кадыке и подбородке. Но вот язык его,

который, как известно, есть отображение мышления, настораживает: по фонетике какой-то жеванный, смятый, по-нижегородски с аффектированным о. Даже для выступающих по радиотелевидению, отмеченных высокими для молодежи чинами, званиями и должностями, эти бесконечные э-э-э, а-а-а, типа как и пр. Умные люди, навроде «проходящих» персонажей наших, доцента Николая Андреяновича и особенно профессора Игоря Васильевича Скородумова, сразу скажут: это вернейший признак компьютерного, кликового мышления. На том и аминь скажем.

Но в рассказах наших мы не глазами означенных умников на молодую поросль смотрим, но отстраненно от какой-либо гуманитарной, идеолого-политической, «кухонной», иной другой установки. Сама себя познаши, говоря церковным языком. То есть как они, молодые, сами себя осознают в развертывающейся перед ними жизни. «Селфи на память», так сказать — их языком, фонетическим отображением их, увы, кликового мышления.

Вот здесь-то начинаются чудеса, огорчительные для умничающих доцентов и профессоров. А именно: жизнью они довольны! Даже такой сложной, трудноватой, неопределенной. Как доволен всякий человек в любую эпоху и ситуацию, ибо жизнь-то вся еще впереди! «Жив курилка!» — по Ромену Роллану. Почему же ему не радоваться своей жизни, ибо иной он не знал, не дано никому дважды войти в одну и ту же реку. Так порадуемся их молодому, хотя бы и трудному оптимизму. А мы, следуя словам героев Достоевского (см. первый эпиграф), бакенбарды не сбивая, тем более что никогда их не имели, и не надеясь на ныне упраздненные опресноки-гонорары (см. второй эпиграф), все взяли из нынешней жизни. Еже писах, писах. Извиняемся за некоторые повторы: новеллы и для журналов назначаются.

Как-то сговорились сочинители Сухариков и Омшаников сходить на выступление гастролирующего в городе фокусника Давыда Коперфилова из Одессы: чтобы набраться впечатлений для освежения своего творчества. Как раз Дементий Анатольевич начал творить новую 12-томную эпопею «Через тернии к

звездам» (*«Per aspera ad astram»* — назвал он ее по-латыни), а Андрея Трифоновича посетила музда драмы, племянница Мельпомены, и замахнулся он на пьесу об однополом сексе. Он в пику Омшанникову тоже хотел название дать не по-русски, да не знал иноземных языков еще со времен своего бригадирства машинным доением.

Сели они в первом ряду, смотрят, как Давыд взглядом часы-ходики с кукушкой останавливает, на аптекарских весах булыжники в равное по весу количество серебряных монет превращает. Зачарованно смотрят сочинители, замечтались. Сухарикова все большие серебряные деньги занимают, а Омшанникова, как лирика в душе, красотки в почти без ничего, которых одесский ловкач распиливает вдоль и потом вновь складывает. Вышли литераторы с представления и разошлись по своим домам — творить доброе и вечное. Впечатлений набрались много, так что Сухариков в своей пьесе ввел расчет за однополую любовь в серебряных деньгах, а его коллега в своей эпопее главную героиню во всех сценах раздел догола.

На днях они созвонились и договорились сходить в цирк, куда завезли крокодилов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Болдинское межсезонье (Предисловие)</i>	3
<i>17D</i> -водка оцифрованная безалкогольная.....	13
«Патока с имбирем, ничего не разберем!».....	29
«Бог пристанет и пастыря приставит».....	52
Белая ворона.....	70
Гармония на разных октавах.....	85
Лекция о постфиллоксере.....	103
Катенька Мисюрина.....	118
Кликов и Недолайкин, или жизнь в цифровом одиночестве.....	139
Сухопутный моряк морзиц Киря.....	157
Лечить проблему...	178
Творило мелкобуржуазной биомассы.	
Круг первый.....	198
«Тошнота», или безградусное пиво с лимонным соком.....	214
Взаимозачеты.....	233
Семена на ветру.....	253
Паранойя за клавиатурой.....	273
Шарлотта Корде с бензопилой.....	287
Зимняя резина.....	295
«Камо грядеши?» — кто даст ответ...	315
<i>Еже писах, писах: эпилог к паноптикуму молодых характеров</i>	335

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

**БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПАНОПТИКУМ МОЛОДЫХ ХАРАКТЕРОВ**

18+

ISBN 978-5-6045069-7-4

9 785604 506974

Редактирование и корректура А. А. Яшин
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета С. В. Никитин

Издатель: Академия российской литературы.
РОО Литературное сообщество «Новые Витражи»
105062, Москва, ул. Покровка, 45, корп. 4, к. 10
E-mail: dauria-vl@yandex.ru; тел. +7-926-850-36-05

Подписано в печать 07.11.2020 г.
Формат бумаги 84×108 1/16. Печ. л. 16,0.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура «Akademy».

Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «Аквариус»

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Тел./факс: +7(4872) 49-73-73

E-mail: aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru

<http://www.grif-tula.ru>

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года и член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Автор 32 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегий ряда московских, белорусских и региональных периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого (дважды), А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса»; белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного, премии им. святителя Макария, митрополита Алтайского. Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «Г. Р. Державин», «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления. Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радиостроитель России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования». Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель науки Европы (Ганновер). Биография А. А. Яшина опубликована в нескольких десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008) и статью в «Википедии».